

№ 2(17)

Июнь 2016

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2)

ВЕСТНИК *Института* Социологии

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера: **Консолидация общества**

/Цель любых консолидационных процессов в социуме – его социальное воспроизводство

/Инновации как ключевой фактор динамики современных процессов модернизации

/Женщины зачастую являются лидерами террористических организаций и генераторами преступных идей

Состав международного редакционного совета

Председатель:

КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД РФ (Москва, Россия);

ГАВРИЛЮК Вера Владимировна – доктор социологических наук, профессор, директор института гуманитарных наук Тюменского государственного нефтегазового университета (Тюмень, Россия);

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН (Москва, Россия);

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра исследования межнациональных отношений ИС РАН (Москва, Россия);

КИВИНЕН Марку – доктор философии, директор Александровского института Хельсинкского университета, Почётный доктор ИС РАН (Хельсинки, Финляндия);

КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович – доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии образования ИС РАН (Москва, Россия);

КОССЕЛА Кшиштоф – профессор Института социологии Варшавского университета (Варшава, Польша);

КРАСИН Юрий Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН (Москва, Россия);

КРУММ Райнхардт – доктор философии, руководитель Российского филиала Фонда им. Ф. Эберта (Берлин, Германия);

ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии ИФ РАН (Москва, Россия);

МИНЗАРИПОВ Ряз Гатауллович – доктор социологических наук, профессор, проректор Казанского (Приволжского) Федерального университета (Казань, Россия);

МИТРОВИЧ Любиша – профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш (Ниш, Сербия);

МОРГАН Джон Уильям – доктор философии, профессор, председатель национальной комиссии ЮНЕСКО, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Ноттингем, Ноттингемшир, Великобритания);

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, заведующий отделением социологии и общественных связей Института психологии, педагогики и социологии Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия);

ПАН Давэй – доктор социологических наук, профессор, директор Центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук (Шанхай, Цзянсу, Китай);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и Ординарный профессор НИУ ВШЭ (Москва, Россия);

ЛИ Пэй Лин – профессор, директор Института социологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китай);

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджимурзаевна – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета (Нижний Новгород, Россия);

СКВОРЦОВ Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии и проректор по научной работе Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

ТАМАШ Пал – профессор, академик Венгерской академии инженерных наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия);

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна – доктор социологических наук, заместитель Председателя Учёного совета ИС РАН (Москва, Россия);

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, декан факультета социологии РГГУ, главный редактор научного журнала «Социологические исследования» (Москва, Россия);

ЧУЛУУНБААТАР Гэлэгпил – академик Монгольской АН, профессор, директор Академии управления Монголии (Улан-Батор, Монголия).

International Advisory Board

Head of the Board:

KRAVCHENKO Sergei A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Head of the Department of Sociology of MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry, Chief Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

CHULUUNBAATAR Gelegpil, academician of the Academy of Sciences of the MPR, Professor, Director of the Academy of Management MPR (Mongolia);

DROBIZHEVA Leocadia M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of the Center of the Interethnic Relations, Institute of Sociology, RAS (Russia);

GAVRILYUK Vera V., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Director of the Institute of Humanitarian Sciences, Tyumen State Oil and Gas University (Russia);

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Institute of Sociology of RAS;

KIVINEN Markku, professor of sociology, Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Finland;

KONSTANTINOVSKY David L., Dr. Sci., (Sociol.), Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology of RAS;

KOŚŁA Krzysztof, the Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, University of Warsaw (Poland);

KRASIN Yuri A., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

KRUMM Reinhard, Dr. Sci. (Hist.) (Germany);

LAPIN Nikolai I., Corresponding member of RAS, Head of the Department of axiology and philosophical anthropology of the Institute of Philosophy of RAS (Russia);

MINZARIPOV Riyaz G., Dr. Sci. (Sociology), Professor, Prorector of the Kazan Federal University (Russia);

MITROVIĆ Ljubilja, Professor, Director of the Institute of Sociology of University of the city of Nish (Serbia);

MORGAN John, Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK);

NEMIROVSKIY Valentin G., Dr. Sci. (Sociology), Head of the Department of Sociology and Public Relations of the Institute of Psychology, Pedagogic and Sociology of the Siberian Federal University (Russia);

PAILIN Li, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Chinese Academy of Social Sciences (China);

PAN Dawei, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Director of Centre for Russian studies of SASS

POKROVSKY Nikita E., Professor, Tenured Professor of High School of Economy, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Sociology, High School of Economy (Russia);

SARALIEVA Zaretkhan M., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Honored Scientist of Russian Federation, Head of the Department of Sociology and social work, Nizhni Novgorod State University (Russia);

SKVORTSOV Nikolay G., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, St. Petersburg State University;

TAMASH Pal, Professor, Senior Researcher, Institute of Sociology, Hungarian Academy of Sciences (Hungary);

TIKHONOVA Natalia Ye., Ph.D. (Soc.), Professor, a Research Professor at the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology of RAS (Russia);

TOSCHENKO Zhan T. Corresponding member of RAS, Dean of the Department of Sociology of the Russian State University for the Humanities, Editor in chief of the Scientific Journal «Sociological Researches» (Russia);

Состав Редколлегии

Главный редактор:

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор ИС РАН;

Заместители главного редактора:

ГОЛЕНКОВА Зинаида Тихоновна – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; заместитель директора ИС РАН;

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора ИС РАН;

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – доктор социологических наук, заведующая сектором по изучению социокультурного развития регионов России ИС РАН.

Ответственный секретарь:

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, научный сотрудник ИС РАН.

Редактор:

АМЕЛЬКИНА Ольга Александровна – научный сотрудник ИС РАН.

Члены:

АКИМКИН Е. М. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

БЫЗОВ Л. Г. – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ГОФМАН А. Б. – доктор социологических наук, проф.; главный научный сотрудник ИС РАН, профессор Социологического факультета НИУ ВШЭ;

ДАНИЛОВА Е. Н. – кандидат философских наук, заведующая отделом теоретического анализа социальных трансформаций ИС РАН;

ДЕНИСОВСКИЙ Г. М. – кандидат философских наук, заведующий сектором методологии исследования социальных процессов ИС РАН;

ЖВИТИАШВИЛИ А. Ш. – ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЗУБОК Ю. А. – д.социол.н.; профессор, заведующая отделом социологии молодежи ИСПИ РАН;

КЛЮЧАРЁВ Г. А. – доктор философских наук, профессор, руководитель Центра социологии образования, культуры и науки ИС РАН;

МАРКИН В. В. – доктор социологических наук, проф.; руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии ИС РАН;

ПАТРУШЕВ С. В. – кандидат исторических наук, заведующий отделом сравнительных политических исследований ИС РАН;

РЫЖОВА С. В. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник ИС РАН;

ЯХИМОВИЧ З. П. – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН.

Editorial Board

Editor in Chief:

GORSHKOV Mikhail K., Academician;

Deputy Chief Editors:

GOLENKOVA Zinaida T., Dr. Sci., (Philos.), Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology, RAS;

KOZYREVA Polina M., Dr. Sci. (Sociol.), deputy director of the Institute of Sociology, RAS, Director of the Center of Longitude Studies of the National Research University Higher School of Economics (Russia);

KHALIY Irina A., Dr. Sci., (Sociol.), Head of sector for the study of socio-cultural development of Russian regions of the Institute of Sociology of RAS.

Executive secretary:

PODYACHEV Kirill V., Cand. Sci. (Polit.), Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Editor:

AMEL'KINA Olga A., Scientific researcher of the Institute of Sociology of RAS.

Members of the Board:

AKIMKIN Yevgeniy M., Cand. Sci. (Sociol.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

BYZOV Leontiy G., Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher of the Institute of Sociology of RAS;

DANILOVA Elena N., Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Theoretical Analysis of Social Transformations of the Institute of Sociology, RAS;

DENISOVSKIY Gennadiy M., Cand. Sci. (Philos.), Head of the Sector of Methodology of Social Processes Research;

GOFMAN Alexander B., Dr. Sci., (Sociol.), Professor of Department of General Sociology of the National Research University Higher School of Economics, Senior Researcher of the Institute of Sociology, RAS;

KLIUCHAREV Grigory A., Dr. Sci., (Philos.), Head of the Center of Sociology of Education, Science and Culture of the Institute of Sociology, RAS;

MARKIN Valeriy V., Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Regional Sociology and Conflictology of the Institute of Sociology, RAS;

PATRUSHEV Sergei V., Cand. Sci (Hist.), Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology, RAS;

RYZHOVA Svetlana.V., Cand. Sci. (Sociol.), Leading researcher of the Institute of Sociology of RAS;

YAKHIMOVICH Zinaida P. , Dr. Sci. (Hist.), Professor, Senior Researches of the Institute of Sociology of RAS.

ZHVITIASHVILI Anatoliy Sh.; Cand. Sci (Hist.), Leading researcher if the Institute of Sociology of RAS;

ZUBOK Julia A., Dr. Sci. (Sociol.), Head of the Department of Sociology of Youth, Institute of Social and Political Studies of RAS (Russia);

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	9
Тема номера: «Консолидация общества»	12
<i>Кармадонов О. А., Ковригина Г. Д.</i> Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте	12
<i>Захарова О. В.</i> Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015)	29
<i>Бабинцев В. П.</i> Проблемы консолидации местных сообществ	46
Социальные слои и группы: потенциал инновационной активности.....	66
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i> Предпосылки и проблемы участия в инновационной деятельности	66
<i>Каравай А. В.</i> Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы	91
<i>Чоросова О. М.</i> Непрерывное профессиональное образование и вопросы адаптации педагогов Якутии в современных условиях	113
Терроризм в социологическом измерении	129
<i>Ильченко О. Ю.</i> Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении	129

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue.....	9
The Theme of the Issue: Consolidation of the Society	12
<i>Karmadonov O. A., Kovrigina G. D.</i> The resource aspects of social conjunction.....	12
<i>Zakharova O. V.</i> Strategies for Representing the “Consolidation” Category in the Russian President’s Conjunctive Discourse (2000–2015)	29
<i>Babintsev V. P.</i> The Problems of Consolidation in Local Communities.....	46
Social Strata and Groups: The Potential of Innovation Activity.....	66
<i>Kozyreva P. M., Smirnov F. I.</i> The Preconditions and Problems Of Partaking in Innovational Activities	66
<i>Karavay A. V.</i> The Human Capital of the Russian Working Class: Status and Factors.....	91
<i>Chorosova O. M.</i> Yakutian Teachers’ Continuous Professional Education and Adaptation Issues in Current Conditions	113
Terrorism in the Sociological Dimension	129
<i>Ilchenko O. Y.</i> Women and Terror: Women Participating in Terrorist Movements	129

И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»

Представляю номер

В современном российском обществе проблема его консолидации всё больше и больше выдвигается на первый план. Если в 2010 г. российские учёные причинами такой актуализации называли в первую очередь процессы трансформации, реструктуризации самого общества, его экономики, институтов и элит (см.: Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение / Под ред. чл.-корр. РАН М. К. Горшкова. М., Новый хронограф, 2010), то на современном этапе внутренние дезинтегрирующие факторы дополняются внешними процессами, оказывающими скорее интегрирующую роль. Это означает, что необходим постоянный анализ процессов консолидации общества. Не претендуя на полное раскрытие темы и окончательность выводов об аспектах интеграции/дезинтеграции российского общества на современном этапе, мы представляем тему номера [«Консолидация общества»](#) как взгляд социологов из регионов страны.

Статья [О. А. Кармадонова](#) и [Г. Д. Ковригиной](#) «[Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте](#)» (Иркутск) посвящена теоретико-методологическому и аналитическому инструментарию исследования вопросов социальной консолидации, социальной интеграции, социальной солидарности и единства. Подчёркивается сопряжённость феноменов социальной консолидации и социального воспроизводства, при которой второе должно выступать естественным результатом первого.

Развивая тему, [О. В. Захаров](#) (Иркутск) в статье [«Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента \(2000–2015\)»](#) реконструирует модель консолидации, транслируемой дискурсом действующего президента РФ В. Путина российскому обществу. Основной вывод состоит в том, что используемый подход несомненно выполняет функцию объединения большинства с его лидером, но вместе с тем он лишь создаёт иллюзию консолидации общества, оставляя за пределами общественного дискурса реальные проблемы его дезинтеграции.

В статье [В. П. Бабинцева](#) (Белгород) «[Проблемы консолидации местных сообществ](#)» на основе анализа результатов исследования в Белгородской области показано, что реализуется минимизация возможностей консолидации на местном уровне. Она связана не только с социальной дифференциацией муниципальных образований, но и с дискредитацией в сознании населения значительной части ценностей справедливости и лояльности, низким уровнем институционального и межличностного доверия.

Вторая рубрика настоящего выпуска журнала «[Социальные слои и группы: потенциал инновационной активности](#)» содержит материалы, которые можно рассматривать как продолжение темы номера, поскольку речь идёт о делении на тех, кто готов к инновациям и модернизации, и тех, кто к ним не готов. Причём в рубрику попали две статьи, в которых инновационная активность напрямую не рассматривается, но даётся анализ состояния двух основополагающих слоёв и групп общества, от которых инновации зависят сегодня и будут зависеть в будущем.

Открывает рубрику статья [П. М. Козыревой](#) и [А. И. Смирнова](#) (Москва) «[Предпосылки и проблемы участия в инновационной деятельности](#)». В ней рассматриваются предпосылки, особенности и трудности участия в инновационной деятельности наиболее подготовленной в профессиональном плане части экономически активного населения России. Авторы утверждают, что стремление к активной инновационной деятельности демонстрирует сравнительно небольшая часть квалифицированных специалистов, тогда как большинство соглашается с ролью пассивных исполнителей. Выявлена зависимость готовности квалифицированных работников к участию в инновационной деятельности от различных факторов, в том числе от характера профессиональной деятельности и от того, как используются их знания и опыт, насколько уровень полученного ими образования соответствует требованиям, которые предъявляет нынешняя работа.

[А. В. Каравай](#) (Москва) в статье «[Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы](#)» анализирует основные характеристики общего и специфического человеческого капитала российских рабочих. Результаты анализа позволяют автору говорить и об общей депрофессионализации российских рабочих, поскольку старшее поколение опережает рабочую молодёжь по наличию профессиональной подготовки, а занятость по специальности, полученной в учебном заведении, является довольно редким явлением в данной профессиональной среде.

Современному состоянию тех, от кого во многом зависит и будет зависеть впредь процесс инновационной активности, посвящена статья [О. М. Чоросовой](#) (Якутск) «[Непрерывное](#)

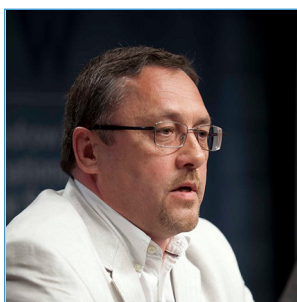
профессиональное образование и вопросы адаптации педагогов Якутии». В ней освещаются вопросы непрерывного профессионального образования педагогов, связанные с его адаптивными свойствами в условиях современных трансформаций, его значением в межкультурном взаимодействии и ролью в профессиональном и личностном развитии учителей Республики Саха (Якутия).

Завершает очередной номер журнала рубрика «Терроризм в социологическом измерении». Тема не только актуальна в современном мире, но и имеет связь с проблемой консолидации общества, поскольку речь идёт о причинах и почве для появления граждан, выпадающих из своих сообществ и выбирающих контрпродуктивную для них деятельность.

В статье О. Ю. Ильченко (Владивосток) «Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении» указывается, что одной из отличительных черт новой волны терроризма, начавшейся с конца XX века и продолжающейся до сих пор, является активное привлечение женщин к террористической деятельности. Автор раскрывает особенности мотивации женщин, участвующих в террористической деятельности, описывает социальный портрет женщины-смертницы.

Т е м а н о м е р а : Консолидация общества

Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте

Кармадонов Олег Анатольевич – доктор философских наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления, Иркутский государственный университет, Иркутск

E-mail: karmado@yandex.ru

Ковригина Галина Дмитриевна – кандидат философских наук, старший преподаватель, Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск

E-mail: societal@yandex.ru

Социальная конъюнкция в ресурсном аспекте

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.394](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394)

Аннотация

Статья посвящена проблеме совершенствования теоретико-методологического и аналитического инструментария исследования вопросов социальной консолидации, социальной интеграции, социальной солидарности и единства. Подчёркивается сопряжённость феноменов социальной консолидации и социального воспроизводства, при которой второе должно выступать естественным результатом первого. Под социальным воспроизводством понимается воспроизводство социальной ткани общества – исторической и социокультурной преемственности. Описывается потоковая модель социальной консолидации, предполагающая наличие вертикального и горизонтального векторов социальной интеграции, характеризуются особенности каждого из «потоков» с точки зрения их динамики и полноты. Даётся характеристика и определяются условия возникновения явлений «инерционного государства» и «инерционного общества». Доказывается, что все процессы формирования единого, консолидированного общества могут быть описаны в категориях концепции социальной конъюнкции, предоставляющей аналитический инструментарий, необходимый для исследования проблематики социальной солидарности в её как теоретическом, так и прикладном аспектах. Вместе с тем подчёркивается, что указанная концепция должна быть расширена за счёт включения в её аналитическое оснащение категории «конъюнктивный ресурс», представляющий собой комплекс социальных практик в той или иной сфере общества, включая социокультурную, обладающих позитивным потенциалом для его консолидации. Утверждается, что особое значение для социального воспроизводства имеют конъюнктивные ресурсы именно социокультурной сферы, в особенности такие её составляющие, как цивилизация и пространство, гражданский активизм, государственная политика, и символические системы. Обращается внимание на то, что в каждой сфере общественных отношений могут быть зафиксированы «конъюнктивные эффекты» как результат практик консолидации, «дизъюнктивные риски» как угрозы со стороны практик деструктивного характера, и «перспективные конъюнкции» как назревшие, но ещё не активированные инициативы, формирующиеся на основе сочетания различных практик и ориентированные на достижение потенциального конъюнктивного эффекта. Наиболее общим результатом ряда частных конъюнкций выступает единый конъюнктивный код или идеология как символический мировоззренческий комплекс, объединяющий общество.

Ключевые слова: социальная консолидация, социальное воспроизводство, потоковая модель, социальная конъюнкция, конъюнктивные ресурсы

Большая часть созданных в социальной науке на настоящий момент подходов к феномену консолидации общества отличается высокой степенью эвристичности. Вместе с тем в общественном знании парадоксальным образом зачастую опускается главная цель любых консолидационных процессов в социуме – его социальное воспроизводство. То есть воспроизводство социальной ткани, делающей возможным само существование общества. По крайней мере, в большинстве доступных нам трудов мы не встретили чётко артикулированной связи между солидарностью, интеграцией, консолидацией и необходимостью продолжения общества в пространстве и времени. Именно с этим обстоятельством была связана формулировка «поточковой модели консолидации» [Кармадонов, Зверев 2012], и концепции социальной конъюнкции [Кармадонов 2015]. Вместе с тем данные подходы нуждаются в дальнейшей детализации, одним из направлений которой выступает анализ связи с ресурсным потенциалом социальной конъюнкции.

Консолидация как поток

В своё время мы предположили, что «социальная солидарность реализуется в двух основных векторах: *вертикальном* (макросоциальном), в котором консолидационный процесс или поток устремляется от власти к обществу и обратно; и *горизонтальном* (микросоциальном), где поток консолидации совершает круговорот внутри сообществ и между сообществами, из которых формируется общество в целом. В норме два консолидационных потока взаимно дополняют друг друга и, формируя консистентную солидарность, поддерживают равновесие в социальном образовании, придавая ему устойчивость и укрепляя его жизнеспособность. При ослаблении какого-либо из потоков общество неизбежно входит до той или иной степени в разбалансированное состояние» [Кармадонов 2012: 122–123].

Таким образом, в данном видении власть предстаёт как правящее сообщество, связанное с другими сообществами не просто отношениями господства/подчинения, или правления/легитимности, но и отношениями консолидации, которые взаимно направлены. Вертикальный поток менее стабилен, чем горизонтальный, поскольку требует для своего поддержания гораздо больших энергозатрат, прежде всего в виде проявленной и артикулированной воли к единству с обществом со стороны власти и единству с властью со стороны общества. При самом критичном отношении к советскому периоду, вряд ли кто-то будет всерьёз утверждать, что советской власти не было никакого дела до общества, которым она управляла, – как минимум, она придавала «статус всеобщности» (К. Маркс) собственным идеологическим и культурным постулатам, рас-

В общественном знании парадоксальным образом зачастую опускается главная цель любых консолидационных процессов в социуме – его социальное воспроизводство.

Социальная солидарность реализуется в двух основных векторах: *вертикальном* (макросоциальном), в котором консолидационный процесс или поток устремляется от власти к обществу и обратно; и *горизонтальном* (микросоциальном), в котором поток консолидации совершает круговорот внутри сообществ и между ними, а из них формируется общество в целом.

пространяя их на всю страну, как максимум же – советская власть действительно самоотжествлялась с советским обществом, полагая себя его производной, как и все прочие институциональные образования¹.

Вертикальный консолидационный поток теряет динамику и слабеет в случае растущего равнодушия правящего сообщества к остальным сообществам и обществу в целом. На наш взгляд, наибольшая степень такого равнодушия имела место в нашей стране в период правления Б. Ельцина, когда российская власть, по мнению американского правоведа Стивена Холмса, и не эксплуатировала общество, и не принуждала его к чему-либо, а попросту его игнорировала [Holmes 1997: 70]. Естественно, что общество отвечало практически тем же, что создавало своеобразную российскую версию отчуждения – традиционного качества отношений между социумом и властью, доведённого в нашей стране до абсурдных масштабов.

Именно в тот период отечественные социологи начали фиксировать доминирование социальных самоидентификаций в примордиальных группах, или первичных сообществах, к которым относятся семья и профессиональная группа. То есть в российском обществе 90-х гг. прошлого века горизонтальный поток консолидации наглядно продемонстрировал, что обладает большей устойчивостью, нежели вертикаль консолидации. Характерно, что это относилось практически ко всем группам населения – более адаптированным (предприниматели), менее адаптированным (рабочие). Практически каждая из групп «забыла» о власти, но актуализировала свои связи по ближайшей горизонтали. В. А. Ядов на основании осуществлённого им с коллегами в тот период исследования отмечал, что «наиболее продвинутая группа относительно более адаптированных в новых условиях – предприниматели – отличается обширным «составом» контекстуальных идентификаций с различными группами и общностями, тогда как наиболее расшатанная социальная идентичность ранее «лидирующего» класса рабочих обнаруживает себя в более явном замыкании на круг повседневного общения (семья, друзья) и привычных солидарностей с товарищами по работе» [Ядов 1995: 176]. Но и у первых, и у вторых – это горизонтальная связь.

Характер сформировавшегося в тот период между властным сообществом и другими сообществами отчуждения, причина такого отношения одного к другим могут быть объяснены и в терминах качества самой правящей элиты, что предпринимает, например, постнеклассическая социология. Так,

¹ Армия, как и флот, были до 1946 г. «рабоче-крестьянскими». Суд был «народным» до 1997 г. Сама «советская власть» терминологически была производным от Советов рабочих и крестьянских депутатов. Можно вспомнить и почётные звания «народных» специалистов, каковыми по сию пору остались: артист, архитектор, учитель, художник. «Народного» врача сейчас нет (видимо, в связи с введением страховой медицины), но есть «заслуженный».

В. Г. Немировский при анализе «функционально-организационного уровня» российского общества говорит о том, что его характеристики нарушают социальный закон, согласно которому «социум развивается эффективно лишь тогда, когда уровень духовного развития элиты превышает уровень духовного развития масс» [Немировский 2009: 143]. «Духовное развитие» (а для правящей группы – это прежде всего степень соответствия уровня ответственности и уровня моральной рефлексии) оставляло желать лучшего. Естественно, что о каком-то полном водном вертикальном потоке социальной консолидации в тот период говорить не приходится.

Одновременно все институты государства так или иначе функционировали, сложившийся порядок вещей особо активно обществом не оспаривался, массовые протесты практически сошли на нет, и это дало повод исследователям говорить об известной политической апатичности российского народа [см., напр.: Федотова 2005]. На наш взгляд, это была не столько апатичность, сколько усталость от постоянной политической турбулентности и актуализация приоритета элементарного выживания, которое, разумеется, поглощало большую часть ресурсов индивида. В любом случае, характеризуя наше общество последнего десятилетия XX в., российское государство можно определить в качестве *инерционного*, в котором легитимность достигается не за счёт артикулированного консолидационного потока со стороны властного сообщества и ответного движения народа, а по социальной инерции, в значительной степени основанной на равнодушии, имеющем к тому же взаимный характер.

Возможно ли ослабление горизонтального потока консолидации? Мы должны ответить на этот вопрос утвердительно. Такое развитие событий вероятно при ослаблении внутригрупповых и межгрупповых связей, минимизации эмпатии между членами одной и той же и различных «горизонтальных» групп, усилившемся индивидуализме и эгоизме. Последними бастионами групповой солидарности действительно выступают семья и профессиональная группа. Гражданская, этническая, и территориальная идентичности слабеют в первую очередь. Обратим здесь внимание на то, что в случае социальной идентичности факт осознания своей принадлежности и факт социальной идентификации – разные вещи. Индивид вполне может осознавать свою гражданскую принадлежность, свою национальность, свой регион проживания, но не идентифицировать себя с соответствующими группами в первую очередь. Для определения приоритетных самоидентификаций социологи часто используют тест «Кто я?»¹, достаточно

¹ Точное название – «Тест двадцати утверждений» (Twenty Statements Test). Создан в США в конце 50-х гг. прошлого века Мэнфордом Куном – представителем «айовской школы» символического интеракционизма для извлечения и операционализации структур «самости».

эвристичный инструмент для выяснения соотношения осознаваемой и переживаемой идентичностей. Осуществляемые на длительной временной шкале исследования показывают, что доминантами в российском обществе остаются семейная и узкопрофессиональная идентичности личности [Данилова, Ядов 2004; Дутчак, Кашпур 2013; Шарипова 2012].

Психологическая сторона приоритетной самоидентификации достаточно очевидна – собственная принадлежность к определённой группе, отмеченная на первых («высоких») позициях того же теста, одновременно означает, как правило, позитивное эмоциональное «сопровождение» этой самоидентификации. Отсюда следует и то, что идентичности, занимающие «низкие» позиции или не упомянутые вообще, переживаются до известной степени равнодушно или даже негативно. Зафиксированная практически всеми указанными выше исследователями редуцированная самоидентификация с гражданским, национальным и территориальным сообществами позволяет предположить, что данные социальные группы как минимум не вызывают особых положительных чувств у респондентов. Другими словами, это означает, что позитивных эмоций не вызывает в людях их гражданская, национальная, территориальная принадлежность, следовательно, степень эмпатического присоединения к своему государству и своей стране, своему региону, своему народу, своей культуре, своей исторической памяти (короче – к Родине) редуцирована до тревожных показателей. Приоритетная самоидентификация в примордиальных семье и коллективе должна на самом деле не столько радовать, сколько тревожить, поскольку минимизация социальных привязанностей более высокого уровня не есть индикатор социального здоровья и благополучия общества. Последнее в таком случае также может рассматриваться в качестве *инерционного*, существующего только благодаря социальной рутине в условиях «эффекта отсутствия» реальных консолидационных связей и устойчивых отношений как между горизонтальными сообществами, так и внутри их. Целостность данного общества, являемая миру, – преимущественно внешняя, не скреплённая внутренним горизонтальным, да и, скорее всего, вертикальным потоками. Тем самым, если обобщить, – государство становится «инерционным» в условиях ослабления вертикального консолидационного потока по причине некритического дискурса масс, легитимирующих данный порядок в силу социального равнодушия по отношению к правящему сообществу, а общество приобретает «инерционный» характер в условиях снижения динамики горизонтального потока консолидации в силу того же равнодушия уже между самими индивидами – членами различных горизонтальных сообществ.

Позитивных эмоций не вызывает в людях их гражданская, национальная, территориальная принадлежность, следовательно, степень эмпатического присоединения к своему государству и своей стране, своему региону, своему народу, своей культуре, своей исторической памяти (короче – к Родине) редуцирована до тревожных показателей.

Конъюнкция: из формальной логики – в социальный анализ

В самом общем виде состояние «полноты» и высокой энергетике обоих потоков описывается в понятиях «социальная конъюнкция» и «социальная дизъюнкция». Эти же категории эвристичны и при анализе содержательных аспектов потоков консолидации – тех конкретных практик и инструментов, что используются обществом для достижения собственной целостности.

Отметим, что понятие «конъюнкция», являющееся одной из категорий формальной логики, достаточно уверенно покидает пределы последней. В своё время данную категорию активно использовал К. Г. Юнг, обративший внимание на частое соединение противоположностей, которое являлось одним из принципов средневековой алхимии, сочетавшей Солнце и Луну, телесное и духовное, мужское и женское, и т. п. В рамках аналитической психологии Юнг объяснил этот факт феноменологически – как отражение процесса формирования нашей «самости», или психической целостности, к которой неизбежным образом стремится человеческая душа. Более того, выдающийся швейцарский учёный считал конъюнкцию крайне важным феноменом для человеческой культуры вообще. По словам Юнга, «Алхимический образ coniunctio, практическая важность которого была доказана на позднейшей стадии развития, в равной мере ценен и с психологической точки зрения: в исследовании тёмных глубин психе (от греч. Psyche – душа) он играет ту же роль, что и в изучении загадки материи. В самом деле, он не смог бы столь действенно проявить себя в материальном мире, если бы уже до того не обладал способностью зачаровывать и, таким образом, фиксировать внимание исследователя в нужном направлении. Coniunctio представляет собой априори существующий образ, занимающий выдающееся место в истории психического развития человека» [Юнг 1997: 356].

Отечественный этнолог П. Л. Белков затрагивает категорию «конъюнкция», рассуждая о методологических основаниях дифференциации антропологии (этнографии) на «культурную» и «социальную». По мнению Белкова, противопоставление это искусственно и не оправдано, и наиболее наглядным образом снимается в «поле» этнографического исследования, где «соединение культурной и социальной антропологии происходит само собой» [Белков 2009: 80]. Феномены материальной культуры и обряды, поддающиеся непосредственному наблюдению, относятся к «культурной антропологии», в то же время феномены социальной организации и духовной культуры могут быть отнесены к антропологии «социальной», но одно без дру-

того – невозможно. Отечественная этнография, – доказывает Белков, – традиционно определяла предмет исследования через двойное понятие «культура и общество», а это означает, «что выбор конкретного начала исследования может иметь случайный характер, поскольку сосредоточение на одном из терминов отношения «культура и общество», на одном из аспектов жизни «народа» необходимым образом оказывается средством логического восхождения к другому» [Белков 2009: 81].

В социологической науке понятие «конъюнкция» используется украинским исследователем Н. Ковалиско в рамках анализа феномена социального неравенства, выступающего как определённая совокупность стратификационных порядков, постоянно воспроизводимых в каждом обществе. По мнению Ковалиско, «в изучении стратификационных порядков, то есть в попытках социологов обнаружить и объяснить специфику индивидуального или группового поведения, безусловной доминантой является конъюнкция «позиции & диспозиции» [Ковалиско 2010: 126]. Эта конъюнкция, согласно исследователю, «легко прочитывается в понятии «статус» [Ковалиско 2010: 128], наиболее же радикально переосмыслена она в концепции «габитуса» П. Бурдьё, выступающего системой устойчивых и передаваемых диспозиций, или «структурирующих структур».

Отметим, что практически все (кроме Юнга) упомянутые исследователи по какой-то причине не сочли необходимым дать развёрнутое обоснование использованию категории «конъюнкция» в своих методологических схемах и аналитических процедурах. На наш взгляд, это является известным упущением, поскольку применение данного понятия в социальной науке всё-таки требует определённого объяснения. Трансфер данной категории из формальной логики в общественные науки неизбежно присваивает ему определение «социального», предъявляя и соответствующие требования к его объяснительному потенциалу в рамках социальной науки. Начала такого обоснования уже были даны нами ранее, здесь же мы делаем попытку развить их с учётом проблематики ресурсов социальной консолидации.

Итак, под *социальной конъюнкцией* понимается «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества. Обратным феноменом является социальная дизъюнкция как процесс разъединения, угрожающий самой жизни общества – его социальному воспроизводству» [Кармадонов 2015: 11]. Необходимость введения данных категорий обуславливается аналитической потребностью в общем термине для обозначения всех процессов «соединительного характера» в обществе. Соответственно, детализация данной категории позволяет выделять в каче-

стве прикладных исследовательских объектов: «конъюнктивный процесс» (процесс в той или иной общественной сфере, так или иначе связанный с консолидацией, солидаризацией, интеграцией, короче – достижением некоего единства, будь то сообщество, организация, или территория), «конъюнктивное содержание» (консолидационное, и пр. содержание государственной политики, гражданской активности, действий ответственных лиц и активистов, документов, относящихся к развитию общества, и пр.), «конъюнктивную эффективность» (результативность консолидационной и пр. деятельности), «конъюнктивную практику» (консолидационные и пр. действия социальных субъектов), «конъюнктивный дискурс» (консолидационные и пр. заявления, высказывания, текстовые, видео и фотоматериалы социальных субъектов).

Таким образом, категория *конъюнкция*, представляющая собой изначально логическую операцию по объединению потенциально бесконечного числа *высказываний*, инкорпорируется в обществоведческий дискурс. Социальная конъюнкция есть операция по объединению потенциально бесконечного числа «социальных высказываний», или – социальных «текстов», социальных нарративов, социальных систем и социальных субъектов. Главное условие такого объединения – потенциальная операбельность соединяемых сущностей, или возможность и реальность их интегрирования. Главная особенность состоявшейся реальной социальной конъюнкции – изменение характеристик «вещающей» социальной сущности в сторону повышения её жизнеспособности, то есть увеличения шансов расширенного социального воспроизводства. «Вещающей» социальной сущностью, являющейся ядром социальной конъюнкции, могут выступить любые надличностные социальные субъекты – семья, нация, страна, государство, а также дискурсивно-символические феномены – культура, религия, идеология¹. Одновременно каждая из указанных сущностей может сама выступить результатом осуществившейся конъюнкции, когда на свет появляется что-то, не существовавшее ранее (по крайней мере, в таком виде).

Другими словами, состоявшаяся реальная социальная конъюнкция вызывает к жизни новый социальный объект, или новую социальную сущность. В свою очередь, состоявшаяся социальная дизъюнкция такой объект раз-

¹ По сути любая религия есть результат состоявшейся конъюнкции ряда «высказываний». К примеру, христианство вобрало в себя иудейские пророчества, эллинистическую философию и римское право. Ислам возник в результате конъюнкции архаичных культов арабов Центральной и Южной Аравии, иудейских и христианских пророчеств, элементов зороастризма. Религиозная система традиционного Китая – вообще явный синкретизм, как и идеология Китая сегодняшнего, сочетающая марксизм, маоизм, конфуцианство и прагматизм. Детальный анализ ряда «конъюнктивных результатов» дан в известной работе Л. С. Васильева «История религий Востока» [Васильев 2000].

Под *социальной конъюнкцией* понимается процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества.

Социальная конъюнкция есть операция по объединению потенциально бесконечного числа «социальных высказываний», или – социальных «текстов», социальных нарративов, социальных систем и социальных субъектов.

рушает. Одновременно, в соответствии с «абсентеистской рациональностью»¹, отсутствие объекта не обязательно означает *наличие* дизъюнкции, оно может означать и *отсутствие* конъюнкции. В этом случае объект в силу каких-то причин не возникает, не осуществляется, так сказать, «весомо» и «зримо», по крайней мере – пока (как, к примеру, отсутствующая идеология современного российского общества).

Примечательно, что к близким выводам приходит в своём философско-автобиографическом эссе «Конъюнкции и отрицания» (2007) А. И. Бродский, отечественный специалист по истории философии и этике. Позволим себе пространную цитату из его работы, поскольку в ней предельно точно формулируется связь феномена конъюнкции с социальным бытием.

«И всё-таки: имеют логические союзы референцию в реальном мире или нет? Отец не любил говорить на эту тему, справедливо считая, что она выходит за рамки собственно логики и относится к ведомству метафизики, которой он не доверял. Вроде бы при такого рода недоверии следует придерживаться номиналистической позиции и считать, что логические союзы суть лишь некие языковые конвенции. Однако в сочинениях отца высказывалась как раз противоположная точка зрения, восходящая к Аристотелю. Она сводится к тому, что логика характеризует реальность в аспекте существования-несуществования, присутствия-отсутствия. Существование можно считать референтом конъюнкции, отсутствие – референтом отрицания. А остальные связки определяются через эти две. Есть только конъюнкции и отрицания, всё прочее – производно.

Мне такой подход казался надуманным, так как оставалось непонятным, почему конъюнкция – это существование. Неужели существовать – это только сосуществовать. В своей книге об отрицательных высказываниях отец всё время так и выражается: отсутствию у него противоположно не существование, а сосуществование. Я же своё бытие ощущал вполне самодостаточным.

Но жизнь учит отрицаниями. И чем больше обнаруживаешь «отсутствий» вокруг себя, тем скорее понимаешь, что живёшь лишь настолько, насколько ощущаешь себя в конъюнкции с кем-то или с чем-то.

Я *и*... после «и» стоит переменная, которая может принимать различные (хотя и не любые) значения. Предметная область этой переменной, к сожалению, не безгранична и год от года сокращается. И отсутствие конъюнкций грозит радикальным отрицанием – Небытием.

¹ «Абсентеистская рациональность – это методологический принцип, основанный на признании эвристической равноправности и аналитической ценности, наряду с фактом присутствия чего-либо и фактом его *отсутствия*. ...Несуществующее (неважно – “уже” или “ещё”) влияет на существующее. ...*Отсутствие* выступает логической альтернативой присутствию и полноправным объектом социологического анализа» [Кармадонов 2008: 5].

Небытия нет, есть отсутствие конъюнкций...» [Бродский 2007: 170].

В этом выразительном пассаже Бродским отмечается главная характеристика социальной конъюнкции – конституирование социального объекта. Трудно оспорить и его вывод о том, что персонализированный («усвоенный») мир существует, покуда существуют конъюнкции, вплетающие индивида в ткань его повседневного бытия, включая, прежде всего, все сообщества, к которым он себя числит принадлежащим, включая как «физические», то есть реальные социальные группы, так и «мыслительные» – сообщества индивидов, разделяющих определённые идеи, представления, нормы и ценности, идентичности, стереотипы, культурные установки и социальную память.

Тем самым, социальная конъюнкция конституирует социальный объект, отсутствие конъюнкции – не создаёт его, а социальная дизъюнкция – его разрушает. Строго говоря, дизъюнкция сама по себе есть выражение торжествующего «отсутствия». В одной из своих работ нам уже приходилось говорить о том, что упомянутая выше «инерционность» общества, его видимость, «указывает на мощные «эффекты отсутствия», разрушающие его изнутри. Эффекты отсутствия общего нормативно-ценностного консенсуса, представлений о том, что должно быть поощряемо и что порицаемо. Эффекты отсутствия высоких социальных смыслов профессиональной деятельности. Эффекты отсутствия символических конденсаторов – событий и явлений, объединяющих народ (по крайней мере – его релевантное большинство). Эффекты отсутствия идеологии как приемлемого для большинства народа взгляда на мир, на своё прошлое, настоящее, и будущее» [Ковригина 2014: 244].

Ресурсы (социокультурной) конъюнкции

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие конъюнкции не означает её невозможности, в силу этого можно обнаружить в той или иной сфере *перспективные конъюнкции*, которые могут состояться, социальные ноумены, которые могут стать социальными феноменами. Учитывая важность социальной консолидации, перспективные конъюнкции должны, на наш взгляд, стать одним из приоритетных объектов внимания как в науке, так и в государственной политике и гражданском обществе. В связи с этим мы считаем необходимым дополнить упомянутый выше ряд прикладных конъюнктивных категорий понятием «конъюнктивный ресурс».

Ресурсный подход привнесён в социальную философию и социологию из социальной психологии, что связано, прежде всего, с именем Курта Левина, создавшего в рамках своей «динамической психологии» концепцию взаимодей-

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие конъюнкции не означает её невозможности, в силу этого можно обнаружить в той или иной сфере *перспективные конъюнкции*, которые могут состояться, социальные ноумены, которые могут стать социальными феноменами.

ствия индивида со средой. В ходе этого взаимодействия первый пытается реализовать свои потребности, в то время, как вторая их удовлетворяет или же фрустрирует. У социальной среды – определённые требования, а у индивида – определённые ресурсы, с помощью которых он этим требованиям может в большей или меньшей степени соответствовать [Левин 2001]. Последовательным сторонником данного подхода в отечественной социальной науке является К. Муздыбаев, рассматривающий ресурсы в качестве «жизненных ценностей, которые «могут быть осязаемыми и символическими, материальными и моральными... Более детальная классификация не только идентифицирует конкретные ресурсы, но и зачастую указывает на их источники. Поэтому выделяют культурные, политические и институциональные ресурсы» [Муздыбаев 1998: 17].

Кроме того, ресурсный подход в той или иной мере используют и другие отечественные обществоведы. Так, И. И. Шурыгина рассматривает специфику соотношения и возможности конвергенции культурных ресурсов в социальные ресурсы применительно к малообеспеченным слоям российского населения [Шурыгина 2001]. Е. М. Аврамова исследует нематериальные ресурсы – знания, умения, и способности – в контексте проблематики социальной адаптации [Аврамова 2005]. Л. А. Беляева главное внимание уделяет социальным ресурсам как возможностям прежде всего экономической адаптации индивидов и групп [Беляева 2010].

Саму консолидацию в качестве ресурса рассматривает Л. Б. Москвин, анализирующий роль и значение нематериальных факторов, влияющих на отношения между властью, обществом и людьми [Москвин 2014]. В свою очередь, В. М. Капицын применяет ресурсный подход для исследования национальной идентичности в символическом измерении. По его словам, «национальная идентичность проявляется прежде всего в символах. Символ – знак, связь которого со своим референтом ослабляется под влиянием доминирующей интерпретации. Символы и идентичности включаются в качестве элементов в состав «мягкой силы», призванной влиять интегрирующим образом на политическую культуру, способствовать консолидации собственного общества, а также ослаблять дезинтегрирующее воздействие внешней soft power» [Капицын 2014: 113].

Особое значение для социального воспроизводства имеют, на наш взгляд, конъюнктивные ресурсы социокультурной сферы. В свою очередь, в рамках последней выделяются такие её составляющие, как цивилизация и пространство, гражданский активизм и государственная политика, символические системы (социальная память, символы-конъюнкторы¹,

¹ Под символами-конъюнкторами нами понимаются любые события общественно-политической, культурной или спортивной жизни страны, обладающие значимым конъюнктивным потенциалом, то есть способностью позитивно влиять на степень социальной консолидации.

идеология). Данные сегменты социокультурной сферы являются, по нашему мнению, во-первых, базовыми и первичными, и, во-вторых, наиболее актуальными и остро дискуссионными в современном российском обществе в сравнении с такими сегментами, как религия, образование, искусство, являющимися важными, но, в известном смысле, «вторичными» по отношению к указанным выше социокультурным областям (одна только цивилизационная идентичность уже задаёт тон и характер всем остальным социокультурным феноменам).

Таким образом, социокультурными конъюнктивными ресурсами являются дискурсивно-символические феномены и социокультурные практики, обладающие актуальной либо потенциальной значимостью для социальной консолидации общества.

Необходимо отметить, что сферы общества, заключающие в себе ресурсы социальной конъюнкции, как правило, являются и источником потенциальной социальной дизъюнкции. К примеру, образование может служить целям консолидации общества, развития полноценной общегражданской идентичности, формирования гражданственности и патриотизма, а может быть ориентированным на воспитание социального безразличия, космополитизма, и гражданской индифферентности. Государство может генерировать эффективные конъюнктивные инициативы, создавать символы-конъюнкторы, но может и реализовывать политику, ведущую к социальной энтропии, способствуя диспропорциям в благосостоянии, редуцируя социальную защиту наиболее уязвимых групп, отказываясь предложить общую консолидирующую систему смыслов, нарушая принцип равной ответственности всех перед законом, и т. п. То есть помимо конъюнктивного ресурса та или иная сфера общества несёт в себе и определённые дизъюнктивные риски, поэтому для активных социальных субъектов, прежде всего для правящего сообщества, важно вовремя фиксировать эти угрозы, и предотвращать их осуществление. Но не менее, а может, и более важным представляется установление перспективных или возможных конъюнкций, фиксация которых (и известная им помощь) способна привести к здоровому конъюнктивному эффекту в рамках всего общества.

Такой общесоциальный результат возможен, очевидно, только при наличии *единого конъюнктивного кода* – нормативно-ценностного комплекса, включающего в себя смыслы прошлого, настоящего и будущего, присваивающего оценки, расставляющего акценты, рассказывающего человеку о мире и о нём самом в этом мире. Другими словами, единый конъюнктивный код – это идеология в её самом расширенном, мировоззренческом значении. Всякая конъюнкция – это *союз*, или *слияние*, следовательно, символический комплекс, обладающий статусом идеологии (то есть наиболее общая конъюнкция),

Социокультурными конъюнктивными ресурсами являются дискурсивно-символические феномены и социокультурные практики, обладающие актуальной либо потенциальной значимостью для социальной консолидации общества.

Общесоциальный результат возможен, очевидно, только при наличии *единого конъюнктивного кода* – нормативно-ценностного комплекса, включающего в себя смыслы прошлого, настоящего и будущего, присваивающего оценки, расставляющего акценты, рассказывающего человеку о мире и о нём самом в этом мире.

также должен быть результатом слияния известного числа частных союзов двух и более сущностей. Возникающий общий конъюнктивный код становится действительно единым и получает окончательное оформление при условии его приемлемости (как минимум) для релевантного большинства членов данного общества. То есть частные конъюнкции, на основе которых возникает единство, должны быть привлекательными, отвечать представлениям о норме и ценности, быть «здоровыми» и конструктивными в представлениях большинства членов горизонтальных сообществ. Самый адекватный вариант – привлекательность такого конъюнктивного кода и для властного сообщества, поскольку без его административной воли и деятельного участия единая конъюнкция может складываться долго и непросто.

Библиографический список

Авраамова Е. М. 2005. Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 5–15.

Белков П. Л. 2009. Этнос и мифология. Элементарные структуры этнографии. СПб: Наука. 280 с.

Беляева Л. А. 2010. Социальные ресурсы населения в России и Европе: сравнительный анализ // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 23–36.

Бродский А. И. 2007. Конъюнкции и отрицания // *Звезда*. № 2. С. 160–170.

Васильев Л. С. 2000. История религий Востока. М.: Книжный дом «Университет». 426 с.

Данилова Е. Н., Ядов В. А. 2004. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // *Социологические исследования*. № 10. С. 27–30.

Дутчак Е. Е., Кашпур В. В. 2013. «Русский сибиряк», или Парадоксы региональной идентификации // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 116–129.

Капицын В. М. 2014. Символы национальной идентичности как ресурс soft power // *ДИСКУРС-ПИ (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург)*. Т. 11. № 1. С. 113–118.

Кармадонов О. А. 2008. Социологическая рациональность отсутствия в исследовании современного мира // *Социологические исследования*. № 3. С. 3–12.

Кармадонов О. А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция // *Социологические исследования*. № 2. С. 3–12.

Кармадонов О. А., Зверев М. К. 2012. Консолидация российского общества: потоки и преграды. Иркутск: Изд-во ИГУ. 223 с.

Ковалиско Н. 2010. Доминантная конъюнкция в изучении стратификационных порядков: позиции & диспозиции // Социология: теория, методы, маркетинг. № 1. С. 125–137.

Ковригина Г. Д. 2014. Социальное воспроизводство современного российского общества в аспекте проблем социальной консолидации // Проблемы социального воспроизводства современного российского общества: политические, экономические, культурные и демографические аспекты: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ. С. 241–246.

Левин К. 2001. Динамическая психология. М.: Смысл. 578 с.

Москвин Л. Б. 2014. Диалог, доверие и согласие – важнейшие нематериальные ресурсы развития России // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 38–55.

Муздыбаев К. 1998. Стратегия совладания с жизненными трудностями. Теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 1. № 2. С. 39–52.

Немировский В. Г. 2009. Российский кризис в зеркале постнеклассической социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 200 с.

Федотова В. Г. 2005. Апатия на Западе и в России // Вопросы философии. № 3. С. 3–19.

Шарипова Р. Х. 2012. Социальная идентификация российских и китайских студентов // Социологические исследования. № 8. С. 143–146.

Шурыгина И. И. 2001. Культурные ресурсы и культурный капитал «новых бедных» // Общественные науки и современность. № 5. С. 163–172.

Юнг К. Г. 1997. Психология переноса. М.: Рефл-бук, Ваклер. 298 с.

Ядов В. А. 1995. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. № 3–4. С. 158–181.

Holmes S. 1997. When Less State Means Less Freedom // Transitions. Vol. 4. P. 66–75.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.394](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.394)

The Resource Aspects of Social Conjunction

Karmadonov Oleg Anatolievitch

Doctor of philosophical sciences, Professor of the Department of Public Administration, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. E-mail: karmado@yandex.ru

Kovrigina Galina Dmitrievna

Candidate of philosophical sciences, senior teacher, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia. E-mail: societal@yandex.ru

Abstract. This article is dedicated to the issue of perfecting the theoretic-methodological and analytical tools used to examine matters of social consolidation, social integration, social solidarity and unity. Emphasized is how the phenomena of consolidation and social reproduction are conjugated, with the latter being a natural result of the former. Social reproduction refers to reproducing the social fabric of a community, i.e. historic and socio-cultural continuity. Described is a streaming model of social consolidation, assuming the presence of horizontal and vertical vectors of social integration, while the peculiarities of each “stream” are characterized in terms of their dynamics and comprehensiveness. A characteristic is given and conditions are outlined for the emergence of such phenomena as an “inertial state” and an “inertial society”. It is proven that all processes associated with the creation of a unified, consolidated society can be described using categories of the social conjunction conception, which provides the analytical tools needed to examine social solidarity issues both in their theoretical and applied aspects. Also emphasized is the fact that said conception must be broadened by including such categories into its analytical toolset as “conjunctive resources”, which in itself is a system of social practices within one field of society or another (including the socio-cultural field), which possess a positive potential for its consolidation. It is argued that conjunctive resources specifically associated with the socio-cultural field are of particular importance to social reproduction, especially such components like civilization and space, civic activism, state policy and symbolic systems. Taken into consideration is the fact that within each field of social relations “conjunctive effects” can be registered, referring to the results of consolidation practices, as well as “disjunctive risks”, them being a threat created by certain destructive practices, and finally “perspective conjunctions”, referring to overdue but yet to be activated initiatives, which are formed based upon a combination of several different practices and which are oriented towards achieving a potential conjunctive effect. A single conjunctive code, or an ideology as a symbolic outlook system which integrates a society, acts as the most generalized result of a series of particular conjunctions.

Keywords: social consolidation, social reproduction, streaming model, social conjunction, conjunctive resources.

References

Avraamova E. M. Vosproizvodstvo adaptacionnykh praktik v period rossiyskoy transformacii [Reproduction of Adaptation Practices during Russia's Transformation]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2005, no 6, pp. 5–15.

Beliaeva L. A. Social'nye resursy naselenija v Rossii i Evrope: sravnitelny analiz [Social Resources of the Population in Russia and Europe: A Comparative Analysis]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2010, no 3, pp. 23–36.

Belkov P. L. Etnos i mifologija. Elementarnye struktury etnografii [Ethnicity and mythology. Elementary structures of Ethnography]. Saint-Petersburg, Nauka, 2009. 280 p.

Brodsky A. I. Konjunkcii i otricanija [Conjunctions and Abnegations]. *Zvezda*, 2007, no 2, pp. 160–170.

Danilova E. N., Yadov V. A. Nestabil'naja social'naja identichnost' kak norma sovremennykh obschestv [Unstable Social Identity as a Norm of Modern Societies]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2004, no 10, pp. 27–30.

Dutchak E. E., Kashpur V. V. «Russky sibirjak», ili Paradoksy regional'noy identifikacii [Russian “sibirjak» (Siberian Man) or Paradoxes of Regional Identity]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no 4, pp. 116–129.

Fedotova V. G. Apatija na Zapade i v Rossii [Adaptation in the West and in Russia]. *Voprosy filosofii*, 2005, no 3, pp. 3–19.

Holmes S. When Less State Means Less Freedom. *Transitions*. 1997. Vol. 4, pp. 66–75.

Jung K. G. Psihologija perenosa [Transfer Philosophy]. Moscow, Refl-buk, Vakler, 1997. 298 p.

Kapicyn V. M.. Simvolny nacional'noy identichnosti kak resurs soft power [Symbols of National Identity as a Resource of Soft Power]. *DISKURS-PI*. 2014. Vol. 11, no 1, pp. 113–118.

Karmadonov O. A. Sociologicheskaja racional'nost' otsutstvija v issledovanii sovremennogo mira [Sociological Rationality of Absence in the Study of the Modern World]. Sociologicheskie issledovanija, 2008, no 3, pp. 3–12.

Karmadonov O. A. Solidarnost', integracija, konjunkcija [Solidarity, Integration, Conjunction]. Sociologicheskie issledovanija, 2015, no 2, pp. 3–12.

Karmadonov O. A., Zverev M. K. Konsolidacija rossiyskogo obschestva: potoki i pregrady [Consolidation of Russian Society: the Flows and Barriers]. Irkutsk: ISU, 2012. 223 p.

Kovalisko N. Dominantnaja konjunkcija v izuchenii stratifikacionnykh poriadkov: pozicii & dispozicii [Dominant Conjunction in Studying the Stratification Order: Position & Disposition]. Sociologija: teorija, metody, marketing, 2010, no 1, pp. 125–137.

Kovrigina G. D. Social'noe vosproizvodstvo sovremennogo rossiyskogo obschestva v aspekte problem social'noj konsolidacii. Problemy social'nogo vosproizvodstva sovremennogo rossiyskogo obschestva: politicheskie, ekonomicheskie, kul'turnye i demograficheskie aspekty [Social Reproduction of Contemporary Russian Society in the Aspect of Social Consolidation Problems]. Irkutsk, ISU, 2014, pp. 241–246.

Levin K. Dinamicheskaja psihologija [Dynamic Philosophy]. Moscow, Smysl, 2001. 578 p.

Moskvin L. B. Dialog, doverie i soglasie – vazhneyshie nematerial'nye resursy razvitija Rossii [Dialogue, Trust and Harmony – the most Important Immaterial Resources of Russia]. Social'no-gumanitarnye znaniya, 2014, no 3, pp. 38–55.

Muzdybaev K. Strategija sovladanija s zhiznennymi trudnostjami. Teoreticheskij analiz [Coping Strategy with Life's Difficulties. Theoretical Analysis]. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, 1998, vol. 1, no 2, pp. 39–52.

Nemirovsky V. G. Rossiyskij krizis v zerkale postneklassicheskoy sociologii [The Russian Crisis in a Mirror of Postnonclassical Sociology]. Moscow, «LIBROKOM» Book House, 2009. 200 p.

Sharipova R. H. Social'naja identifikacija rossiyskih i kitayskih studentov [Social Identification of Russian and Chinese Students]. Sociologicheskie issledovanija, 2012, no 8, pp. 143–146.

Shurygina I. I. Kul'turnye resursy i kul'turnyj kapital «novykh bednykh» [Cultural Resources and Cultural Capital of “New Paupers”]. Obschestvennye nauki i sovremennost', 2001, no 5, pp. 163–172.

Vassiliev L. S. Istorija religiy Vostoka [History of Religions of the East]. Moscow, Knizhny dom «Universitet», 2000. 426 p.

Yadov V. A. Social'nye i social'no-psihologicheskie mehanizmy formirovanija social'noj identichnosti lichnosti [Social and Sociopsychological Mechanisms of Formation of the Social Identity of the Person]. Mir Rossii, 1995, no 3–4, pp. 158–181.

Т е м а н о м е р а : Консолидация общества

Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015)

Захарова Олеся Викторовна – старший преподаватель, кафедра государственного и муниципального управления, Иркутский государственный университет, Иркутск

E-mail: zakharovaolesya@yahoo.com

Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000–2015)

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395)

Аннотация. В силу своего особого места в сфере производства смыслов и их интерпретации, лидер государства имеет возможность предлагать обществу определённый набор консолидационных ценностей и тем самым задавать основу формирования желаемого типа солидарности в социуме. Исходя из этого, представляется перспективным анализ официального конъюнктивного дискурса, что позволит выявить тип консолидации, транслируемый в общество, и определить дальнейшие тенденции развития конъюнктивных процессов. В данной статье¹ реконструируется модель консолидации, транслируемая дискурсом действующего президента РФ В. Путина российскому обществу. Особое внимание уделено анализу стратегий репрезентации концептов «консолидация» и «солидарность» и их содержательной составляющей. При проведении исследования использовался дискурсивно-исторический подход, разработанный австрийским исследователем Р. Водак. Основу базы исследования составили ежегодные послания В. Путина к Федеральному Собранию РФ, которые представляют особый интерес для целей проводимого анализа в силу отражения в них основных тенденций и изменений текущего политического курса. В аналитический корпус вошли также иные публичные выступления В. Путина, посвящённые теме консолидации общества. По результатам исследования было выявлено, что консолидация в исследуемой риторике представляется, прежде всего, как акт гражданской ответственности, выраженной в преданности населения своему лидеру и его политическому курсу, и как одно из ключевых условий социально-экономического развития России и обеспечения её национальной безопасности, и, таким образом, выступает составляющим компонентом понятия «патриотизм». В статье делается вывод, что хотя исследуемый конъюнктивный дискурс несомненно выполняет функцию объединения большинства с его лидером, он вместе с тем не способен обеспечить долгосрочную консолидацию общества, поскольку вместо конструирования конъюнктивных связей лишь усиливает уровень агрессии и насилия в обществе. Таким образом, заключает автор, данный подход лишь создаёт иллюзию консолидации общества, оставляя за пределами общественного дискурса реальные проблемы его дезинтеграции.

Ключевые слова: политический дискурс, консолидация, солидарность, дискурс-анализ, конъюнкция, дискурсивно-исторический подход, дискурсивные стратегии

¹ Статья написана по материалам проекта «Социальная консолидация современного российского общества: системы, ресурсы и перспективы», 2014–2016. Госзадание Минобрнауки РФ № 28.64.2014/К.

В результате резкой смены общественно-политического строя в 1990-х гг. российское общество столкнулось с проблемами глубокой дезинтеграции и кризиса идентичности, последствия которых проявляются до настоящего времени. Большинство исследователей-социологов и сегодня регистрируют высокую степень недоверия населения к власти и отсутствие консенсуса в коллективном сознании различных социальных групп по многим значимым вопросам общественного развития [Консолидация и модернизация ... 2014; Розин 2015]. В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы консолидации российского общества и разработки курса, направленного на развитие конъюнктивных связей в социуме. Данный процесс многосложен и предполагает активное взаимодействие государственных институтов и институтов гражданского общества. Однако в транзитных обществах, где довольно низок уровень гражданской культуры, доминирующим актором, способным оказать сплачивающий эффект, становится государство [Великая 2005].

В силу своего особого места в сфере производства смыслов и их интерпретации, государство в лице лидера и других авторитетных представителей политической элиты «обладает возможностью навязывания поддерживаемых им способов интерпретации социальной реальности путём властного распределения ресурсов, правовой категоризации и придания символам особого статуса» [Малинова 2010]. Иными словами, через формируемый дискурс государство предлагает обществу определённый набор ценностей, обладающих консолидационным потенциалом, и тем самым задаёт основу формирования желаемого типа солидарности в социуме. Исходя из этого, представляется перспективным анализ официального конъюнктивного дискурса, что позволит выявить тип консолидации, транслируемый в общество, и определить дальнейшие тенденции развития конъюнктивных процессов. Поскольку в рамках одной статьи не представляется возможным описать все характеристики исследуемого дискурса, здесь будут рассмотрены особенности консолидационной риторики действующего лидера российского государства В. Путина как наиболее влиятельного политического субъекта на данный момент – в годы его президентства с 2000 по 2008 и с 2012 по 2014 гг.

Данное исследование проводилось в рамках критического дискурс-анализа. Особое внимание уделялось декодировке смыслового содержания категории «консолидация», формируемого исследуемым дискурсом, и выявлению схем дискурсивной репрезентации данного концепта, осуществлявшихся на основе методов дискурсивно-исторического подхода, разработанного Р. Водак [Wodak 2011]. Настоящий подход фокусирует своё внимание на дискурсивных стратегиях, используемых для конструирования символических концеп-

Через формируемый дискурс государство предлагает обществу определённый набор ценностей, обладающих консолидационным потенциалом, и тем самым задаёт основу формирования желаемого типа солидарности в социуме.

тов, и системе аргументационных схем (topoi – по Р. Водак) как основного инструмента построения выбранной стратегии. Под дискурсивной стратегией в контексте настоящей статьи понимается «в той или иной степени преднамеренный план действий (включая дискурсивные практики), используемый для достижения определённых социальных или политических целей» [Wodak 2011: 73]. Аналитическая категория «дискурсивная репрезентация» представляется полезной при анализе способов описания и позиционирования исследуемой категории «консолидация» в контексте всего конъюнктивного дискурса.

Исходя из понимания дискурса в рамках традиции М. Фуко [Фуко 2012], термин «конъюнктивный дискурс» в настоящем исследовании используется в значении совокупности взаимосвязанных лингвистических актов, формирующих и воспроизводящих смыслы, приписываемые процессам и явлениям, способствующим конъюнкции [Wodak 2011: 66]. При этом конъюнкция понимается как «процесс, в пределе ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества» [Кармадонов 2015: 11].

Основу базы исследования составили ежегодные послания В. Путина¹ к Федеральному Собранию РФ, которые представляют особый интерес для целей проводимого анализа в силу отражения в них основных тенденций и изменений текущего политического курса. В аналитический корпус вошли также иные публичные выступления В. Путина, посвящённые теме консолидации общества. Формирование выборки осуществлялось в два этапа. На первой стадии документы отбирались на официальном сайте президента РФ www.kremlin.ru по принципу их соответствия «корневой категории» [Методы анализа... 2009] исследования, в частности, «консолидация» и «солидарность». Однако в окончательную версию аналитического корпуса вошли только те тексты и сегменты текстов, которым в процессе кодирования были присвоены коды: факторы взаимоотношений общества и власти (общественный договор), территориальное объединение, политико-географическая целостность, инкорпорация новых территорий и соци-

¹ В силу ограниченности объёма статьи в выборку не были включены выступления Д. Медведева, при котором конъюнктивный дискурс развивался в рамках либеральной парадигмы. В период с 2008 по 2012 гг. консолидация интерпретировалась прежде всего через категории участия, взаимодействия и толерантности. При этом если Путин призывает объединиться, чтобы построить сильное государство, державу, которой достоин российский народ, то в риторике Медведева на первое место выдвигается категория «человек». При этом «нация» и «государство» выступают уже вторичными понятиями по отношению к человеку. Однако данный тип дискурса был вытеснен национально-патриотической риторикой с приходом на пост президента в 2012 г. В. Путина.

альная интеграция. В общей сложности в выборку вошёл 141 документ. Ниже представлены основные результаты проведённого исследования.

Тема консолидации занимала одну из ключевых позиций в политическом дискурсе В. Путина с самого начала его прихода к власти. В интервью, данном после объявления решения баллотироваться на пост президента в 2000 г., В. Путин обозначил консолидацию российского общества как основную цель предстоящей предвыборной кампании и призвал «приложить все усилия» для её достижения [Владимир Путин... 2000]. Неудивительно, что одной из центральных тем первого президентского послания Путина также становится консолидация общества. Объём внимания к данной теме в послании 2000 г. составляет 18,4% от его общего объёма. В последующие годы репрезентация данной темы варьируется от почти полного её исчезновения в 2001 и 2002 гг. (когда объём внимания составил 4,21 и 3,24% соответственно) до всплеска в 15,7% в 2003 г.

В течение второго президентского срока (2004–7 гг.) В. Путина консолидация по-прежнему остаётся одной из обязательных тем ежегодных посланий, хотя объём внимания к ней колеблется. В наименьшей степени она появлялась в послании 2006 г. – объём внимания составил всего 2%, тогда как в 2005 и в 2007 гг. президент чаще говорил о консолидации – объём внимания составил 10 и 9% соответственно.

В период третьего президентского срока В. Путина тема консолидации сохраняет в политическом дискурсе довольно прочные и стабильные позиции. Если в предыдущие два срока объём внимания к данной теме в посланиях президента сильно варьировался в разные годы от 2 до 18%, то с 2012 по 2014 гг. степень её представленности держится приблизительно на одно и том же уровне – около одной десятой от общего объёма выступления (2012 г. – 12%, 2013 – 7,63%, 2014 – 10,24%).

Основная схема репрезентации концепта «консолидация» формируется уже в первый год президентского срока В. Путина и выражается в конструировании данного феномена как явления необходимого и обязательного для достижения всеобщего блага. Консолидация предстаёт главным условием достижения наиболее важных государственных задач, среди которых называются создание сильного и эффективного государства [Путин 2000], формирование развитого гражданского общества, устойчивой демократии, конкурентоспособной рыночной экономики и защита прав граждан [Путин 2003]. При этом отсутствие консолидации в обществе репрезентируется как основная причина плачевного состояния страны, недостатков законодательной базы и неумения справиться с возникшими трудностями, о чём В. Путин прямо говорит в интервью от 14.12.2000 г. [Интервью канадским... 2000].

Тема консолидации занимала одну из ключевых позиций в политическом дискурсе В. Путина с самого начала его прихода к власти.

Основная схема репрезентации концепта «консолидация» формируется уже в первый год президентского срока В. Путина и выражается в конструировании данного феномена как явления необходимого и обязательного для достижения всеобщего блага.

К концу первого президентского срока В. Путина на первый план выходит новая репрезентационная схема: консолидация предстаёт уже не просто как залог успешного развития общества, но, прежде всего, как главный инструмент в борьбе против встающих перед Россией угроз. В послании 2003 г. Россия репрезентируется как государство, стоящее перед лицом серьёзных угроз и опасностей, выражающихся в «росте геополитических амбиций» и «расширении зон стратегического влияния» развитых стран. Данная схема выстраивается через усиление использования дихотомии Я и Другого. Роль внешнего Другого главным образом возлагается на «страны с высокоразвитой экономикой». При устойчивом сохранении противопоставления России и Запада, в определённые периоды, тем не менее, список внешних Других, против которых необходимо консолидироваться, расширялся. Так, например, в 2004 г. в дискурсе обозначилась новая фигура Другого – международный терроризм. Данная тема уже появлялась в посланиях президента и раньше, но только в 2004 г. она была помещена в контекст конъюнктивного дискурса и использовалась как риторическое средство мобилизации, объединения общества, что было обусловлено серией террористических актов, которые Россия пережила в 2004 г., включая трагедию в Беслане. В своей речи, например, на Заседании Совета по взаимодействию с религиозными объединениями от 29.09. 2004 г. В. Путин репрезентировал терроризм как «попытку расколоть общество», как «удар по единству страны» [Стенографический отчет... 2004]. Конструирование конъюнктивного дискурса вокруг феномена международного терроризма как основы консолидации сохранялось вплоть до 2006 г., однако позднее на первый план в качестве Другого вновь вышел Запад, который «не хочет видеть Россию сильной».

Немаловажно и то, что при репрезентации темы консолидации как средства противодействия угрозам использовались и неоднократно повторялись глаголы «противостоять», «выжить», «сохранить», что подчёркивало наивысшую степень серьёзности стоящих перед страной опасностей и идентифицировало консолидацию как жизненно необходимое условие существования России, а значит, и народа.

К концу уже первого президентского срока В. Путина, таким образом, в официальном конъюнктивном дискурсе формулируется некая идеологическая схема, «мини-идеология» [Малинова 2014]: чтобы России продолжать существовать и выжить среди врагов – других государств – она должна быть «сильным государством», а чтобы сделать её сильной, общество должно быть консолидированным.

К этой же аргументационной схеме В. Путин, будучи избранным президентом в третий раз, возвращается в 2012 г. Однако консолидация в этот период репрезентируется им не

При репрезентации темы консолидации как средства противодействия угрозам использовались и неоднократно повторялись глаголы «противостоять», «выжить», «сохранить», что подчёркивало наивысшую степень серьёзности стоящих перед страной опасностей и идентифицировало консолидацию как жизненно необходимое условие существования России, а значит, и народа.

Консолидация в период с 2012 г. репрезентируется В. Путиным не только как условие экономического и политического выживания России в глобальном мире, но и как необходимое условие «сохранения духовности, нравственности и национальной самобытности» русского народа

только как условие экономического и политического выживания России в глобальном мире, но и как необходимое условие «сохранения духовности, нравственности и национальной самобытности» русского народа [Путин 2012].

Исходя из вышесказанного очевидно, что консолидация представляется в речах В. Путина как одно из необходимых и ключевых условий его политического курса, без которого невозможно ни дальнейшее социально-экономическое развитие страны, ни даже существование государства и нации как таковых. Но, акцентируя степень важности данного концепта, В. Путин вместе с тем избегает проблематизации вопросов горизонтальной консолидации, фокусируя внимание лишь на теме единства населения с лидером и его курсом.

Требование единства с лидером обращено в равной степени как к элите, так и к основной массе населения, хотя набор ожиданий, призванный продемонстрировать степень их солидарности, разнится в зависимости от адресата. Анализ лексических единиц, использованных В. Путиным в консолидационных призывах к элите, показывает, что от них президент ждёт «конструктивное сотрудничество», «обмен мнениями», «взвешенную критику» [Путин 2003], тогда как характер обращений президента к гражданам выражается в призывах «прочувствовать свою ответственность перед страной», «терпеливо работать, чтобы стать полноценным партнёром государства», «совместить ответственность за судьбу страны с «гражданскими вольностями», «совместить частную инициативу с общенациональными задачами» [Путин 2000]. Позднее, в 2003 г., к этому списку добавляются «подвиг», «мобилизация», «объединение усилий», «гражданская ответственность», «преодоление недоверия и единство в оценке стоящих перед страной стратегических задач» [Путин 2003].

Метафора консолидации как подвига используется и в выступлениях президента в 2005 г., усиленная использованием исторического нарратива. Этот год знаменателен появлением нового государственного праздника, введение которого было инициировано В. Путиным. Выступая с торжественной речью по случаю празднования Дня народного единства, он подчёркивает, что конец разобщённости был положен именно благодаря объединению патриотических сил. При этом внимание акцентируется на том, что «не по принуждению сверху, а по зову сердца люди разных национальностей и вероисповеданий объединились, чтобы вместе и самостоятельно решать и свою судьбу, и судьбу своего Отечества», проявив тем самым «высочайшую гражданскую ответственность» [Путин 2005b]. Таким образом, через исторический нарратив выстраивается героический образ российского народа, для которого патриотизм, героизм, «бескорыстное служение обществу и народу»

являются чертами национального характера, о чём он прямо говорит в своих выступлениях, например, в 2005 [Путин 2005b] и 2006 гг. [Путин 2006].

Поддержка населением решения о присоединении Крыма к России также репрезентировалась через метафору подвига и героизма. В президентском послании 2014 г. В. Путин благодарит население за поддержку, репрезентируя это как «жизненную стойкость» и «патриотизм», которые «наш народ» всегда демонстрирует «в судьбоносные моменты истории» [Путин 2014]. Тем самым президент обозначает категории «стойкость» и «патриотизм» (что, безусловно, подразумевает некую степень жертвенности) как высшие ценности, обязанность следования которым рассматривается как безусловная. Таким образом, консолидация, то есть единство с лидером, предстаёт как некий гражданский и одновременно моральный долг, который должен быть присущ каждому гражданину в силу его/её национальной и гражданской принадлежности.

Морально-нравственная составляющая данной модели консолидации была обозначена В. Путиным с самого начала его прихода к власти в 2000 г. В первом же своём послании он провозгласил, что «развитие общества немыслимо без согласия по общим целям. И эти цели – не только материальные. Не менее важные – духовные и нравственные цели» [Путин 2000]. Это свидетельствует о том, что первоначально было предложено две ценностные оси консолидации – ось материальных ценностей и ось духовно-нравственных ценностей. При этом какие именно ценности трактовались как материальные, не раскрывалось, тогда как духовно-нравственные цели были идентифицированы более чётко. Президент прямо говорил, что к таковым относятся патриотизм, культурные традиции и общая историческая память, то, «что дорого нам всем», и то, что «всегда присуще нашему народу» [Путин 2000].

В послании ФС РФ 2003 г. перечень объединяющих ценностей несколько меняется, и в их числе называются: сильное государство, развитое гражданское общество, устойчивая демократия, защита прав и свобод человека и гражданина и обеспечение экономического благополучия населения [Путин 2003]. Такой сдвиг говорит о том, что к концу первого президентского срока В. Путина в официальном конъюнктивном дискурсе ещё не была сформулирована единая, чёткая концепция консолидации общества. При доминировании черт консолидации национально-патриотического типа время от времени в дискурсе проявлялись элементы либеральной парадигмы консолидации, основанной на признании индивидуальной свободы и удовлетворении взаимных интересов государства и граждан [Путин 2003; Путин 2005a].

Поддержка населением решения о присоединении Крыма к России репрезентировалась через метафору подвига и героизма. В президентском послании 2014 г. В. Путин благодарит население за поддержку, означающую проявление «жизненной стойкости» и «патриотизма», которые «наш народ» всегда демонстрирует «в судьбоносные моменты истории».

Однако к концу второго президентского срока В. Путина в 2007 г. либеральный тип консолидации практически полностью вытесняется, и формируемый конъюнктивный дискурс концентрируется вокруг таких категорий, как «моральные ценности» и «нравственные ориентиры», которые репрезентируются как «национальное богатство», «основа нашей повседневной жизни», «фундамент экономических и политических отношений». Значимость их для государства приравнивается к значимости политической и экономической стабильности. [Путин 2007]. В интервью журналу Тайм он чётко артикулирует, что предлагает в качестве консолидационной основы: «Нужно проявлять максимальную заботу об общих моральных ценностях и на этой базе консолидировать российское общество. Считаю это абсолютным приоритетом» [Интервью... 2007].

Тема моральных ценностей как консолидационной основы общества была продолжена в конъюнктивном дискурсе с возвращением В. Путина на пост президента в 2012 г. Одной из главных проблем российского общества были обозначены ценностная катастрофа или ценностный кризис и дефицит духовных скреп [Путин 2012], которые рассматриваются как основные причины внутренних проблем государства. Поэтому, чтобы «Россия была суверенной и сильной», президент призывает «быть лучше в нравственности» и «укреплять прочную духовно-нравственную основу общества» [Путин 2012]. При этом тема нравственности развивается прежде всего в терминах гражданской ответственности, которая характеризуется как «чувство ответственности за страну», «общенародная ответственность», «любовь к отечеству». Понятия «нравственного человека» и «ответственного гражданина» отождествляются. Гражданская ответственность и патриотизм определяются как базовые моральные ценности, способные консолидировать общество. В послании 2012 г. В. Путин констатирует: «В Конституции общенародная ответственность за Родину перед нынешними и будущими поколениями провозглашается как фундаментальный принцип российской государственности. Именно в гражданской ответственности, в патриотизме вижу консолидирующую базу нашей политики» [Путин 2012]. Ту же мысль он дублирует в послании 2013 г.: «Чувство ответственности за страну – это лейтмотив, это нерв и стержень Конституции России, это призыв к каждому из нас» [Путин 2013].

Помимо гражданской ответственности и патриотизма в число морально-нравственных ценностей, выступающих в качестве консолидационных факторов, включаются также самобытные культурные ценности (в число которых входят русский язык, русская классическая литература и советский кинематограф), уважение к своей истории и религиозные ценности, без которых, как отмечает президент, «не может быть

К концу второго президентского срока В. Путина в 2007 г. либеральный тип консолидации практически полностью вытесняется, и формируемый конъюнктивный дискурс концентрируется вокруг таких категорий, как «моральные ценности» и «нравственные ориентиры», которые репрезентируются как «национальное богатство», «основа нашей повседневной жизни», «фундамент экономических и политических отношений».

в сегодняшнем мире морали и нравственности» [Интервью... 2007]. «Забота о русском языке и росте влияния российской культуры» провозглашаются «важнейшим социальным и политическим вопросом», поскольку искусство «несёт в себе серьёзный воспитательный заряд, формирует начала патриотизма, развивает моральные и семейные ценности» [Путин 2007]. Таким образом, тема культурных и нравственных ценностей приобретает политическую окраску и репрезентируется как составляющая государственного суверенитета [Путин 2007].

При этом все ключевые категории конъюнктивной риторики подаются в контексте национальных особенностей русского народа. Так, например, к числу культурных ценностей, способных объединить народ, относятся именно «самобытные культурные ценности» – русский язык, русская классическая литература, русская классическая музыка и советский кинематограф, чья основная функция видится в формировании «национального лица» [Путин 2007]. При описании традиций, культуры, народа гораздо чаще используется категория «русская (ий)», а не «российская (ий)», а русский язык и русская культура рассматриваются как объединяющие факторы для всех народов РФ.

При этом «самобытные культурные ценности» противопоставляются «слепому следованию зарубежным штампам», которые могут привести к потере национального лица. Таким образом, культура как один из ключевых концептов конъюнктивного и политического дискурсов, с одной стороны, позволяет идентифицировать свою группу (Россия, русские) и отличить её от группы Другого (Запад). С другой стороны, «самобытная русская культура» репрезентируется как объект угроз со стороны Другого, как нечто, что необходимо защищать и оберегать, призывая тем самым к мобилизации против Другого, что также может способствовать усилению консолидации общества. В целом, конструируемая президентским дискурсом модель консолидации основывается на принципе объединения на базе общих ценностей, репрезентируемых как исторически присущие русскому народу национальные черты.

Таким образом, можно сказать, что президентский дискурс в качестве желаемой предлагает модель национал-патриотической консолидации, которая опирается на понимание солидарности как преданности. В отличие от иных форм солидарности (индивидуалистской, рефлексивной и реципрокальной), основанных на идее свободы индивида, тип социальной солидарности как преданности отказывается от принципа индивидуальной свободы и заменяет его «сакрализацией» коллективного действия, совершаемого во имя некоего коллективного образования – в данном случае, во имя нации и государства [Kapeller, Wolkenstein 2013]. Не случайно патриотизм как проявление безусловной любви к Родине включа-

Президентский дискурс в качестве желаемой предлагает модель национал-патриотической консолидации, которая опирается на понимание солидарности как преданности. В отличие от иных форм солидарности (индивидуалистской, рефлексивной и реципрокальной), основанных на идее свободы индивида.

ется данным дискурсом в число «традиционных ценностей» и «духовных скреп», сплачивающих российское общество. В силу того, что «патриотическая риторика опирается на широко разделяемые чувства и апеллирует к защите привычных жизненных практик», она может служить «удобным инструментом мобилизации» [Малинова 2014]. В представлении большинства (95–97%) патриотизм означает любить свою Родину и гордиться ею [Дробижева 2014]. В контексте национально-патриотического дискурса категории «страна-Родина», «нация», «государство» и его лидер отождествляются, что позволяет экстраполировать позитивные чувства по отношению к Родине (стране, где человек родился) на действующего президента. Как следствие, патриотичность подразумевает, прежде всего, «любовь и гордость» по отношению к лидеру, и, соответственно, безусловную поддержку его политического курса, что объясняет высокие рейтинги В. Путина, несмотря на снижение показателей экономического развития страны.

Однако ряд исследователей полагают, что мобилизационный эффект патриотической риторики может иметь временный характер, а манипулирование патриотическими чувствами в долгосрочной перспективе ведёт, скорее, к дезинтеграции общества, чем к его консолидации [Малинова 2014]. Главный недостаток патриотической риторики состоит в том, что она исключает возможность критического осмысления действий лидера и других представителей политической элиты, поскольку легитимирует претензии власти на лояльность и преданность населения по принципу принадлежности к национальной группе (в частности, русскому народу) без совершения каких-либо усилий со стороны политической элиты заслужить эту лояльность, хотя бы путём предоставления чего-либо взамен с её стороны (например, социально-экономических благ). В результате это нарушает равный двусторонний коммуникативный процесс между населением и властью [Гудков 2005]. Граждане утрачивают возможность довести до власть предержащих свои потребности, что ведёт к усилению «оторванности» политической элиты от народа и формированию искажённого представления у элит о реальном положении дел в обществе.

Другим серьёзным недостатком национально-патриотического конъюнктивного дискурса является его фиксация исключительно на вертикальной консолидации, то есть консолидации власти и населения. Тогда как проблемы развития горизонтальной солидарности, межличностных взаимосвязей и взаимопомощи остаются за пределами обсуждения. Тем временем, большинство исследователей отмечают низкий уровень социальной солидарности в российском обществе и усиление среди населения таких настроений, как агрессия, нетерпимость, ненависть и цинизм [Гудков 2005; Консолидация и модернизация... 2014].

Серьёзным недостатком национально-патриотического конъюнктивного дискурса является его фиксация исключительно на вертикальной консолидации, то есть консолидации власти и населения.

Представляется проблемным и направленность дискурса на консолидацию по принципу принадлежности к русской нации и владения русским языком, поскольку это входит в конфликт с многонациональностью России. Данный дискурс решает этот конфликт путём включения всех этнических групп в группу «русских» на основе общей истории и общей русской культуры. Путин говорит: «Россия веками развивалась как... государство-цивилизация, скреплённое русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире. Для планеты мы, независимо от нашей этнической принадлежности, были и остаёмся единым народом» [Путин 2012]. Этот же аргумент он повторяет в 2014 г., комментируя присоединение Крыма в своём послании ФС РФ от 2014 г. и характеризуя народы России как русский, единый народ, несмотря на разность происхождения [Путин 2014].

Обеспечение единого исторического нарратива для разных этнических групп, безусловно, имеет определённый консолидационный потенциал. Однако, согласно данным Института социологии РАН, среди татар, например, только 44–45% отмечают роль прошлого как сплачивающего фактора. Такие же результаты демонстрируют и другие национальности России. Только треть татар, якутов и башкир считают себя россиянами в связи с принадлежностью к русской культуре. При этом этничность, как отмечает Л. М. Дробижева, у титульных народов республик остаётся довольно актуализированной: ответ «я никогда не забываю, кто я по национальности», в республиках выбрали более 50% башкир, татар и якутов. При этом защитные установки во всех национальных республиках РФ, выражающиеся в том, что «любые средства хороши для защиты моего народа», выросли в 2 раза по сравнению с 1990-ми годами [Дробижева 2014: 126]. Таким образом, идентификация разных наций с одной титульной нацией (в данном случае, русской) и подчёркивание уникальности русской культуры и русского языка как общего, по сути придаёт нетитульным нациям статус второстепенных, что в долгосрочной перспективе чревато негативными последствиями.

Подводя итоги, следует сказать, что исследуемый конъюнктивный дискурс несомненно выполняет функцию мобилизации большинства с его лидером, но не обеспечивает действительной консолидации общества, подменяя понятие солидарности патриотизмом и преданностью лидеру, и оставляя за пределами дискурса реальные проблемы социальной дезинтеграции.

Библиографический список

Великая Н. М. 2005. Проблемы консолидации общества и власти // Социологические исследования. № 5. С. 60–71.

Владимир Путин объявил о своём намерении баллотироваться на пост президента России // Официальный сайт Президента России. 13 января. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2000/01/121263.shtml> [Дата посещения: 15.03.2016].

Гудков Л. Б. 2005. Человек в реформирующемся обществе. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. № 6. С. 46–57.

Дробижева Л. М. 2014. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. № 1. С. 119–129.

Интервью канадским телекомпаниям «Си-би-си», «Си-ти-ви», газете «Глоб энд мейл» и телекомпания РТР. 2000 // Официальный сайт Президента РФ. 14 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21139> [Дата посещения: 15.03.2016].

Интервью В. Путина журналу Тайм. 2007 // Официальный сайт Президента РФ. 19 декабря. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/12/154772.shtml> [Дата посещения: 16.03.2016].

Кармадонов О. А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.

Консолидация и модернизация России. 2014 / Под ред. А. А. Гусейнова. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация». 384 с.

Малинова О. Ю. 2014. «Духовные скрепы» как государственная идеология // Россия в глобальной политике. № 5. С. 113–122.

Малинова О. Ю. 2010. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политекс. Т. 6. № 1. С. 5–28.

Малинова О. Ю. 2012. Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // Политекс. Т. 8. № 4. С. 179–204.

Методы анализа текста и дискурса. / Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. М.: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

Путин В. В. 2000. Послание Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 08 июля. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml> [Дата посещения: 14.03.2016].

Путин В. В. 2003. Послание Федеральному собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 16 мая. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> [Дата посещения: 15.03.2016].

Путин В. В. 2005а. Послание Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 26 апреля. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> [Дата посещения: 14.03.2016].

Путин В. В. 2006. Послание Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 10 мая. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> [Дата посещения: 16.03.2016].

Путин В. В. 2007. Послание Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 26 апреля. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml [Дата посещения: 14.03.2016].

Путин В. В. 2012. Послание Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 12 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> [Дата обращения: 15.03. 2016].

Путин В. В. 2013. Послание Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 12 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> [Дата посещения: 15.03.2016].

Путин В. В. 2014. Послание Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. 04 декабря. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> [Дата посещения: 15.03.2016].

Путин В. В. 2005b. Торжественная речь В. Путина по случаю Дня народного единства // Официальный сайт Президента РФ. 04 ноября. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/11/04/1615_type82634type122346_96690.shtml [Дата посещения: 16.03.2016].

Розин В. М. 2015. Консолидация и модернизация в России // Вопросы философии. № 1. С. 200–202.

Стенографический отчет заседания Государственного Совета. 2000 // Официальный сайт Президента РФ. 22 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/24310> [Дата посещения: 16.03.2016].

Стенографический отчет заседания Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России. 2004 // Официальный сайт Президента РФ. 29 сентября. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/22618> [Дата посещения: 16.03.2016].

Фуко М. 2004. Археология знания. СПб: ИЦ Гуманитарная академия. 416 с.

Wodak R. 2011. *The Discourse-Historical Approach // Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory*. London: SAGE. P. 63–93.

Kapeller J., Wolkenstein F. 2013. *The Grounds of Solidarity: From liberty to loyalty // European Journal of Social Theory*. № 16. P. 476–491.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.395](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.395)

Strategies for Representing the “Consolidation” Category in the Russian President’s Conjunctive Discourse (2000–2015)

Zakharova Olesya Viktorovna

Senior Lecturer of the Institute for Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.
E-mail: zakharovaolesya@yahoo.com

Abstract. Given their special place in the field of creating meanings and their interpretations, government leaders have the opportunity to offer society a certain set of consolidation values, therefore setting the basis for molding any desired form of solidarity within a society. In light of this fact, analyzing official conjunctive discourse seems to be promising, since it would enable identifying what sort of consolidation is broadcasted to society, as well as defining the tendencies for the development of conjunctive processes. This article¹ displays a reconstructed model of consolidation which is broadcasted to Russian society via the discourse of Russia’s current president V. Putin. Careful attention is paid to analyzing strategies for representing the concepts of “consolidation” and “solidarity”, as well as their substantial component. A discursive-historic approach developed by an Austrian scientist named R. Wodak was used while conducting this research. The research base is mostly built upon V. Putin’s annual speeches given to the Federal Assembly of the Russian Federation, which pose special interest to the goals of the analysis in question, considering that they reflect the main tendencies and changes in the current political course. The analytical case also includes other public speeches given by V. Putin, which were dedicated to consolidating society. The study concludes that consolidation within the examined rhetoric is presented, for the most part, as an act of civic responsibility, expressed by the population’s loyalty to its leader and his political course, and as one of the key conditions for Russia’s socio-economic development and for ensuring its national security, so therefore it is a component which comprises the notion of patriotism. The article comes to the conclusion that, although the examined conjunctive discourse undoubtedly serves a purpose of mobilizing the majority with their leader, regardless, it cannot provide long-term social consolidation, for it exacerbates aggression and violence in society instead of developing conjunctive communication. Therefore, as concluded by the author, such an approach only creates the illusion of social consolidation, while leaving real problems of social disintegration outside the boundaries of social discourse.

Keywords: political discourse, consolidation, solidarity, discourse analysis, conjunction, discursive-historic approach, discursive strategies.

References

Drobizheva L. M. *Etnicheskaja solidarnost’, grazhdanskaja konsolidacija i perspektivy mezhetnicheskogo soglasija v Rossiyskoy Federacii [Ethnic solidarity, civil consolidation and prospects of inter-ethnic harmony in the Russian Federation]*. *Obschestvennye nauki i sovremennost’*, 2014, no 1, pp. 119–129.

¹ This study was carried out with financial backing by the Russian Presidential grant. The article was prepared on results of the project “Social consolidation of modern Russian society: systems, resources and perspectives”, 2014–2016. State assignment of the Ministry of education and science of Russian Federation № 28.64.2014/К.

- Foucault M. Arheologija znanija [The Archeology of Knowledge]. Saint-Petersburg, IC Gumanitarnaja akademija, 2004. 416 p.
- Gudkov L. B. Chelovek v reformirujuschemsja obschestve. Fenomen negativnoj mobilizacii [Human Being in the Reforming Society. The Phenomenon of Negative Mobilization]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2005, no 6, pp. 46–57.
- Kapeller J., Wolkenstein F. The Grounds of Solidarity: From liberty to loyalty. *European Journal of Social Theory*, 2013. no 16, pp. 476–491.
- Karmadonov O. A. Solidarnost', integracija, konijunkcija [Solidarity, Integration, Conjunction]. *Sociologicheskie issledovanija*, 2015, no 2, pp. 3–12.
- Konsolidacija i modernizacija Rossii [Consolidation And Modernization of Russia]. Ed. by A. A. Gusseyinov. Moscow, Kanon+; ROOI «Reabilitacija», 2014. 384 p.
- Malinova O. Y. «Duhovnye skrepy» kak gosudarstvennaja ideologija [“Spiritual Buckles” as a State Ideology]. *Rossija v global'noj politike*, 2014, no 5. pp. 113–122.
- Malinova O. Y. Konstruirovanie makropoliticheskoy identichnosti v postsovetskoy Rossii: simvolicheskaja politika v transformirujuschemsja publichnoy sfere [Construction of Macropolitical Identity in post-Soviet Russia: a Symbolic Policy in Transformation of Public Sphere]. *Politex*, 2010. Vol. 6, no 1, pp. 5–28.
- Malinova O. Y. Politicheskoe ispol'zovanie proshlogo kak instrument simvolicheskoy politiki: evoliucija diskursa vlastvujushey elity v postsovetskoy Rossii [The Political Use of the Past as a Symbolic Instrument of Policy: the Evolution of the Discourse of the Ruling Elites in post-Soviet Russia]. *Politex*, 2012, Vol. 8. no 4, pp. 179–204.
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju RF 2000 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2000]. Russian President Official website. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml> [date of visit: 14.03.2016].
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu sobraniju RF 2003 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2003]. Russian President Official website. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml> [date of visit: 15.03.2016].
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju RF 2005 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2005]. Russian President Official website. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml> [date of visit: 14.03.2016].
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju RF 2007 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2007]. Russian President Official website. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2007/04/26/1156_type63372type63374type82634_125339.shtml [date of visit: 14.03.2016].
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju RF 2012 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2012]. Russian President Official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118> [date of visit: 15.03.2016].
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju RF 2013 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2013]. Russian President Official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825> [date of visit: 15.03.2016].
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju RF 2006 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2006]. Russian President Official website. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml> [date of visit: 16.03.2016].
- Putin V. V. Poslanie Federal'nomu Sobraniju RF 2014 goda [Message to the Federal Assembly of RF of 2014]. Russian President Official website. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> [date of visit: 15.03.2016].
- Putin V. V. Interview kanadskim telekompanijam «CBC», «CTV», gazete «Globe And Mail» i telekompanii RTR [Interview with Canadian television stations “Si-bi-si”, “C-ti-vi”, the newspaper “Globe and Mail” and RTR]. Russian President Official website. 14.12. 2000. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21139> [date of visit: 15.03.2016].

Putin V. V. Interview zhurnalu “Time” [Interview V. Putin with Time Magazine]. Russian President Official website. 19.12. 2000. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2007/12/154772.shtml> [date of visit: 16.03.2016].

Putin V. V. Torzhestvennaja rech’ po sluchaju Dnia narodnogo edinstva [Declamation of Vladimir Putin on the occasion of the Day of National Unity]. Russian President Official website. 4.11.2005. URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2005/11/04/1615_type82634type122346_96690.shtml [date of visit: 16.03.2016].

Rozin V. M. Konsolidacija i modernizacija v Rossii [Consolidation and Modernization in Russia]. Voprosy filosofii, 2015, no 1, pp. 200–202.

Stenografichesky otchiot zasedanija Gosudarstvennogo Soveta RF [Verbatim Report at the Meeting of the State Council of RF. 2000]. Russian President Official website. 22.11.2000. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/24310> [date of visit: 16.03.2016].

Stenografichesky otchiot zasedanija Soveta po vzaimodeystviyu s religioznymi obiedinenijami pri Prezidente Rossii [Verbatim Report at Meeting of the Council for Cooperation with Religious Associations under the Russian President. 2004]. Russian President Official website. 29.09.2004. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/22618> [date of visit: 16.03.2016].

Teacher S., Mayer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa [The Methods of Analysis of Text and Discourse]. Moscow, Gumanitarny centr, 2009. 356 p.

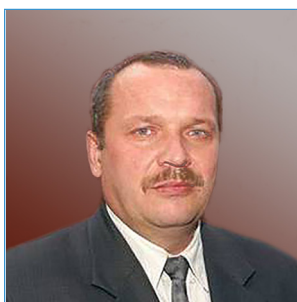
Velikaja N. M. Problemy konsolidacii obschestva i vlasti [Problems of Consolidation of Government and Society]. Sociologicheskie issledovanija, 2005, no 5, pp. 60–71.

Vladimir Putin obiavil o svojom namerenii ballotirovat’sia na post Prezidenta Rossii [Vladimir Putin announced his intention to run for president of Russia]. Russian President Official website. 13.01.2000. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/news/2000/01/121263.shtml> [date of visit: 15.03.2016].

Wodak R. The Discourse-Historical Approach. Critical Discourse Analysis: Concepts, History, Theory. London: SAGE, 2011, pp. 63–93.

Т е м а н о м е р а : Консолидация общества

Проблемы консолидации местных сообществ

Бабинцев Валентин Павлович –
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой социальных технологий,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, Белгород

E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Проблемы консолидации местных сообществ

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.396](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.396)

Аннотация. В статье анализируются возможности консолидации местных сообществ, под которыми понимаются жители различных муниципальных образований – от сельского поселения до городского округа. Обосновывается, что необходимость консолидации определяется как задачей воспроизводства местного сообщества, так и повышением его конкурентоспособности. Консолидация рассматривается как процесс и результат достижения согласия между жителями, установления отношений взаимного доверия, сотрудничества в условиях объективно существующей социальной дифференциации. На основе опыта реализации в Белгородской области «Стратегии формирования регионального солидарного общества» в течение последних пяти лет доказываем, что консолидация социума начинается именно на местном уровне как установление доверительных отношений в соседско-родственной территориальной общине. В качестве стартера консолидационного процесса на местном уровне выступает феномен солидарности как установки массового сознания. Он включает в себя три взаимосвязанные позиции: во-первых, намерение поступать сообразно справедливости; во-вторых – лояльность, представляющую собой, согласно Т. Парсонсу, готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности; в-третьих – добровольная готовность и способность нести ответственность за свои действия в соответствии с правовыми и нравственными нормами. Анализ результатов мониторинга «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества», проведённый в регионе в сентябре–октябре 2015 г. кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (n = 1000 респондентов; выборка многоступенчатая, квотная), показывает, что минимизация возможностей консолидации на местном уровне связана не только с социальной дифференциацией муниципальных образований, но и с дискредитацией в сознании населения значительной части ценностей справедливости и лояльности, низким уровнем институционального и межличностного доверия.

Ключевые слова: местное сообщество, муниципальное образование, муниципальная власть, солидарность, справедливость, социальная конъюнкция, социальная дизъюнкция, консолидация, лояльность

В социальном пространстве России, характеризующемся сочетанием внешней упорядоченности, обеспеченной преимущественно методами административного управления, и внутренней неустойчивости, определяющейся дефицитом конвенционально признанных большинством населения ценностно-смысловых комплексов, становится исключительно актуальным вопрос о возможности консолидации различных групп и территориальных общин. В частности, местных сообществ, под которыми мы понимаем жителей различных муниципальных образований – от сельского поселения до городского округа.

Острота проблемы консолидации на этом уровне обусловлена рядом причин. Прежде всего следует учитывать нарастающую субкультурную дифференциацию территориальных общин, особенно ярко проявляющуюся в сельской местности, в традиционной среде которой она наиболее заметна. Российские социологи, в частности, выделяют сосуществование и неизбежную конкуренцию в условиях села нескольких относительно слабо связанных между собой «культур» (точнее, субкультур): «культуру» коренных жителей, ведущих привычный инерционный образ жизни, сезонную «культуру» дачников и «помещиков», в основном обеспечиваемую ресурсами за счёт импорта из городов; «культуру» местных людей, находящихся «в отходе» (временно работающих по найму преимущественно в крупных городах), и людей, скрыто занятых (и членов их семей) [Российская провинция... 2011: 11].

В городских условиях субкультуры формируются на иной основе. Однако они также порой заметно различаются между собой. Показательно в данной связи существование молодёжной субкультуры, которая по многим параметрам является отрицанием значительной части паттернов «культуры взрослых». Т. И. Морозова подчёркивает в данной связи, что «молодёжным сознанием отторгается ценностно-смысловой комплекс, формирующийся на основе представлений, восходящих, в конечном итоге, к общинному (соборному) началу социальной жизни с его установками на солидарность и круговую поруку, на готовность и способность личности к социальному дарению. В свою очередь активно утверждаются традиционные ценности западной индустриальной и постиндустриальной цивилизации: представление о человеке как деятельностном существе, рационализм, установка на инновации и прогресс, понимание власти не только как власти над личностью, но и над другими объектами; эффективные (то есть приводящие к запланированному результату при минимальных необоснованных издержках) знания и технологии» [Морозова 2013: 24].

Острота проблемы консолидации на местном уровне обусловлена рядом причин. Прежде всего – нарастающей субкультурной дифференциацией территориальных общин.

В городских условиях субкультуры порой заметно различаются между собой. Показательно в данной связи существование молодёжной субкультуры, которая по многим параметрам является отрицанием значительной части паттернов «культуры взрослых».

Существенную роль в дифференциации местных сообществ в последние годы играет фактор мигрантов, которые во многих случаях отказываются интегрироваться в сложившуюся социокультурную среду. При этом отличающиеся от коренного населения этнические мигранты, как правило, обладают более солидным, по сравнению с «аборигенами», социальным капиталом, с одной стороны, опирающимся на клановые связи, с другой – на вертикально организованные структуры, чья поддержка обеспечивается материальными и нематериальными способами, и используют его в конкуренции с соседями. Группы мигрантов активно консолидируются, «замыкая» на себя значительную часть властных ресурсов. Уже сегодня «во многих муниципалитетах, особенно выморочных¹, местная власть взаимодействует с мигрантами эффективнее, чем с коренным населением. Причины называются очевидные: приезжие, претендующие на общие с местными ресурсы, действуют так, как не могут местные: они покупают доступ к ресурсам у их официальных распорядителей. Местных жителей сдерживает общественное мнение, круговая порука и психологическая неготовность вступить в такие отношения с представителем власти» [Российская провинция... 2011: 13].

Обеспечение интеграции мигрантов в состав местного сообщества в целом – один из аспектов проблемы консолидации местного сообщества, который тесно увязывается с вопросом о взаимоотношениях органов муниципального управления и населения. В настоящее время во многих муниципалитетах эти отношения характеризуются высоким уровнем взаимного отчуждения и недоверия.

Усиление социальной дифференциации в сочетании со взаимным отчуждением граждан и власти имеет ряд негативных следствий. Во-первых, жизнь значительной части населения муниципальных образований сопровождается ощущением социального дискомфорта, личной незащищённости. Во-вторых, дезинтегрированные муниципалитеты оказываются недостаточно конкурентоспособными, поскольку в современных условиях конкурентоспособность в значительной мере определяется именно качеством социального капитала местных сообществ.

В-третьих, местные власти, обладающие ограниченным набором ресурсов, не позволяющим им конструктивно решать многие проблемы, всё чаще обращаются к использованию имитационных практик, представляющих собой систему действий, в ходе которых реальные значения и смыслы замещаются

¹ «Выморочными» авторы считают муниципальные образования, не имеющие перспектив развития в силу демографической структуры, ресурсной ограниченности, транспортной недоступности и других причин [Российская провинция... 2011: 13].

Существенную роль в дифференциации местных сообществ в последние годы играет фактор мигрантов, которые во многих случаях отказываются интегрироваться в сложившуюся социокультурную среду.

Усиление социальной дифференциации в сочетании с отчуждением граждан и власти имеет ряд негативных следствий. Во-первых, жизнь части населения сопровождается ощущением личной незащищённости. Во-вторых, дезинтегрированные муниципалитеты оказываются недостаточно конкурентоспособными. В-третьих, местные власти всё чаще обращаются к использованию имитационных практик.

и подменяются симуляциями в формах демонстраций, деклараций и декораций. В повседневную реальность, несмотря на кризис, всё чаще внедряются чисто карнавальные элементы (праздники, юбилеи, форумы и т. п.), назначение которых их инициаторы видят в компенсации издержек усиливающейся социальной дифференциации.

Таким образом, решение широкого комплекса проблем муниципальных образований – от укрепления доверия внутри местного сообщества до наращивания их социально-экономического потенциала и социального воспроизводства – всё жёстче увязывается с проблемами консолидации. При этом, как показывает опыт реализации в Белгородской области стратегии формирования регионального солидарного общества в течение последних пяти лет, консолидация социума начинается именно на местном уровне как установление доверительных отношений в соседско-родственной территориальной общине.

Солидарность и консолидация: уточнение понятий

Необходимой предпосылкой для решения комплекса технологических задач является теоретический анализ феноменов солидарности и консолидации.

Идея консолидации современных сообществ довольно часто изначально отвергается на основе аргумента, что в высшей степени социально-дифференцированном обществе, где действуют группы не просто с различными, но противоположными интересами, невозможно достичь единения. При этом солидарность как основа консолидации рассматривается в качестве показателя такого единства, что, по нашему мнению, некорректно в теоретическом отношении, поскольку связано с отождествлением категорий «социальная однородность» и «целостность общества», не совпадающих по своему значению [Клачков, Подъяпольский 2014: 21–32].

Мы считаем ошибочной расширительную трактовку понятия «солидарность» как характеристики социально однородного общества и рассматриваем её лишь как установку общественного сознания. В основе данной установки лежит признание того обстоятельства, что функционирующие в социуме группы и индивиды, несмотря на присущие им различия, потенциально совместимы, способны к сотрудничеству, особенно в тех случаях, когда речь идёт о сохранении системы. В данной связи уместно сослаться на А. Бергсона, который утверждал, что «социальная сплочённость в значительной мере связана с необходимостью для членов данного общества защищаться от других обществ» [Бергсон 1994: 33].

В рассматриваемом контексте консолидация местных сообществ представляет собой, во-первых, достижение согласия жителей, принадлежащих к различным социальным группам, о возможности и необходимости слышать и понимать друг друга; во-вторых – установление отношений взаимного доверия; в-третьих – поиск и реализацию различных форм конструктивного сотрудничества в собственных интересах и интересах местного сообщества в целом. Практическая реализация этих установок означает формирование атмосферы муниципальной солидарности. И сегодня крайне важно оценить перспективы её возникновения.

Противоположный по своему вектору процесс взаимного отчуждения акторов муниципального пространства вполне может быть определён как социальная дизъюнкция. О. А. Кармадонов характеризует её как процесс «расстройства, рассогласования и распада интеграционных средств, сопровождающийся ослаблением консолидационных потоков и проблематизацией основной цели интеграции – социального воспроизводства общества» [Кармадонов 2015: 11]. Дизъюнкция не просто редуцирует социальный капитал муниципалитетов, но и делает проблематичным их социальное воспроизводство.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой анализа проблемы консолидации местных сообществ послужил упомянутый выше социологический мониторинг «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества», реализующийся в Белгородской области с 2011 г. кафедрой социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета в 19 муниципальных районах и трёх городских округах. Мониторинг включает ежегодный опрос 1000 респондентов по методике многоступенчатой квотной выборки.

Кроме того, нами использовались материалы исследования Д. В. Давтян «Технологии гражданского контроля в практике местного самоуправления: сущность, механизмы реализации, социальные следствия», проведённого в мае–июне 2013 г. в Белгородской области; опрошено население в трёх городских округах и четырёх муниципальных районах (опрошено 700 жителей муниципальных образований, 400 муниципальных служащих и 30 экспертов).

Консолидация местных сообществ представляет собой, во-первых, достижение согласия жителей, принадлежащих к различным социальным группам, о возможности и необходимости слышать и понимать друг друга; во-вторых – установление отношений взаимного доверия; в-третьих – поиск и реализацию различных форм конструктивного сотрудничества в собственных интересах.

Справедливость как основа солидарности

В ходе исследований мы исходили из того, что феномен солидарности, выступающий в качестве стартера консолидационного процесса, включает в себя три взаимосвязанных установки сознания:

1. Намерение поступать сообразно справедливости.

2. Лояльность, то есть, согласно Т. Парсонсу, «готовность откликнуться на должным образом «обоснованный» призыв, сделанный от лица коллектива или во имя общественного интереса или потребности» [Парсонс 1998: 26].

3. Добровольная готовность и способность нести ответственность за свои действия в соответствии с правовыми и нравственными нормами.

При таком понимании солидарности становится ясным, что достижение её не требует единомыслия, не предполагает установления всеобщего равенства и объединения жителей муниципального образования в рамках какой-либо одной организации. Однако каждая из заявленных позиций требует разъяснения, поскольку речь идёт о далеко неочевидных вещах, специфически трактуемых в рамках российской социокультурной традиции.

Прежде всего, необходимо прояснить содержание ключевой для российской культуры категории справедливости, рассматриваемой в качестве универсальной ценности. С точки зрения В. С. Соловьева, именно понятие справедливости соответствует основному принципу альтруизма, требующему признавать равно за всеми другими то право на жизнь и благополучие, какое признаётся каждым за самим собою. К тому же представление о справедливости наиболее прочно связывается с исканием правды [Соловьев 1988: 188].

И показательно, что апелляция к справедливости была своеобразным источником общественных перемен. Примечательно в данной связи: дискуссии о содержании справедливости актуализировались в последнее время, что допустимо рассматривать как своеобразный симптом назревших общественных изменений. Целесообразно сослаться в данной связи на мнение М. К. Горшкова, который пишет: «Интерес к обеспечению социальной справедливости (31%) является более ситуативным, возрастая в сложные моменты жизни россиян, неспособных справиться с теми или иными проблемами самостоятельно» [Горшков 2011: 286]. Отмеченная автором тенденция, несомненно, имеет место, что, впрочем, не отрицает вывода о справедливости как одной из базисных ценностей российской культуры и не даёт основания анализировать её только в ситуативном контексте.

В то же время, очевидно: «Понимание важности справедливости даёт человеку через её, справедливости, недостаток» [Крупник 2010: 106]. Но именно на дефицит справедливости сегодня ссылается значительное число граждан России. Проведённый нами мониторинг показал, что в 2015 г. реализацией принципа социальной справедливости были удовлетворены лишь 22,0% опрошенных. Остальные респонденты разделились почти поровну на тех, кто не удовлетворены ею (38,7%) или же затруднились с ответом (39,2%). По сравнению с 2014 г. (36%) уровень удовлетворённости резко упал.

Различные исследования выявляют весьма характерное противоречие. С одной стороны, как показывает и наш мониторинг, справедливость по-прежнему относится к числу основных ценностей россиян (среди белгородцев важность её отметили в 2014 г. 29,9%, а в 2015 – 44,2% респондентов). Но, с другой стороны, люди, прежде всего молодёжь, всё меньше верят в возможность её реализации. По данным исследований Т. И. Морозовой, в 2012 г. в торжество справедливости верили немногим более 4% молодых людей в российских регионах [Морозова 2013: 155].

Мы полагаем, что в современной ситуации консолидация жителей муниципального образования, как и любого другого сообщества в России, невозможна без установления в нём отношений, рассматриваемых гражданами как справедливые. Но столь же очевидно, что в российском обществе нет более или менее ясной конвенции относительно понимания справедливости. Рассматривая её в качестве меры, определяющей соотношение деяния и воздаяния за него, россияне допускают различные принципы, на основе которых формируется эта мера. Среди них: принципы равенства, величины трудового вклада, соответствия закону, соответствия заслугам.

Эмпирические исследования показывают, что несовпадение подходов к справедливости ведёт к расхождению в оценках того, какие явления следует рассматривать в качестве отклонения от неё. Ключевыми и, наверное, наиболее раздражающими людей проявлениями социальной несправедливости являются резкое разделение на богатых и бедных (его в ходе нашего мониторинга в 2015 г. отметили 38,3% опрошенных), безнаказанность тех, кто обладает деньгами и связями (36,0%), отсутствие равных возможностей для получения хорошей работы и построения карьеры (23,9%). Достаточно значимый «вклад» в девальвацию принципа социальной справедливости вносит власть – её безразличие к мнению людей в качестве источника несправедливости отметили 19,8%. Почти столько же – 18,3% указали на невозможность для простых людей защитить свои права и 17,4% – на нарушение принципа «закон один для всех». Существенное значение имеет также отсутствие равного доступа к здравоохранению и образованию

В современной ситуации консолидация жителей муниципального образования, как и любого другого сообщества в России, невозможна без установления в нём отношений, рассматриваемых гражданами как справедливые.

(17,8%). Безусловно, все указанные позиции могут рассматриваться как подтверждение несправедливых отношений. Но не менее существенно, что ни один из вариантов ответа не собрал более половины сторонников. И это наглядно свидетельствует об отсутствии консенсуса в принципиально важном вопросе. Вероятно, пока большинство населения не сумеет договориться относительно непреложности одного из них, солидарность останется лишь иллюзорной возможностью.

Проблема заключается и в том, что, пожалуй, за исключением трактовки справедливости как действия, опирающегося на норму закона, ни одна из других не предполагает относительно объективных измерителей. Однако трактовка справедливости как «жизни по закону» не подкрепляется культурно-историческим развитием России, в процессе которого право и правосознание чаще всего вытеснялись на периферию сознания иными феноменами, представляющимися более значимыми в глобальном плане. Идея ограниченности закона по сравнению с благодатью нашла отражение ещё в «Слове о законе и благодати» киевского Митрополита XI Илариона, которое следует рассматривать как одно из классических изложений базисных ценностей российской цивилизации. В ходе его полемики с иудаизмом прослеживается очевидная дихотомичность, при которой каждой из отвергаемых иудейских ценностей противопоставляется ценность положительная – христианская: закону – благодать и истина; мирскому – небесное; эгоизму – любовь. В первую очередь закон противопоставляется Иларионом благодати и истине и, хотя и получает известное историческое оправдание, отрицается во имя последних в актуальном и грядущем смысле: «Ведь закон предтечей был и служителем благодати и истины, истина же и благодать – служители будущего века, жизни нетленной» [Златоструй 1990: 107].

В рамках данной традиции справедливость в российском (в основе своей русском, православно-христианском) сознании обычно рассматривалась как нечто более важное, чем закон. Негативным следствием этого были – и в значительной степени остаются – неразвитость правосознания и правовой нигилизм, который, как подтверждают исследования А. В. Роговой, по-прежнему является характерной чертой российской культуры [Роговая 2014: 32].

Поскольку в определении сущности справедливости жители муниципальных образований в большинстве своём не могут достичь единства, а нормы права не воспринимаются ими в качестве безусловных требований, постольку фактически отсутствует реальная ценностно-нормативная основа консолидации, что существенно снижает её возможность.

Проблема в том, что, пожалуй, за исключением трактовки справедливости как действия, опирающегося на норму закона, ни одна из других не предполагает относительно объективных измерителей. Но такая трактовка не подкрепляется культурно-историческим развитием России.

«Горизонтальная» лояльность и ответственность в местном сообществе

Не менее сложные проблемы возникают при попытке осуществить дефиницию категории «лояльность» и определить перспективы установления отношений лояльности в современных местных сообществах. Лояльность – это модель поведения, являющаяся откликом на действия контрагентов, в основе которой лежит представление об их комплементарности (действительной или мнимой) субъекту оценки. Лояльное поведение, если опираться на веберовскую концепцию легитимности, в сущности, представляет собой её проекцию на межличностные отношения. Оно может быть следствием влияния самых различных факторов: сохранения традиционных связей и отношений; рационально мотивированного ожидания выгоды как платы за личную благонадёжность; ощущения харизмы, подчинения силе.

С лояльностью непосредственно связана ответственность личности, в основе которой лежит готовность и способность признать взаимосвязь собственных действий с принятыми в обществе нормами; с другой стороны – с их непосредственными следствиями. Социум, как правило, может добиться признания этих связей принудительными методами. Однако в концепции солидарности заложена идея о добровольности данного акта, которая возможна лишь при условии восприятия других людей в качестве потенциальных или реальных партнёров при решении жизненных проблем. Отношение к ним как к конкурентам исключает лояльность и дискредитирует саму возможность настаивать на ответственности за что-либо.

Безусловно, допускается множественная лояльность (и, соответственно, многовекторная ответственность), предполагающая готовность откликаться на вызовы от различных субъектов взаимодействия. В условиях муниципального образования такими субъектами могут быть: семейно-родственное окружение, трудовая ассоциация, община в целом, органы власти и общественные формирования, в том числе и социальные сети.

Попытка дать эмпирическую оценку возможностям установления к ним отношений лояльности выявила неоднозначность ситуации. При этом мы исходили из того, что предпосылкой лояльности является удовлетворённость субъекта социального действия отношениями, складывающимися с тем или иным контрагентом. Разумеется, мы не утверждаем, что удовлетворённость человека отношениями с тем или иным (индивидуальным или коллективным) участником взаимо-

Лояльное поведение представляет собой её проекцию на межличностные отношения и может быть следствием влияния различных факторов: сохранения традиционных связей и отношений; рационально мотивированного ожидания выгоды как платы за личную благонадёжность; ощущения харизмы, подчинения силе.

действия автоматически конвертируется в лояльность к нему. Но, в любом случае, в ситуации неудовлетворённости ожидать лояльности очень трудно.

Очередной этап мониторинга «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества» (2015 г.) позволил выявить, что более всего респонденты удовлетворены отношениями в семье и отношениями с родственниками. В первом случае доля удовлетворённых составила 83,7% при 3,6% неудовлетворённых; во втором – соответственно 85,9 и 8,6%. Примечательно, что по сравнению с аналогичным исследованием 2014 г., удовлетворённость отношениями в семье в 2015 г. несколько выросла.

Таким образом, можно утверждать, что развитие кризисных тенденций в обществе, негативно сказываясь на степени удовлетворённости реализацией принципа справедливости, оказывает противоположное влияние на семейно-родственные связи. Человек всё ближе воспринимает их, выражая готовность быть полезным семье. Человек в сложных ситуациях всё ближе воспринимает их, отчётливее выражая потенциальную готовность быть полезным семье и близким, отвечать за их благополучие. В турбулентной социальной среде семья становится единственно надёжным прибежищем. Семейно-родственная ориентация лояльности мотивирована преимущественно традицией, хотя не исключаются и иные факторы её формирования. Однако нельзя не учитывать, что объективно такое ощущение усиливает отчуждение от иных контрагентов, стимулируя консолидацию в её редуцированной (безусловно, это не означает – негативной) форме. Семья в настоящее время всё чаще выступает своеобразным оппонентом другим акторам местного сообщества. Правда, её оппозиционность имеет по преимуществу латентный характер.

Удовлетворённость жителей муниципальных образований отношениями в трудовом коллективе также достаточно высока (54,4% удовлетворённых при 7,3% неудовлетворённых) и остаётся сравнительно стабильной. В 2014 г. 54,8% респондентов отметили, что они ими удовлетворены; неудовлетворённость высказали только 8,3% участников опроса. Однако нельзя не учитывать, что трудовые ассоциации в современной России характеризуются низким уровнем субъектности. Во многом потому, что члены трудовых ассоциаций реально не сплочены в рамках общественных (профсоюзных) объединений. Членство в них носит формальный характер, а профсоюзные лидеры обычно послушно следуют в фарватере руководства. Они, как правило, не способны сформулировать консолидированные требования в отношении не только внешних акторов, но и своих сотрудников. Итоги исследований, проведённых специалистами Института социологии РАН, дают основания для заключения: «Россия – страна подчинённых. Это ясно доказывают итоги опросов. Большинство

Развитие кризисных тенденций в обществе, негативно сказываясь на степени удовлетворённости реализацией принципа справедливости, оказывает противоположное влияние на семейно-родственные связи. Человек всё ближе воспринимает их, выражая готовность быть полезным семье.

работников лишены возможности выбора даже в тех аспектах трудовой жизни, где имеют право что-то решать сами» [Добрынина 1016: 13]. Лояльность и, следовательно, ответственность в этом случае ориентированы, как правило, на руководителя и обеспечиваются преимущественно административными методами.

В какой-то мере аналогичная ситуация складывается в отношениях жителей муниципальных образований с согражданами, не находящимися в семейно-родственных и соседских отношениях с респондентами. Уровень удовлетворённости здесь ниже, чем на более коротких социальных дистанциях: 62,1% опрошенных удовлетворены такими отношениями и 13% – не удовлетворены (при 24,7% затруднившихся с ответом). Большинство респондентов всё же воспринимают эти отношения по преимуществу позитивно. Но проблема заключается в том, что сограждане, олицетворяющие для конкретного человека местное сообщество, не могут сформулировать чёткие требования к личности, поскольку разобщены, пассивны и зачастую руководствуются несовпадающими ценностями. В результате проблематичной становится возможность идентификации конкретного индивида с местной общиной, что минимизирует перспективы социальной конъюнкции. Под последней в данном случае понимается «процесс, ориентированный на социальное воспроизводство, основанный на консистентной солидарности, обеспеченной полноценными потоками социальной консолидации во всех эшелонах и структурных элементах общества» [Кармадонов 2015: 11].

Институциональное доверие как возможность

Но более всего консолидацию местного сообщества затрудняет отчётливо выраженное отчуждение между властью и населением, базирующееся на низком уровне взаимного доверия и недостаточной удовлетворённости граждан отношением к ним представителей органов местного самоуправления и должностных лиц.

Последний этап мониторинга «Оценка эффективности реализации «Стратегии формирования регионального солидарного общества» (2015 г.) показал, что в Белгородской области главам местного самоуправления городского округа (муниципального района) доверяют 31,7%, не доверяют 29,0%. Главам городского (сельского) поселения доверяют 35,6%, не доверяют 28,5%. Примечательно, что относительно низким доверием пользуются даже представительные органы местного самоуправления. Депутатам муниципальных советов, в частности, доверяют 31,1%, не доверяют 27,2% опрошенных. Членам земских собраний доверяют 19,9%, не доверяют 23,7%.

Более всего консолидацию местного сообщества затрудняет отчётливо выраженное отчуждение между властью и населением, базирующееся на низком уровне взаимного доверия и недостаточной удовлетворённости граждан отношением к ним представителей органов местного самоуправления.

При этом недоверие взаимно. Муниципальные руководители и чиновники настороженно относятся к собственному населению, скептически воспринимая, в частности, идею его гражданской активности, проявляющуюся в той или иной форме. Д. В. Давтян на основании комплекса исследований заключает: «Местная власть, как правило, в значительной степени «закрыта» и неспособна оценить возможности реального гражданского контроля и активности граждан, содействовать их развитию. Деятельность органов местного самоуправления (особенно исполнительно-распорядительных) довольно часто направлена на решение двух основных задач – ограничить сферу влияния институтов гражданского общества и «встроить» их в рамки бюрократической системы посредством имитаций и манипуляций гражданской риторикой. Муниципальные власти, как правило, не предлагают местному сообществу ценностно-ориентированной стратегии развития» [Давтян 2015: 100].

Социологи из других регионов фактически приходят к тем же выводам. В частности, как сообщил региональный омбудсмен, исследования, проведённые в Орловской области в 2015 г. (N = 400), показали, что лишь около 30% чиновников рассматривают граждан в качестве «активных субъектов социальных взаимодействий» [Передельский 2016: 10].

Недоверие к власти дополняется низким уровнем удовлетворённости её действиями. Только 21,4% опрошенных в ходе нашего исследования остались неудовлетворёнными отношением к ним со стороны представителей власти, сотрудников государственных и муниципальных учреждений. Довольны ими только 37,5%. Остальные затруднились ответить, что, на наш взгляд, объясняется довольно просто – они не ощущают реального участия муниципальных властей в решении своих жизненных проблем.

Относительно низким остаётся и уровень удовлетворённости населения действиями муниципальной власти в целом. В 2015 г. этот показатель составил в городских (сельских) поселениях 34,8%, в городских округах и муниципальных районах – 33,6%.

В сложившейся ситуации трудно рассчитывать на лояльность граждан в отношении власти и готовность в случае необходимости отвечать перед нею за свои действия. Напротив, исходящие от власти требования воспринимаются значительной частью населения равнодушно, а в некоторых случаях даже враждебно.

В условиях, характеризующихся ограниченной лояльностью к местной (впрочем, как и любой другой) власти, можно было бы ожидать, что граждане компенсируют её дефицит готовностью отвечать на вызовы, идущие от общественных объединений и социальных сетей. Но общественные организации

в большинстве российских муниципальных образований слабы и маловлиятельны. Членство в них не носит массового характера. Как показало исследование «Технологии гражданского контроля в практике местного самоуправления: сущность, механизмы реализации, социальные следствия», проведённое Д. В. Давтян, в общественных объединениях состоят только 14% жителей муниципальных образований. Авторитет многих из этих организаций, пожалуй, за исключением обществ, занимающихся решением социальных проблем и некоторых патриотических объединений, пока низок, ресурсы ограничены, что лишает их возможности быть заметными игроками в общественном пространстве и уверенно требовать от жителей реализации моделей поведения, ожидаемых их лидерами. Речь в данном случае идёт о так называемых формальных объединениях, для которых типичны нормативно закреплённые цели, жёсткость норм, наличие бюрократического аппарата и фиксированное членство. Такие организации, как правило, становятся аффилированными с властью, без поддержки которой они не могут функционировать, и часто воспринимаются гражданами как трансляторы её воли. В результате негативное отношение к властным структурам переносится на объединения, часто не имеющие с нею (по меньшей мере, формально) прямой связи.

В значительно меньшей степени эти черты присущи реальным и виртуальным социально-сетевым объединениям. Они, как подчёркивал Э. Тоффлер, имеют горизонтальный, а не вертикальный характер, адаптивны, а лидерство в них основано на компетентности и личностных качествах [Тоффлер 2009: 244–247]. К сожалению, проблема лояльности россиян сетевым структурам изучена недостаточно. Обладая высоким потенциалом консолидации населения, социальные сети в России пока редко его используют. Особенно это проявляется во взаимодействии с властными структурами. Согласно упомянутому исследованию Д. В. Давтян, с органами местного самоуправления посредством интернета контактировали лишь 5% респондентов. Только 20% полагают, что интернет является инструментом для контроля над властью [Давтян 2015: 92].

Тем не менее, именно социальные сети в перспективе способны стать своеобразными опорными площадками консолидации местных сообществ. Но для этого их участники, по меньшей мере, должны понять и принять идею солидарности в качестве установки сознания и основы поведенческой модели не только применительно к кругу своих референтов, но и большинству жителей муниципалитетов. На практике часто это сделать крайне сложно в силу доминирования во многих сетях индивидуального и группового эгоизма.

Общественные организации в большинстве российских муниципальных образований слабы и маловлиятельны. Членство в них не носит массового характера.

Кроме того, нельзя не признать – идея солидарности с огромными сложностями не только интериоризируется, но и просто воспринимается населением, руководствующимся по преимуществу индивидуалистическими ценностями. В частности, в Белгородской области с 2011 г. реализуется стратегия формирования регионального солидарного общества. Но, несмотря на это, согласно данным упомянутого мониторинга, в 2015 г. только 20,0% респондентов слышали о её реализации. У многих респондентов отсутствует ясное понимание сущности социальной солидарности. Немногим более половины (59,7%) из них убеждены: они представляют, что это такое. Возможность создания солидарного общества в регионе в обозримой перспективе допускают лишь 17,0% жителей, 24,7% считают это возможным в отдалённом будущем.

Высокую степень пессимизма в отношении перспективы утверждения солидарных отношений и на их основе – консолидации общества не следует объяснять только спецификой присущих гражданам ценностно-смысловых комплексов, хотя данное обстоятельство, несомненно, имеет место. Она определяется и особенностями социального мышления наших соотечественников. Всё более утверждающееся в массе населения фрагментарное восприятие реальности делает человека малоспособным понять содержание социальных феноменов, непосредственно не замкнутых на ситуативные обстоятельства, главным образом утилитарно-потребительского характера.

В ещё большей степени пессимизм провоцируется действительными взаимоотношениями, складывающимися между основными акторами муниципального сообщества в том виде, в каком их представляет обыватель. В массовом сознании социальная структура любого муниципалитета выстраивается для него по модели триады: власть, бизнес, народ. При этом под «народом» понимаются все те, кто не имеет особых социальных предпочтений, обеспечиваемых статусом чиновника, либо наличием капитала. Это основная масса населения муниципального образования. Разумеется, признаётся существование периферийных по отношению к власти и бизнесу групп, которые в большинстве случаев тесно связаны друг с другом, но большая часть отделена от них и во многих отношениях противопоставлена.

Возможность солидарности с властью и бизнесом при таком подходе исключается или же рассматривается в качестве весьма сомнительной. И эта установка характерна для большинства представителей каждой группы. Реальной причиной подобного отношения является более или менее ясное понимание существенного несовпадения диспозиций акторов, что, несомненно, имеет место на практике.

Идея солидарности с огромными сложностями не только интериоризируется, но и просто воспринимается населением, руководствующимся по преимуществу индивидуалистическими ценностями.

Диспозиция муниципальной власти в настоящее время может быть определена как административно-дистрибьютерская. Она распределяет ограниченные ресурсы, используя главным образом административные механизмы и имея при этом возможность обеспечить более или менее (как правило, это зависит от объёма ресурсов, но не от нравственных табу) комфортные условия. Диспозиция бизнеса, в свою очередь, – эгоистически-потребительская. Бизнес ориентирован на получение прибыли, чаще всего достигаемой любой ценой, на накопление и «проживание» ресурсов. Диспозиция основной массы населения («народа») – пассивно-паразитическая. Большая часть населения муниципальных образований не участвует в решении общих дел, лишена ресурсов и несамостоятельна в решении значительной части своих проблем.

Во всех случаях установки сознания основных акторов муниципального пространства ориентированы почти исключительно на себя, характеризуются настороженностью и низким уровнем доверия друг к другу.

Утверждение идеи солидарности и на её основе консолидация общества возможны лишь при условии радикально диспозиционной трансформации. Диспозиция власти для этого должна стать созидательно-партнёрской (приоритетным в таком случае становится не распределение ресурсов, но создание условий для их воспроизводства при взаимодействии с другими акторами); диспозиция бизнеса – социально ответственной; диспозиция населения – активно-трудовой. Мы полагаем, что только при условии этих изменений возможна трансформация массовых представлений в направлении от несправедливости – к справедливости и от отчуждения – к лояльности.

Довольно очевидно, что рассматриваемая в таком ключе проблема консолидации муниципального образования становится фундаментальной проблемой перекодировки общественного сознания на основе изменения мотивации социального действия основных статусных групп. Решить её невозможно, реализуя краткосрочные планы мероприятий. Для этого необходимы разработка и осуществление долгосрочной и технологически обоснованной стратегии развития муниципалитета, разрабатываемой и реализуемой как социальный проект. Это значит, что его инициаторы должны быть настроены на получение уникального результата, иметь ясный план его достижения (разработка таких планов была предпринята в Белгородской области), способны оценить риски и минимизировать их, готовы к управлению изменениями. Сегодня можно лишь в самом общем виде сформулировать необходимые для реализации проекта содержательные решения и действия. Главное из них заключается в целенаправленном и последовательном формировании в муниципальном образовании духовной атмосферы, основанной на признании, на первый взгляд, очевидного требо-

Диспозиция муниципальной власти в настоящее время может быть определена как административно-дистрибьютерская. Утверждение идеи солидарности и на её основе консолидация общества возможны лишь при созидательно-партнёрской диспозиции власти.

вания обязательности соблюдения легитимированных социальных норм всеми акторами, вне зависимости от статуса, заслуг, культурных традиций или обстоятельств. Несмотря на очевидность, эта задача является исключительно трудной в силу распространённости правового нигилизма и ситуативной морали.

Изменению диспозиции власти будут способствовать: постоянная оценка населением руководителей и чиновников и принятие на её основе решений в отношении их профессиональной карьеры; воспитание будущего чиновника с акцентом на развитие у него рефлексивного мышления.

Для модификации диспозиции бизнеса важно перераспределение доходов в общественных интересах через налоговую систему; обеспечение прозрачности бизнеса; создание условий, стимулирующих реализацию социальных проектов.

Для изменения диспозиции населения необходимы: стимулирование участия в производственных и общественных проектах; постепенный, но последовательный вывод людей из сферы влияния массовой, преимущественно телевизионной и интернет-культуры, которая в большинстве случаев системно развращает людей, сужая их горизонт мировосприятия до уровня таких явлений, как деньги, удовольствия, насилие; формирование культурного кода солидарности у детей в системе образования.

Заключение

Таким образом, анализ проблемы консолидации местных сообществ в России даёт основание утверждать, что, несмотря на наличие у этой идеи сторонников и существования объективных предпосылок к консолидации, она вряд ли практически осуществима в обозримом будущем. При этом основные причины минимизации возможностей консолидации связаны не столько с социальной дифференциацией муниципальных образований, сколько с дискредитацией в сознании значительной части населения парадигмальных оснований концепции солидарности – справедливости и лояльности. Восстановление их значимости представляет собой сложную в мировоззренческом и технологическом отношении задачу. Опыт реализации стратегии формирования регионального солидарного общества в Белгородской области показывает: ни региональная, ни муниципальная власть в полной мере к этому не готовы и в силу отмеченной выше склонности к имитациям предпочитают скорее продемонстрировать консолидационные усилия, нежели реально работать над решением проблемы. Идея консолидации чаще всего трактуется властью как идея поддержки властных институтов. Однако отказ от её решения, обусловленный вполне понятными ссылками на отсутствие

Изменению диспозиции власти будут способствовать: постоянная оценка населением руководителей и чиновников и принятие на её основе решений в отношении их профессиональной карьеры; воспитание будущего чиновника с акцентом на развитие у него рефлексивного мышления.

Идея консолидации чаще всего трактуется властью как идея поддержки властных институтов.

опыта, дефицит ресурсов и неблагоприятную внешнюю среду, сокращает шансы на формирование комфортной для человека муниципальной социальной среды и обеспечение конкурентоспособности местных сообществ.

Библиографический список

Бергсон А. 1994. Два источника морали и религии. М.: Канон. 384 с.

Горшков М. К. 2011. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф. 672 с.

Давтян Д. В. 2015. Реализация гражданского контроля в практике местного самоуправления. Диссертация ... канд. соц. наук. 22.00.08. Белгород: НИУ БелГУ.

Добрынина Е. 2016. Рабочая полночь // Российская газета. 11 января.

Златоструй. Древняя Русь X–XIII веков / Сост., авторский текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. М.: Молодая гвардия, 1990. 304 с.

Кармадонов О. А. 2015. Солидарность, интеграция, конъюнкция // Социологические исследования. № 2. С. 3–12.

Клачков П. В., Подъяпольский С. А. 2014. Гуманитарные технологии и целостность государства. М.: ЛЕНАНД. 528 с.

Крупник П. Л. 2010. Россия и современность: проблемы совмещения. Опыт рационального осмысления. М.: Наука. 568 с.

Морозова Т. И. 2013. Регулирование процессов самоорганизации молодёжи в социокультурном пространстве региона. Диссертация ... докт. соц. наук. 22.00.08. Белгород: НИУ БелГУ.

Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс. 270 с.

Передельский Д. 2016. Сам такой! // Российская газета. 24 марта.

Роговая А. В. 2014. Проблемы правового нигилизма: конфликтологический анализ // Мониторинг правоприменения. № 1 (10). С. 31–33.

Российская провинция и её обитатели (опыт наблюдения и попытка описания). 2011 / Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М., Крашенинникова Ю. А., Тукаева А. Р., Моргунова О. М., Ахунов Д. Э., Бойков Д. В. // Мир России: Социология, этнология. № 1. С. 3–33.

Соловьев В. С. 1988. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль. 895 с.

Тоффлер Э. 2009. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М.: АСТ. 669 с.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.396](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.396)

The Problems of Consolidation in Local Communities

Babintsev Valentin Pavlovich

Doctor of philosophical sciences, Professor, Head of the chair of social sciences, Belgorod National Research University, Belgorod. Russia. E-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Abstract. This article analyzes the possibilities for consolidating local communities, the term referring to those who live in different municipal formations, ranging from a rural settlement to a city district. Evidence is brought forth to support the notion that the need for consolidation is defined by the purpose of local community reproduction, together with increasing its competitive capacity. Consolidation is seen as the process and result of inhabitants reaching an agreement with one another, establishing relations based on mutual trust and cooperation in conditions where social differentiation indeed exists. The practice of implementing a “Strategy for creating a regional solidary society” in Belgorodskaya province during the course of the last five years is used as a basis to prove that the consolidation of a society begins specifically on a local level with the establishment of trustful relations within a neighborhood/family territorial commune. What kick-starts the consolidation process on a local level appears to be the phenomenon of solidarity as a mass-consciousness guideline. This includes three interconnected principles: first of all – the intention to act according to what is fair; second – loyalty, which in itself is, according to T. Parsons, the willingness to react to a properly “justified” call made on behalf of the group, or in the name of social interests or necessity; third – the voluntary willingness and ability to take responsibility for your actions in accordance to legal and moral standards. Analyzing the results of the monitoring study “Evaluating the effectiveness of implementing the “Strategy for creating a regional solidary society”, which was conducted in the region from September to October 2015 by the social technology department of the Belgorod State National Research University (n = 1000 respondents, multi-stage and quota sampling), has shown that diminishing possibilities for consolidation on a local level have to do not only with social differentiation in municipal formations, but also with a significant proportion of values such as fairness and loyalty being discredited in the minds of the populace, together with a low level of institutional and interpersonal trust.

Keywords: local community, municipal formation, municipal authority, solidarity, fairness, social conjunction, social disjunction, consolidation, loyalty.

References

Bergson H. Dva istochnika morali i religii [Two Sources of Morality and Religion]. Moscow, Kanon+, 1994. 384 p.

Davtian D. V. Realizacija grazhdanskogo kontrolia v praktike mestnogo samoupravlenija [The Implementation of Civil control in the Practice of Local Self-government]. Diss. cand. soc. sci. 22.00.08. Belgorod, NRU BelSU, 2015.

Dobrynina E. Rabochaja polnoch' [Working Midnight]. Rossiyskaja gazeta, 2016, 11th January.

Gorshkov M. K. Rossiyskoe obschestvo kak ono est' (opyt sociologicheskoy diagnostiki) [Russian Society as it is: (Experience of Sociological Diagnosis)]. Moscow, Novy khronograf, 2011. 672 p.

Karmadonov O. A. Solidarnost', integracija, konjunkcija [Solidarity, Integration, Conjunction]. Sociologicheskie issledovanija, 2015, no 2, pp. 3–12.

Klachkov P. V., Podjapol'skij S. A. Gumanitarnye tehnologii i celostnost' gosudarstva [Humanitarian Technologies and Integrity of the State]. Moscow, LENAND, 2014. 528 p.

Kordonsky S. G. and oth. Rossiyskaja provincija i ejo obitateli (opyt nabliudenija i popytka opisanija) [Russian province and its inhabitants (experience of watching and trying to describe)]. Mir Rossii: Sociologija, etnologija, 2011, no 1, pp. 3–33.

Krupnik P. L. Rossija i sovremennost': problemy sovmeschenija. Opyt racional'nogo osmyslenija [Russia and Modernity: Problems of Combination. The Experience of Rational Thinking]. Moscow, Nauka, 2010. 568 p.

Morozova T. I. Regulirovanie processov samoorganizacii molodiozhi v sociokul'turnom prostranstve regiona [Regulation of the Youth Self-organization Processes in the Socio-cultural Space of the Region]. Diss. .doct. soc. sci. 22.00.08. Belgorod, NRU BelSU, 2013.

Parsons T. Sistema sovremennykh obschestv [The System of Modern Societies]. Moscow, Aspekt Press, 1998. 270 p.

Peredel'sky D. Sam takoy! [You Are the Same!]. Rossiyskaja gazeta, 2016, 24 March.

Rogovaja A. V. Problemy pravovogo nigelizma: konfliktologichesky analiz [Problems of Legal Nihilism: Conflictological Analysis]. Monitoring pravoprimenenija, 2014, no 1 (10), pp. 31–33.

Soloviov V. S. Sochinenija [Oeuvres]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Mysl', 1988. 895 p.

Toffler E. Metamorfozy vlasti: Znanie, bogatstvo i sila na poroge XXI veka [Metamorphoses of Power: Knowledge, Wealth and Force at the Threshold of XXI Century]. Moscow, AST, 2009. 669 p.

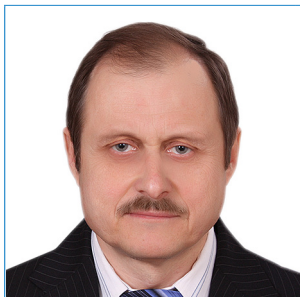
Zlatostruy. Drevnija Rus' X–XIII vekov [Zlatostruy. The Ancient Rus in X-XIII centuries]. Moscow, Molodaja gvardija, 1990. 304 p.

С о ц и а л ь н ы е с л о и и г р у п п ы : п о т е н ц и а л и н н о в а ц и о н н о й а к т и в н о с т и

Предпосылки и проблемы участия в инновационной деятельности

Козырева Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии Российской академии наук, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва
E-mail: pkozyreva@isras.ru

Смирнов Александр Ильич – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: smir_al@bk.ru

Предпосылки и проблемы участия в инновационной деятельности

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.398](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.398)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, раскрывающие предпосылки, особенности и трудности участия в инновационной деятельности наиболее подготовленной в профессиональном плане части экономически активного населения России. Анализ опирается на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». Установлено, что стремление к активной инновационной деятельности демонстрирует сравнительно небольшая часть квалифицированных специалистов, тогда как большинство соглашается с ролью пассивных исполнителей. Выявлена зависимость готовности квалифицированных работников к участию в инновационной деятельности от различных факторов, в том числе от характера профессиональной деятельности и от того, как используются знания и опыт работников, насколько уровень полученного ими образования соответствует требованиям, которые предъявляет нынешняя работа. Показана взаимосвязь предпринимательской и инновационной активности, раскрываются различия по уровню развитости профессионально значимых качеств в зависимости от наличия интереса к участию в инновационной деятельности. Обращается внимание на то, что значительное большинство работников с высшим и средним профессиональным образованием имеют опыт освоения новой специальности, в разное время осваивали новые методы работы и новое оборудование. Многие разрабатывали и продвигали на основной или дополнительной работе предложения, связанные с улучшением выпускаемой продукции или технологических процессов. Но при этом очень часто инновационная активность была обусловлена характером профессиональной деятельности и необходимостью выполнения непосредственных обязанностей. Вместе с тем сегодня очень важно добиться сбалансированного развития всего кадрового потенциала, обеспечить активное и инициативное участие в инновационной деятельности широкого круга работников, наиболее полное использование творческого потенциала занятого населения.

Ключевые слова: инновация, инновационная деятельность, квалификация, модернизация, профессионализм, социальная адаптация, человеческий капитал

Стремительное нарастание трудностей в процессе обострения экономического кризиса не оставило даже тени сомнений в необходимости более последовательного и решительного осуществления планов модернизации, которые предполагают неминуемость качественных перемен во всех сферах общественной жизни на основе инновационного развития. Важность реализации этого курса обусловлена прежде всего ролью инноваций как ключевого фактора, определяющего динамику современных процессов модернизации и перехода к принципиально новому типу социально-экономического развития в России.

Потребность в инновациях, имевших место в любую эпоху, сегодня высока как никогда ранее. По справедливому замечанию Ю. А. Красина, в настоящее время речь идёт о становлении качественного нового «инновационного типа развития (ИТР), базирующегося на творческой энергетике общества, высоких технологиях и отличающегося динамизмом и способностью адаптироваться к быстрым переменам. В результате изменяется характер социально-экономического и социокультурного развития общества» [Модернизация и политика... 2011: 18]. Необходимость постоянного ускорения и повышения результативности преобразований обуславливает возрастающую потребность общества в расширении участников инновационной деятельности и увеличении потока нововведений, но прежде всего в тех её областях, которые обеспечивают наиболее высокие темпы модернизационных процессов.

Возросшее внимание к инновационной проблематике объясняется также нарастанием и обострением трудностей, с которыми сталкивается российская экономика. Речь идёт прежде всего о существенном сокращении трудоспособного населения, невысоком качестве рабочей силы, отсутствии развитого высокотехнологичного и высокопроизводительного производства в стране, препятствующего созданию высокооплачиваемых рабочих мест. В такой ситуации инновации выступают в качестве главного инструмента, способного обеспечить долгосрочный рост экономики и повышение благосостояния населения. Понимание неизбежности перехода к инновационному развитию выражается в разработке «дорожных карт» «Национальной технологической инициативы» – программы мер по поддержке развития в России перспективных отраслей, которые в течение следующих двух десятилетий могут стать основой мировой экономики, обновлению «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» и осуществлению других важных планов и программ, расширяющих и конкретизирующих инновационную повестку.

В настоящее время наиболее распространённым является понимание инновации как процесса практического использования новых идей и изобретений, создания, распространения и использования новшеств, необходимых для

удовлетворения тех или иных потребностей или развития и повышения эффективности в определённой сфере деятельности [Модернизация и политика... 2011: 61–62]. Согласно «Рекомендациям по сбору и анализу данных по инновациям (Руководство Осло)», под инновацией понимается «введение в употребление какого-либо нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях», а под инновационной деятельностью – «все научные, технологические, организационные, финансовые и коммерческие действия, реально приводящие к осуществлению инноваций или задуманные с этой целью» [OECD 2005: 46–47]. В качестве инноваторов выступают создатели, распространители и реализаторы инновационного продукта [Гуцаленко 2013: 120], которые могут быть представлены определёнными предприятиями, организациями, коллективами, индивидами. Но при этом первоначальным и главным источником всех инноваций был и остаётся человек.

Инновационная деятельность осуществляется не только в научной и производственной областях. В бизнесе, например, сегодня всё чаще и чаще речь идёт об инновациях в сферах продвижения продукции и услуг, управления персоналом, построения организации и ключевых процессов, формирования современных бизнес-моделей и т. д. Полагается, что к инновациям можно отнести всё, что приносит конкурентное преимущество при выполнении условия новизны, т. е. наличие нового решения, основанного на новом знании и создающего новую ценность для потребителя. Широкое распространение получает такая категория инноваций, инициаторами которых выступают не производители, а пользователи [Зайцева, Шувалова 2011: 16–32]. Инновационная деятельность оказывает всё более существенное влияние на развитие всех без исключения отраслей экономики, приводя к значительным сдвигам в структуре спроса и предложения. Процессы инновационной модернизации, базирующиеся на новых знаниях, творческой энергии, активности населения, отличаются динамизмом и способностью успешно приспосабливаться к быстрым переменам.

Вместе с тем уровень понимания важности инновационной повестки остаётся всё ещё недостаточным для того, чтобы деятельность по созданию современной инновационной среды приобрела необходимые масштабы и динамику. Как известно, в России традиционно хорошо развит человеческий капитал, о чём свидетельствуют высокие показатели количества работников с высшим и средним профессиональным образованием. Но в то же время, как отмечают многие специалисты, отсутствует необходимый для инновационного развития «культурный слой», под которым подразумевается осознание обществом

важности инновационной повестки, актуальность инновационной тематики, высокий социальный статус учёных и других инноваторов. Международные социологические исследования, в частности, показывают, что профессию учёного в России считают престижной только около 17% граждан, тогда как в США и ЕС – около половины [Карамышев 2015: 18].

Исходя из того, что модернизация на основе инновационной деятельности является ключевой стратегической задачей современного российского общества [Модернизация России... 2011: 231], на первый план сегодня выходит более интенсивное освоение наукоёмких технологий, повышение деловой активности, позволяющее вывести страну на принципиально новый уровень развития и траекторию уверенного роста. В связи с этим особенно значимы для выработки и реализации инновационной политики вопросы уровня и качества образования, их соответствия потребностям инновационных предприятий (организаций); наличия достаточного количества квалифицированных работников для осуществления инновационной деятельности; существования возможностей для повышения квалификации; адаптации рабочей силы с точки зрения структуры рынка труда [Осипов, Климовицкий 2014: 127].

Наряду с наличием запасов человеческого капитала как совокупности «образовательных, профессиональных и квалификационных характеристик действующих работников», во многом определяющих «качество рабочей силы» [Российский работник... 2011: 7], огромное значение сегодня приобретают готовность и способность быстро адаптироваться к происходящим изменениям, умение развивать личностные качества и навыки, необходимые для инновационной деятельности. В связи с этим важно подчеркнуть, что социальная адаптация (двусторонний процесс практического взаимодействия социального субъекта с социальной средой, в ходе которого изменяется как сам субъект, так и среда) направлена не только на обеспечение выживания человека в изменившихся условиях и освоение им новых возможностей жизнеобеспечения, но и выступает в качестве одного из наиболее эффективных механизмов подготовки человека к включению в инновационную деятельность.

Мы исходим из того, что адаптационный потенциал определяется совокупностью разноплановых объективных и субъективных факторов. С одной стороны, очень многое зависит от того, как конкретный индивид относится к различным событиям и происходящим в обществе переменам, какие цели ставит перед собой и как оценивает свои жизненные шансы, от его желания или нежелания активно участвовать в осуществляемых преобразованиях. Но, с другой стороны, существуют такие объективные моменты, с которыми нельзя не считаться: реальные способности и возможности индивида, связанные с его возрастом, здоровьем, семейной нагрузкой,

образовательным уровнем, профессиональной подготовкой и т. п. Совокупность, т. е. определённое сочетание этих взаимодействующих между собой факторов, формирует предпосылки и барьеры модернизационных процессов, в основе которых лежит инновационная деятельность.

В настоящей статье мы попытались, опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», рассмотреть ряд важных вопросов, раскрывающих предпосылки (готовность/неготовность), проблемы и перспективы участия в инновационной деятельности наиболее подготовленной в профессиональном плане части экономически активного населения России¹. Объектом исследования явились квалифицированные работники, имеющие высшее и среднее профессиональное образование. В 2013 г. работники с высшим образованием и средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена составляли около 57% занятых в экономике [Образование в Российской... 2014: 79].

Самооценка личностных качеств с позиции участия в инновационной деятельности

Для современной России, с огромным трудом пытающейся выйти на путь устойчивого развития, исключительно актуальной является проблема увеличения хорошо подготовленного в профессиональном плане и инновационно ориентированного контингента квалифицированных работников, обладающих определённым набором качеств, которые позволяют им наращивать знания, развивать навыки и умения, необходимые для инновационной деятельности, и эффективно применять их на практике. Поэтому не случайно в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» важнейшей задачей называется создание условий для формирования у граждан таких компетенций инновационной деятельности, как способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому; способность к критическому мышлению; способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно, готовность к работе в команде и в высококонкурентной среде; владение иностран-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/org/hse/rlms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>)

ными языками, предполагающее способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению [Стратегия инновационного развития...].

Успешность инновационной деятельности обеспечивается наличием у работников развитого интереса к новаторству и поиску оптимальных решений, нацеленности на повышение уровня актуальных знаний о разного рода нововведениях; стремления постоянно осваивать и генерировать новшества, способности к творчеству; потребности в распространении опыта применения новых идей и разработок; мотивации продвижения к вершинам профессионализма, сбалансированного сочетания активности, инициативности и ответственности. Очевидно, что подобными компетенциями и качествами, превращающими человека в инициативного и хорошо подготовленного участника инновационных процессов, в достаточной степени обладает только часть нынешних российских работников, что в полной мере относится и к наиболее квалифицированной части экономически активного населения.

Исследование показало, что на уровне самых общих представлений подавляющее большинство квалифицированных работников достаточно высоко оценивают свою готовность к участию в инновационной деятельности. В частности, 74,1% опрошенных выразили мнение, что, по сравнению с другими людьми, у них не хуже получается осваивать различные новшества. И только 8,2% высказали противоположное мнение, полагая, что овладение новыми идеями, технологиями, разработками и другими новациями даётся им труднее, чем другим людям. Примечательно, что подобные оценки готовности к освоению новшеств характерны для работников высокого уровня квалификации, представляющих различные профессиональные группы. Но в то же время среди мужчин они встречаются чаще, чем среди женщин. Немаловажным фактором, определяющим готовность респондентов к освоению и продвижению разного рода инноваций, является уровень образования (см. рис. 1). Так, если в группе респондентов с высшим образованием доля лиц, считающих, что они могут осваивать что-то новое не хуже других людей, достигает 77,4%, то в когорте лиц со средним профессиональным образованием – 70,7%.

Но уметь осваивать новшества «не хуже других» и быть активным, инициативным инноватором – далеко не одно и то же. Как показывает практика, качеств, необходимых для успешного освоения чего-то нового, т. е. качеств, которые можно отнести к обязательным или неотложным предпосылкам участия в инновационной деятельности, зачастую оказывается недостаточно для активного участия в создании, распространении и реализации «инновационного продукта», отличающегося более инициативным и творческим поведением. Инициативно-творческий потенциал, позволяющий

Необходимыми компетенциями и качествами, превращающими человека в инициативного и хорошо подготовленного участника инновационных процессов, в достаточной степени обладает только часть нынешних российских работников.

в полной мере задействовать инновационные стороны труда, включает доминирующую роль познавательной мотивации; творческую активность, которая выражается в стремлении выдвигать новые идеи, постановке и решении сложных проблем, поиске оптимальных решений; возможность прогнозирования, предвосхищения и достижения оригинальных решений. Активная инновационная деятельность невозможна без обеспечения высокого уровня творческой продуктивности, без овладения эффективными механизмами креативного мышления, что особенно актуально для развития и реализации творческих способностей.

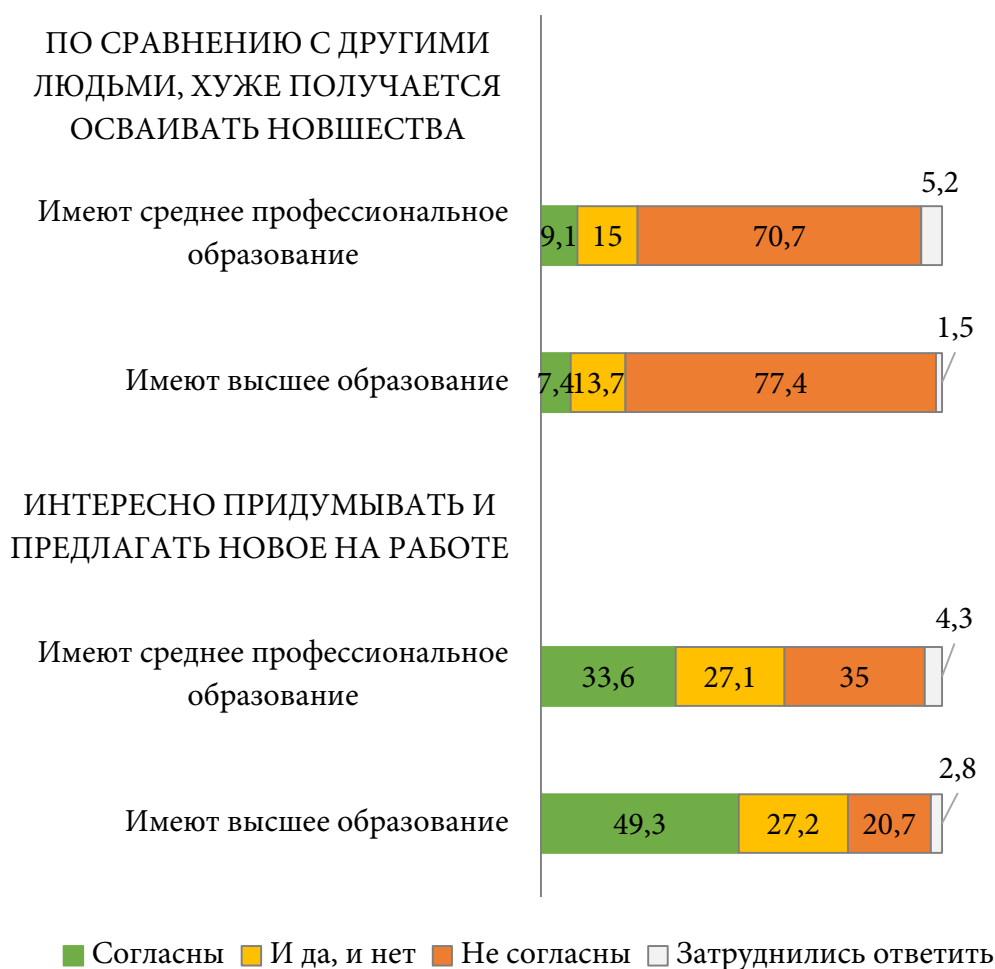

Рис. 1. Самооценка готовности к участию в инновационной деятельности, %

Но уметь осваивать новшества «не хуже других» и быть активным, инициативным инноватором – далеко не одно и то же. Как показывает практика, качеств, необходимых для успешного освоения чего-то нового, т. е. качеств, которые можно отнести к обязательным или неотложным предпосылкам участия в инновационной деятельности, зачастую оказывается недостаточно для активного участия в создании, распространении и реализации «инновационного продукта», отличающегося более инициативным и творческим поведением. Инициативно-

творческий потенциал, позволяющий в полной мере задействовать инновационные стороны труда, включает доминирующую роль познавательной мотивации; творческую активность, которая выражается в стремлении выдвигать новые идеи, постановке и решении сложных проблем, поиске оптимальных решений; возможность прогнозирования, предвосхищения и достижения оригинальных решений. Активная инновационная деятельность невозможна без обеспечения высокого уровня творческой продуктивности, без овладения эффективными механизмами креативного мышления, что особенно актуально для развития и реализации творческих способностей.

Поэтому когда речь идёт о готовности респондентов к более активному и творческому использованию инновационного потенциала, количество позитивных оценок заметно сокращается. Так, среди опрошенных работников предприятий и организаций с высшим и средним профессиональным образованием оказалось только 41,8% респондентов, которые указали, что им интересно проявлять инициативу, заниматься творчеством, придумывать и предлагать что-то новое у себя на работе. Приятно удивляет в этом случае то, что доля таких работников почти в полтора раза превышает долю тех, кто довольствуется менее интересной ролью пассивного исполнителя (27,5%). Наибольшим указанным преобладание оказалось в группах руководителей высокого и среднего ранга (соответственно 66,2 против 7,7%) и специалистов высокого уровня квалификации (51,8 против 19,1%). В целом прослеживается чёткая тенденция: чем выше положение респондентов в социально-профессиональной иерархии, тем больше среди них инновационно заинтересованных работников. Больше всего респондентов, ориентированных подобным образом, среди работников, занятых в таких отраслях экономики, как наука и культура, образование, органы управления, а меньше всего – среди работников здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, лёгкой и пищевой промышленности.

Отмеченные различия во многом объясняются действием фактора образования. Как следует из рисунка 1, у респондентов с высшим образованием готовность к активной инновационной деятельности в полтора раза выше, чем у респондентов со средним профессиональным образованием. Помимо образования и характера профессиональной деятельности, значимым фактором, увеличивающим заинтересованность в проявлении инновационной активности, выступает стремление к самостоятельной предпринимательской деятельности. В группе респондентов, которые когда-либо пытались открыть своё предприятие, начать собственное дело и которым это удалось, доля инноваторов, нацеленных на активные действия, достигала 60,5%, тогда как в когорте тех, кому не удалось реализовать подобные намерения – 50,5%, а в группе тех, кто даже не пытался заниматься

предпринимательством – только 39%. Интерес к инновациям, наличие возможности предлагать и продвигать новшества повышает уровень удовлетворённости работой в полтора раза.

Отношение окружающих к людям, участвующим в инновационной деятельности, не однозначно. Только 21,6% респондентов, полагают, что друзья и знакомые считают их знатоками разного рода новшеств, а 23,6% опрошенных уверены, что окружающие следуют их примеру в применении новых идей и разработок. Причём, переход от среднего профессионального образования к высшему повышает долю позитивных ответов в 1,7 раза (см. рис. 2). Обращает на себя внимание и тот факт, что из числа респондентов, проявляющих интерес к инновациям, только 36,4% выразили уверенность в том, что друзья и знакомые считают их знатоками новшеств, а 40,5% убеждены, что окружающие люди следуют их примеру в применении нововведений.

Рис. 2. Оценка отношения к респондентам, участвующим в инновационной деятельности, со стороны окружающих, %

Интерес к участию в инновационной деятельности во многом зависит от того, как используются профессиональные знания и опыт работников, насколько уровень полученного ими образования соответствует требованиям, которые предъявляет нынешняя работа. В ходе исследования только две трети респондентов указали, что для выполнения нынешней работы им необходимо образование не ниже того, которое даёт вуз или техникум (соответственно 40,6 и 26,3%). При этом 7,3% респондентов отметили, что им достаточно образования, которое даёт ПТУ. 14% опрошенных были убеждены, что им вообще не нужно никакого специального образования, а 10,9% указали, что могут обойтись только профессиональными курсами. Кроме того, 9,1% респондентов со средним профессиональным образованием были заняты в качестве неквалифицированных рабочих, а из числа респондентов с высшим образованием 6,1% были заняты на должностях квалифицированных рабочих (как занятые ручным трудом, так и использующие машины и механизмы) и ещё 2,8% в качестве неквалифицированных рабочих в различных отраслях экономики.

Около трети опрошенных (32,8%) полагали, что уровень приобретённого ими образования выше, чем требует выполняемая в настоящее время работа. 40,7% респондентов были заняты совсем не по той специальности, которую они получили в учреждении профессионального образования, а 24,1% были заняты по другой, но близкой к полученной специальности. Доля респондентов, которые полагали, что на основной работе их профессиональные знания и опыт используются полностью или в значительной мере, составила 81,3%. Специалисты обычно объясняют такую ситуацию быстрыми изменениями на рынке труда и неспособностью системы образования быстро реагировать на изменения кадровых потребностей в производственно-экономической сфере [Наёмный работник... 2015: 143].

В процессе анализа выяснилось, что чаще демонстрируют желание придумывать и предлагать что-то новое на своей работе респонденты, которым для выполнения профессиональных обязанностей необходимо вузовское образование (55,6%). Очень много таких работников (около 45%) и среди тех, кто полагают, что на основной работе их опыт и знания используются в значительной мере или полностью. Это очень хорошо иллюстрируют данные, изложенные на рис. 3. Интерес к инновациям выше и у тех респондентов, которые заняты по специальности, полученной в вузе, или по близкой специальности (соответственно 45,8 и 46,1%), чем у тех, кто занят по совсем другой специальности (36,2%).

Интерес к участию в инновационной деятельности во многом зависит от того, как используются профессиональные знания и опыт работников, насколько уровень полученного ими образования соответствует требованиям, которые предъявляет нынешняя работа.

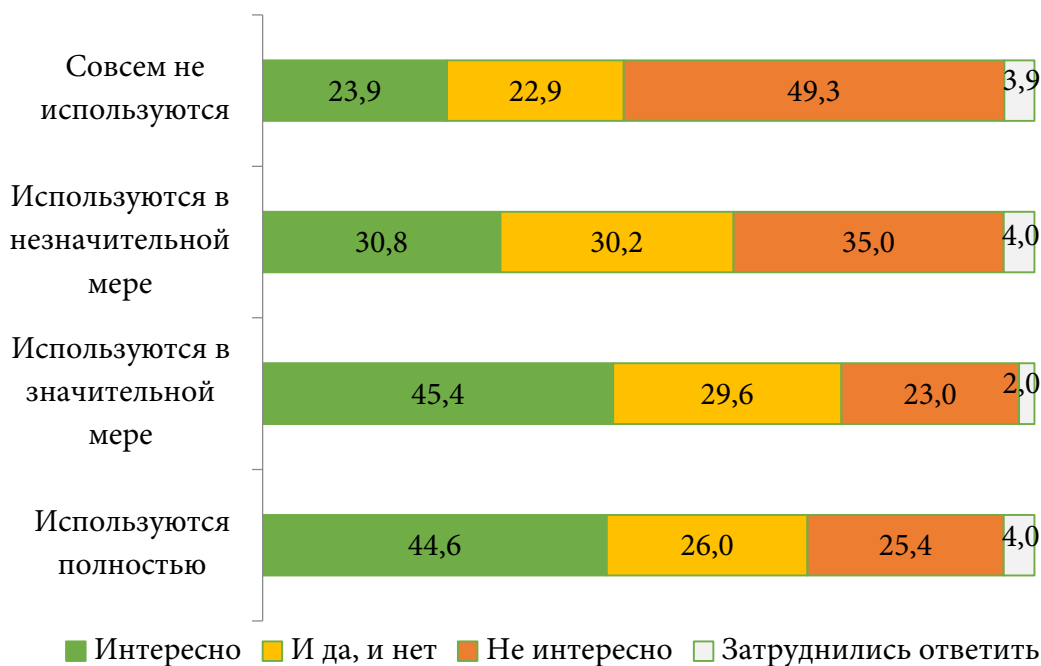

Рис. 3. Зависимость интереса к инновациям от оценок степени использования приобретённых знаний и опыта на основной работе, %

Одним из любопытных и несколько неожиданных результатов исследования стало то (см. рис. 4), что практически интерес к инновациям, участию в инновационной деятельности на своей работе чаще выражают те респонденты, у которых уровень профессионального образования ниже, чем требует их нынешняя трудовая деятельность (53,2%), но не те, у кого образование соответствует предъявляемым требованиям или у кого образование выше требуемого уровня (соответственно 45,4 и 34,7%).

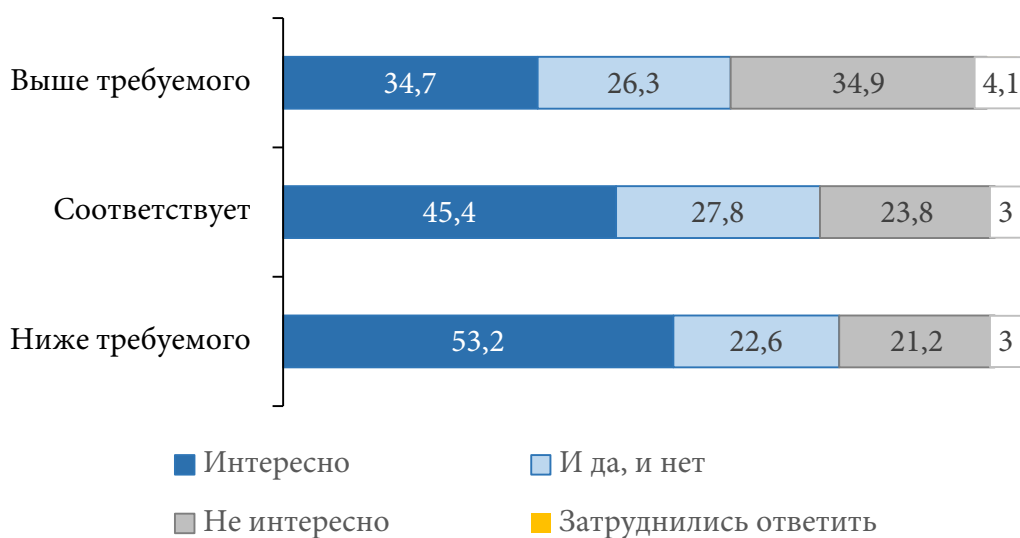

Рис. 4. Зависимость интереса к инновациям от соответствия уровня полученного образования требованиям работы, %

И в то же время респонденты, демонстрирующие желание придумывать, предлагать и продвигать различные новшества, отличаются более высоким уровнем развитости таких

Респонденты, демонстрирующие желание придумывать, предлагать и продвигать различные новшества, отличаются более высоким уровнем развитости таких профессионально значимых качеств, как решимость доводить дело до конца, стремление проявлять настойчивость, способность к риску, умение трудиться самостоятельно, готовность работать в команде, способность к критическому мышлению и др.

профессионально значимых качеств и компетенций, как решимость доводить начатое дело до конца, стремление проявлять настойчивость, способность к риску, умение трудиться самостоятельно, готовность работать в команде, способность к критическому мышлению и др. Таким образом, их творческий потенциал характеризующийся потребностью в новаторстве, нацеленностью на поиск оптимальных и оригинальных решений, профессиональной компетентностью, склонностью к тщательному, непрерывному и всестороннему анализу, дополняется настойчивостью, упорством и решительностью, высокой волевой регуляцией действий и поведения. Сочетание отмеченных компонентов творческого потенциала и волевых качеств обеспечивают высокую продуктивность и эффективность трудовой деятельности, получение работником желаемого результата в различных областях или сторонах своего труда.

Исходя из данных, представленных на рис. 5, у работников, проявляющих практический интерес к инновациям, наиболее развитыми являются умение работать в коллективе, находить взаимопонимание с коллегами, стремление доводить начатое дело до конца, несмотря на возникающие препятствия, готовность проявлять настойчивость при принятии и реализации решений, умение убеждать и увлекать людей. Что касается наименее развитых профессиональных качеств, то к ним относятся способность к разумному риску и умение сохранять спокойствие, уверенность в собственных силах и твердость в сложных ситуациях. Характерно, что по уровню развитости этих качеств различия между работниками, проявляющими практический интерес к участию в инновационной деятельности, и теми, кто не интересуется производством и продвижением нововведений, минимальны. Это же относится к готовности и способности находить взаимопонимание с коллегами, сослуживцами.

Но при этом среди респондентов, увлеченных инновационной деятельностью, в 1,6 раза больше, чем среди респондентов, у которых отсутствует практический интерес к инновациям, лиц, старающихся проявлять настойчивость и решительность при принятии ответственных решений (77,9 против 48,6%), демонстрирующих уверенность в своих силах, в способности справиться с любой сложной задачей (58,7 против 35,8%); в 1,4 раза больше лиц, умеющих убеждать других людей (70,6 против 51,3%). При этом самым большим является разрыв, достигающий 3,6 раза, в развитии умения подбирать и мотивировать работников (48,2 против 13,4%). Такая ситуация во многом объясняется наличием среди работников, демонстрирующих готовность и способность придумывать и предлагать нововведения, высокой доли руководителей разного ранга. Как показывает практика, работники, обладающие неординарными способностями, чаще других продвигаются на руководящие должности.

Рис. 5. Различия по уровню развитости профессионально значимых качеств в зависимости от наличия интереса к участию в инновационной деятельности, %

В ходе дальнейшего анализа было установлено, что только 32,1% респондентов, по их же словам, дают своим коллегам, друзьям разъяснения, касающиеся новых идей, методов, технологий. Среди руководителей высшего и среднего звеньев таких оказалось 62,2%, тогда как среди специалистов высшего уровня квалификации – уже 42,2%, а среди специалистов среднего уровня квалификации – только 28,1%. И в то же время 25,5% респондентов отметили, что их коллеги, сослуживцы, друзья рассказывают им о новых идеях и разработках чаще, чем они своим коллегам, друзьям. Доля таких респондентов варьирует по профессиональным группам в сравнительно узких границах – от 21,2% среди крупных чиновников, руководителей высшего и среднего звеньев до 30,5% среди служащих (офисных и по обслуживанию клиентов).

Наиболее весомыми источниками информации респондентов о последних достижениях в своей профессиональной области являются производственные совещания и семинары (59,5%), новости в средствах массовой информации (52,7%) и профессиональные журналы, книги и другие подобные печатные издания (50,6%). При этом немногим более трети (34,7%) указали, что пополняют свой багаж инновационных знаний, читая наиболее обстоятельные профессиональные статьи об интересующих их новых разработках и изобретениях. Гораздо реже респонденты узнают новое, обращаясь на специализированные сайты в интернете (42%), и ещё реже – посещая профессиональные выставки, конференции, семинары (23,1%) и получая специальную информацию о деятельности конкурентов, потребителей, поставщиков (20,3%). 29,1% респондентов постоянно следят в интернете и прессе за новинками в области информационных технологий. Среди других источников информации респонденты чаще всего называли общение с коллегами, сослуживцами, товарищами и гораздо реже – курсы повышения квалификации, информацию от руководства и личные контакты. Часть респондентов указали, что узнают новое непосредственно в производственном процессе или на рабочем месте.

Как уже было отмечено, важнейшей задачей, поставленной в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», является формирование условий для освоения гражданами иностранных языков на уровне, предполагающем способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению. На момент обследования доля лиц, владеющих иностранными языками, среди респондентов с высшим и средним профессиональным образованием составляла около 30%. Но из них всего лишь 7,8% владели тем или иным иностранным языком свободно, тогда как 17,2% могли изъясняться и достаточно свободно читали, а 75% могли изъясняться, читали и переводили со словарём. В то же время среди всех взрослых россиян доля лиц, владеющих каким-либо иностранным языком, составляла только 19,8%. Но при этом привлекает внимание тот интересный факт, что распределение респондентов по степени владения языком было практически таким же, как в группе граждан с высшим и средним профессиональным образованием.

Ответы респондентов на ряд утверждений («Мне интересно придумывать и предлагать что-то новое у себя на работе», «Я часто даю своим коллегам, друзьям разъяснения, касающиеся новых идей, методов, технологий», «По сравнению с другими людьми, у меня хуже получается осваивать новшества») послужили основанием для проведения процедуры кластеризации по признаку развитости ориентаций на участие в инновационной деятельности. В результате весь

На момент обследования доля лиц, владеющих иностранными языками, среди респондентов с высшим и средним профессиональным образованием составляла около 30%.

массив опрошенных распределился по трём группам. В первую группу мы включили респондентов, которые демонстрируют стремление к активной инновационной деятельности, т. е. пытаются работать творчески, предлагают новые, необычные решения и разработки, участвуют в распространении опыта освоения новых идей, знаний и технологий. Доля таких респондентов-«инициативных инноваторов», составила 18,5%. Во вторую группу, вмещающую 55,6% опрошенных, вошли работники, проявляющие готовность овладевать новшествами и положительно оценивающие свои возможности по освоению новых методов и технологий. Назовём их условно «инноваторами-исполнителями». И, наконец, третью группу (около 25,9%) составили респонденты, у которых отсутствуют какие-либо чётко выраженные ориентации на участие в инновационной деятельности.

Группа «инициативных инноваторов», демонстрирующих готовность к активной инновационной деятельности, тоже оказалась неоднородной. Это объясняется тем, что уровень подобной готовности, представляющий собой такое личностное состояние, которое предполагает наличие у работника мотивационно-ценностного и инициативно-творческого отношения к профессиональной деятельности, бывает разным. В связи с этим мы распределили этих респондентов по трём категориям, объединяющим работников с высоким, средним и низким уровнями инновационной активности, которые составили соответственно 21; 23,8 и 55,2% или 3,9; 4,4 и 10,2% от числа всех опрошенных. Представители данных групп отличаются не только по степени готовности к активной и инициативной инновационной деятельности, но и обладают различным уровнем инновационной компетентности, представляющей собой систему определённых знаний, навыков и умений, которые образуют инновационный потенциал и обеспечивают его использование.

Активизация процессов инновационной модернизации значительно повышает важность формирования у работников тех ключевых элементов мотивации, которые несут в себе наибольшие возможности. Одной из таких составляющих общей мотивации является мотивация достижения успеха. Работники, которые ориентируются на успех, предпочитают постоянно совершенствовать свои профессиональные знания, навыки и умения, и на этой основе решать сложные задачи трудовой деятельности. Активно-положительное отношение к труду помогает им в короткие сроки осваивать новые знания и приобретать новые навыки профессиональной деятельности, поддерживая высокий уровень профессиональной компетентности. Те же, кто ориентируются преимущественно на уклонение от ответственности, не стремятся к переменам и разнообразию в трудовой деятельности, чаще всего склонны выбирать

Работники, которые ориентируются на успех, предпочитают постоянно совершенствовать свои профессиональные знания, навыки и умения, и на этой основе решать сложные задачи трудовой деятельности.

и решать задачи иного, упрощённого характера, которые не требуют активизации творческого потенциала, использования инициативных подходов, методов и поэтому тормозят инновационные процессы. В связи с этим можно отметить, что среди респондентов, которые отдают предпочтение разнообразию в работе, а не выполнению одних и тех же, знакомых действий, более чем вдвое больше лиц, стремящихся придумывать, изобретать и предлагать всякие новшества у себя на работе (63,1 против 29,9%).

Таким образом, активное и инициативное участие в инновационной деятельности обеспечивает наиболее полное задействование творческого потенциала работников. Вместе с тем сегодня даже квалифицированные работники, ориентированные на профессиональный успех и карьерный рост, зачастую проявляют лишь часть своих творческих способностей, не готовы уделять время не то что внедрению инновационных элементов в трудовую деятельность, но и элементарному самообразованию. Одно из объяснений такого настроения заключается в том, что эти работники не видят связи между результатами трудовой деятельности, которые обеспечивают профессиональный успех и карьерный рост, и благополучием.

Показатели и проблемы участия в инновационной деятельности

Одной из важнейших особенностей современного социально-экономического развития является значительный рост профессиональной мобильности, требующий от работников постоянного повышения уровня профессиональной квалификации, готовности к быстрой и уверенной смене области трудовой деятельности (профессии, специальности), формирования устойчивой положительной мотивации к образовательной деятельности на всём протяжении активной трудовой жизни человека для обеспечения конкурентоспособности на рынке труда и уверенного карьерного роста.

Анализ результатов исследования показал, что свыше 70% работников российских предприятий и организаций с высшим и средним профессиональным образованием имеют опыт освоения новой специальности. Как следует из [таблицы 1](#), больше всего таких респондентов оказалось среди операторов, аппаратчиков и других квалифицированных рабочих, обслуживающих машины и механизмы, тогда как меньше всего среди специалистов высшего уровня квалификации. Из тех, кому приходилось осваивать новую специальность, 30,1% делали это в последний раз сравнительно недавно – менее 3-х лет назад; 21,8% – от 3-х до 5-ти лет и 48,1% – более 5-ти лет назад. В ближайшие годы чаще других приходилось осваи-

Работники не видят связи между результатами трудовой деятельности, которые обеспечивают профессиональный успех и карьерный рост, и благополучием.

Свыше 70% работников российских предприятий и организаций с высшим и средним профессиональным образованием имеют опыт освоения новой специальности.

вать новую специальность служащим офисным и по обслуживанию клиентов, в то время как более 5-ти лет назад – представителям полярных профессиональных групп, т. е. чиновникам высокого ранга, руководителям высшего и среднего звеньев, с одной стороны, и неквалифицированным рабочим – с другой.

Большинство респондентов, достигающее 71%, изучали новую специальность самостоятельно или с помощью коллег, сослуживцев. И только 16,8% приобрели её в учебном заведении – в вузе или техникуме, а 12,2% – обучаясь на различных профессиональных курсах. Хорошо заметно, что чаще других осваивали новую профессию или специальность в вузе, техникуме или на профессиональных курсах специалисты высшего и среднего уровней квалификации, тогда как самостоятельно или под руководством своих опытных коллег, сослуживцев – служащие офисные и по обслуживанию клиентов, а также высокопоставленные чиновники, руководители высшего и среднего звеньев.

Таблица 1

Некоторые направления приобретения знаний, навыков и умений, необходимых для инновационной деятельности, %

Приходилось когда-нибудь осваивать	В целом	По профессиональным группам							
		Руководители высшего и среднего звеньев	Специалисты высшего уровня квалификации	Специалисты среднего уровня квалификации	Служащие конторские и по обслуживанию клиентов	Работники сферы обслуживания	Операторы, аппаратчики и пр.	Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	Неквалифицированные рабочие
Новую специальность	70,6	79,3	58,7	69,4	78,0	75,2	86,0	77,4	73,6
Новые методы работы	70,2	79,1	74,0	67,7	72,6	62,0	69,8	67,3	60,9
Новое оборудование	54,7	61,5	51,8	51,5	54,3	45,0	72,6	72,4	49,4
Что-то другое	2,9	4,7	3,5	3,3	1,2	1,9	2,8	0,9	2,3

70,2% опрошенных в разное время осваивали новые методы работы, а 54,7% – новое оборудование. Причём в обоих случаях около 43% делали это в последний раз менее 3-х лет назад. Подавляющее большинство изучали новые методы работы или новое оборудование с помощью коллег или самостоятельно (соответственно 79 и 86%). Новые методы работы чаще приходится осваивать специалистам высшего и среднего уровня квалификации, тогда как новое оборудование, приборы и механизмы – операторам, аппаратчикам и другим категориям квалифицированных рабочих, обслуживающих

машины и механизмы. Новое оборудование, механизмы, приборы обычно осваиваются самостоятельно или под руководством хорошо подготовленных в профессиональном отношении коллег. И лишь небольшая часть руководителей, специалистов высшего и среднего уровней квалификации изучали их на специальных курсах (соответственно 13; 15 и 11,8% от тех, кто осваивал новое оборудование).

44,7% опрошенных работников предприятий и организаций сами участвовали в обучении других сотрудников. Большую их часть составили лица с высшим образованием (59,8%). Среди крупных чиновников, руководителей высшего и среднего звеньев таких насчитывалось до 90%. Намного меньше их было среди специалистов высшей и средней квалификации – соответственно 47,8 и 39,6%. В остальных профессиональных группах удельный вес респондентов, которым приходилось проводить обучение сотрудников на своей основной или дополнительной работе, составил около трети.

Результативность применения на практике знаний, навыков и умений инновационной деятельности зависит от многих обстоятельств, в том числе от развитости определённых личностных качеств, условий, сложившихся на производстве, взаимоотношений в трудовом коллективе и др. Поэтому далеко не всем работникам, обладающим высоким уровнем образования, освоившим новую специальность, новые методы работы или новое оборудование, удаётся стать активными инноваторами. Как показал анализ, немногим более трети опрошенных (35,4%) разрабатывали и вносили когда-нибудь на основной или дополнительной работе предложения, связанные с улучшением выпускаемой продукции или технологического процесса, повышением качества услуг или продвижением на рынок товаров или услуг, совершенствованием организации работы. Из них 55,3% занимались подготовкой таких предложений, потому что это входило в их непосредственные обязанности, тогда как остальные участвовали в инновационной деятельности по собственной инициативе.

Работники, занятые на предприятиях, владельцами которых являются иностранные фирмы или иностранные частные лица, проявляли подобную активность чаще (41,6%), чем работники, занятые на российских частных предприятиях (39,2%) или предприятиях, принадлежащих государству (31,4%). Респонденты, которые вносили те или иные предложения, т. е. составляющие наиболее активный профессиональный контингент, лишь немного чаще других опрошенных были удовлетворены своей работой в целом (71,2 против 65,6%) и такими её сторонами, как условия труда (69,3 против 63,7%), оплата труда (38,5 против 31,9%), возможности профессионального роста (53,4 против 43,3%).

Далеко не всем работникам, обладающим высоким уровнем образования, освоившим новую специальность, новые методы работы или новое оборудование, удаётся стать активными инноваторами.

Немного больше респондентов, которые в разное время разрабатывали и продвигали на основной или дополнительной работе предложения, связанные с улучшением выпускаемой продукции или технологического процесса, было среди тех работников, которые полагают, что их знания и опыт используются на основной работе полностью (соответственно 59,4 против 53,3%) или в значительной мере (27,1 против 25,1%). Чаще других разрабатывают и вносят подобные предложения и те респонденты, которые полагают, что для выполнения их профессиональных обязанностей на нынешней работе им не обойтись без высшего образования (46,1%). В то же время среди тех, кто уверен, что им достаточно образования, полученного в техникуме или на профессиональных курсах, доля таких инноваторов составила 29,5%, а среди тех, кто может довольствоваться образованием, полученным в ПТУ, – 26,2%. И ещё меньше их среди респондентов, которые уверены, что им не нужно никакого специального образования, чтобы успешно справляться со своими профессиональными обязанностями (24,2%). Чрезмерно высокий образовательный уровень не способствует повышению инновационной активности. Так, если среди респондентов, у которых, по их же собственному мнению, уровень образования, полученный в учреждении профессионального образования, ниже уровня, требуемого для выполнения нынешней работы, доля таких инноваторов составил 53,3%, то среди тех, у кого достигнутый и требуемый уровни профессионального образования примерно одинаковы – только 37%, а среди тех, у кого уровень образования выше требуемого – всего лишь 31,4%.

О содержании инновационных предложений дают представление данные, изложенные в таблице 2. Они, в частности, показывают, что чаще всего эти предложения касались усовершенствования технологического процесса. На это указали около 60% респондентов, которые в то или иное время участвовали в инновационной деятельности. Второе и третье места по степени распространённости заняли предложения по совершенствованию управления предприятием, организации труда (47,6%) и улучшению существующих товаров и услуг (40,8%). И реже всего респонденты вносили предложения, направленные на создание новых товаров и услуг (28,1%) и продвижение товаров и услуг на рынок (25,5%). В подавляющем большинстве случаев предложения обсуждались с коллегами или сослуживцами. Показатель полной реализации составил от 51% в отношении предложений по совершенствованию управления предприятием, организации труда до 57% в отношении предложений по усовершенствованию технологического процесса и продвижения на рынок товаров и услуг (от 12 до 24,6% от числа всех, кто делал предложения). Обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство предложений, как указывают респонденты, удалось реализовать если не полностью, то частично.

Чаще всего инновационные предложения касались усовершенствования технологического процесса.

Предложения по усовершенствованию технологических процессов чаще других вносили квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом, операторы, наладчики и прочие рабочие, занятые механизированным трудом, а также служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учётом, контролем и обслуживанием, тогда как предложения по созданию и улучшению новых товаров и услуг чаще выдвигали руководители высшего и среднего звеньев, работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли. В то же время инновационные предложения по дальнейшему совершенствованию управления предприятием или организацией, улучшению условий и организации труда работников были в наибольшей степени характерны самой компетентной в профессиональном плане части респондентов – руководителям высшего и среднего звеньев, а также специалистам высшего и среднего уровней квалификации. Обращает на себя внимание также повышенная степень заинтересованности работников сферы обслуживания и торговли наряду с руководителями предприятий и организаций в улучшении методов, механизмов и приёмов продвижения на рынок различных товаров и услуг.

Таблица 2

Характеристика инновационных предложений, % по группам

Содержание предложения	В целом	Из них								
		Обсуждали с коллегами			С тех пор прошло			Удалось реализовать		
		Да	Частично	Нет	Менее 3-х лет	3-5 лет	Более 5-ти лет	Да	Частично	Нет
Усовершенствование технологического процесса	59,2	86,6	8,8	4,6	53,8	18,8	27,4	57,0	37,8	5,2
Создание новых товаров и услуг	28,1	82,2	12,2	5,6	64,8	16,4	18,8	54,1	41,1	4,8
Улучшение существующих товаров и услуг	40,8	85,1	9,8	5,1	67,0	15,3	17,7	54,4	41,7	3,9
Совершенствование управления предприятием, организации труда работников	47,6	87,9	7,6	4,5	63,0	18,0	19,0	51,0	42,8	6,2
Продвижение на рынок товаров и услуг	25,5	80,1	14,2	5,7	68,2	17,5	14,3	56,2	40,2	3,6
Другое	13,3	84,6	7,4	8,1	61,7	14,3	24,1	62,4	30,8	6,8

Около 41% опрошенных работников предприятий и организаций сообщили, что их коллеги обращались к ним с просьбой обсудить свои предложения. Примерно в половине случаев это происходило по собственной инициативе работников, тогда как другая половина случаев была обусловлена выполнением служебных обязанностей. Чаще всего такие предложения были направлены на усовершенствование технологического процесса (54,5%) и гораздо реже – на создание новых товаров и услуг (25,1%), улучшение качества уже существующих товаров и услуг (34,8%), совершенствование управления предприятием, организацией или совершенствование организации (34,6%), продвижение на рынок товаров и услуг (21%).

Свыше половины опрошенных работников предприятий и организаций (53,1%) когда-нибудь на своей основной или дополнительной работе занимались тем, что вели поиск необходимой информации, готовили различные справки, таблицы, обзоры, отчёты, писали и оформляли статьи, книги, делали для себя записи, выписки из литературы, документальных и других источников. Больше всего таких работников среди руководителей (67,9%), специалистов высшего уровня квалификации (75,8%) и специалистов среднего уровня квалификации (60%). Но при этом вызывает интерес тот факт, что от 25 до 40% этих специалистов вообще не занимались творческой работой, связанной с поиском информации, необходимой для выполнения своих нынешних профессиональных обязанностей и т. п. Из тех, кто занимался подобной творческой деятельностью, 80,7% вели поиск информации, необходимой для выполнения профессиональных обязанностей; 78,8% готовили справки, таблицы, обзоры и т. п.; 74,4% готовили доклады, отчёты; 60,4% делали для себя записи, выписки из документов и т. п.; 14,3% готовили статьи, книги и другие издания. Причём в большинстве таких случаев около 60% указанных респондентов занимались подобной работой постоянно.

В течение последних пяти лет на основной или дополнительной работе участвовали в разработке стратегии предприятия, организации или бизнеса только 22,1% респондентов (8,9% – постоянно и 13,2% – иногда); в организации рекламной кампании – 16,2% (соответственно 5,3 и 10,9%); в формировании или коррекции ценовой политики предприятия, организации, бизнеса – 14,9% (соответственно 6,2 и 8,7%); в определении или коррекции состава потребителей или каналов сбыта – 14,1% (соответственно 5,3 и 8,8%); в изучении деятельности конкурентов – 19,7% (соответственно 7,7 и 12%); в научно-исследовательских и инновационных проектах для своего предприятия, организации или для сторонних организаций – 12,7% (соответственно 3,5 и 9,2%).

В течение последних пяти лет на основной или дополнительной работе участвовали в разработке стратегии предприятия, организации или бизнеса только 22,1% респондентов.

Значительно расширяет границы участия в инновационной деятельности возможность занимать руководящую должность. Для руководителя любого предприятия или отдельного подразделения предприятия выдвижение и разработка предложений, связанных с улучшением производства, технологического процесса или выпускаемой продукции, с повышением качества услуг или улучшением продвижения товаров на рынок, совершенствованием организации работы входит в круг его функциональных обязанностей. Руководитель обладает не только приоритетным правом выдвигать инновационные предложения, но и располагает широкими возможностями для организации деятельности по их реализации. Среди тех, кому приходилось руководить коллективом, наиболее активно участвовали в разработке стратегии предприятия 47,1% (25,5% – постоянно; 21,6% – иногда) и изучении деятельности конкурентов – 39% (соответственно 18,8 и 20,2%), тогда как наименее активно в разработке научно-исследовательских и инновационных проектов для своего предприятия участвовали 25,4% (соответственно 8,6 и 16,8%).

В заключение хотелось бы ещё раз отметить, что проблема модернизации на основе инновационной деятельности, способной обеспечить глубокий перелом в развитии общества, повысить конкурентоспособность и национальную безопасность, приобрела первостепенную значимость. Вовлечение в неё широкого круга наиболее образованных работников позволит не только эффективнее использовать экономический потенциал модернизации, но и сформировать адекватные ответы на актуальные социальные вызовы. Вместе с тем расширение инновационной деятельности сдерживается отсутствием продуктивных механизмов использования уже существующих возможностей и преодоления новых барьеров инновационного развития. Сегодня рынок труда не удовлетворяет потребности экономики в квалифицированной рабочей силе от рабочего до инженера и управленца. Свыше половины российских работников заняты на производстве в основном простым рутинным неквалифицированным или традиционным трудом средней сложности, который вряд ли способен внести хоть какую-то заметную лепту в осуществление инновационной модернизации.

Очевидно, что ведущая роль в осуществлении модернизационных планов принадлежит активному инновационному кадровому потенциалу. Но эффект модернизации в экономике, как, впрочем, и в других сферах, не сможет проявиться в полную силу, если основная масса работников не способна к кардинальному изменению образа жизни, генерированию и эффективному внедрению инновационных идей и разработок. Поэтому сегодня речь должна идти о сбалансированном развитии всего производственного потенциала или, по крайней мере, основной его части, а не только самого активного, но довольно узкого инновационного сегмента.

Значительно расширяет границы участия в инновационной деятельности возможность занимать руководящую должность.

Библиографический список

Гуцаленко Л. А. 2013. Социальные инновации и квази-инновации в человеческом измерении // Новые идеи в социологии: монография / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-Дана. С. 117–133.

Зайцева А. С., Шувалова О. Р. 2011. Новые акценты в развитии инновационной деятельности: инновации, инициируемые пользователями // Форсайт. Т. 5. № 2. С. 16–32.

Карамышев А. 2015. Обновление системы // Коммерсант Власть. № 44. С. 16–19.

Модернизация и политика в XXI веке / Отв. ред. Ю. С. Оганисьян. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 336 с.

Модернизация России: социально-гуманитарные измерения / Под рук. акад. Н. Я. Петракова / Российский государственный научный фонд; Российская академия наук. М., СПб.: Нестор-История, 2011. 448 с.

Наёмный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.

Образование в Российской Федерации: 2014. Статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 464 с.

Осипов Г. В., Климовицкий С. В. 2014. Индикаторы науки и технологии: история, методология, стандарты измерения / Научный совет по программе фундаментальных исследований президиума Российской Академии наук «Экономика и социология науки и образования». М.: ЦСП и М. 180 с.

Российский работник: образование, профессия, квалификация / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой. М.: ИД ВШЭ, 2011. 574 с.

Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2012 года. URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5636/1238.pdf> (Дата посещения: 14.11.2015).

OECD. The Measurement of Scientific and Technological Activities. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data (Oslo Manual). Third Edition. Paris, 2005. 162 p.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.398](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.398)

The Preconditions and Problems of Partaking in Innovational Activities

Kozyreva Polina Mikhaylovna

Doctor of Sociological Sciences, First deputy director, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences; Head of the Center for Longitudinal Studies of the Institute for Social Policy, National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia. Email: pkozyreva@isras.ru

Smirnov Alexander Ilyich

Doctor of Sociological Sciences, Senior researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: smir_al@bk.ru

Abstract. This article looks into matters which reveal the preconditions, characteristics and troubles of taking part in innovational activities by those economically active members of Russian society who have the most professional training. Analysis is based upon data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey of the population's economic welfare and health, conducted by the Higher School of Economics' Scientific Research Institute (RLMS-HSE). It has been established that aspiration towards active participation in innovational activities is demonstrated only by a relatively small amount of qualified professionals, while most people accept the role of passive doers. It has been revealed that the willingness of qualified workers to partake in innovational activities depends on several factors, including what sort of professional activities are in question, as well as how the workers' experience and knowledge are used, and to what extent the level of education they receive corresponds with the demands of their current jobs. A connection between entrepreneurial and innovational activity has been shown, and revealed are differences in how well-developed are professionally significant qualities depending on whether people are keen to partake in innovational activities. Close attention is paid to the fact that a large portion of workers with higher or secondary professional education are experienced in taking on a new specialty, and have at a certain time mastered the use of new work methods and new equipment. Many have developed and promoted propositions for improving manufactured products or the production process at their main or secondary workplaces. However, innovational activities were often the result of the nature of people's professional activities, as well as it being necessary to carry out their direct duties. Nonetheless, it is currently essential to achieve balanced development of personnel potential in its entirety, as well as to engage a wide range of workers into active and initiative participation in innovational activities, and to use the creative potential of the working population to its fullest.

Keywords: innovation, innovational activities, qualification, modernization, professionalism, social adaptation, human capital.

References

Gutzalenko L. A. Social'nye innovacii i kvaziinnovacii v chelovecheskom izmerenii [Social innovation and quasi innovation in the human dimension]. *Novye idei v sociologii*. Ed. by Zh. T. Toshhenko. Moscow, YNITI-Dana, 2013, pp. 117–133.

Karamyshev A. Obnovlenie sistemy [Upgrading the System]. *Kommersant Vlast'*, 2015, no 44, pp. 16–19.

Modernizacija i politika v XXI veke [Modernization and Politics in the XXI century]. Ed. by Y. S. Oganisiyan. Moscow, ROSSPEN, 2011. 336 p.

Modernizacija Rossii: social'no-gumanitarnye izmerenija [Modernization of Russia: Social and Humanitarian Dimension]. Ed. by N. Y. Petrakov. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istorija, 2011. 448 p.

Najomny rabotnik v sovremennoj Rossii [The Employee in Modern Russia]. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow, Novy khronograf, 2015. 368 p.

Obrazovanie v Rossijskoy Federacii. Statisticheskij sbornik [Education in the Russian Federation: Statistical Yearbook 2014]. Moscow, NRU HSE publ., 2014. 464 p.

OECD. The Measurement of Scientific and Technological Activities. Guidelines for Collecting and Interpreting Innovation Data (Oslo Manual). Third Edition. Paris, 2005. 162 p.

Osipov G. V., Klimovicky S. V. Indikatory nauki i tehnologii: istorija, metodologija, standarty izmerenija [Indicators of Science and Technology: History, Methodology, Measurement Standards]. Moscow, CSPiM, 2014. 180 p.

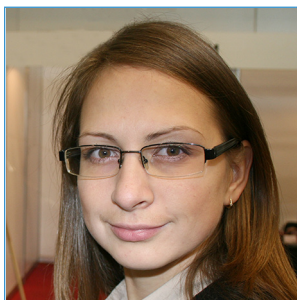
Rossiysky rabotnik: obrazovanie, professija, kvalifikacija [The Russian Worker: Education, Occupation, Qualification]. Ed. by V. E. Gimpel'son, R. I. Kapeliushnikov. Moscow, NRU HSE publ., 2011. 574 p.

Strategija innovacionnogo razvitija Rossijskoj Federacii do 2012 goda [The Strategy of Innovative Development of the Russian Federation until 2012]. URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5636/1238.pdf> [date of visit: 14.11.2015].

Zaytzeva A. S., Shuvalova O. R. Novye akcenty v razvitii innovacionnoj deyatel'nosti: innovacii, iniciiruemye pol'zovateliami [New Accents in the Development of Innovative Activities: Innovation, Initiated by Users]. *Forsite*, 2011, Vol. 5, no 2, pp. 16–32.

С о ц и а л ь н ы е с л о и и г р у п п ы : п о т е н ц и а л и н н о в а ц и о н н о й а к т и в н о с т и

Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы

Каравай Анастасия Вадимовна – научный сотрудник, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, младший научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва

E-mail: karavayav@yandex.ru

Человеческий капитал российских рабочих: состояние и факторы

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.399](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.399)

Аннотация. В статье¹ представлены результаты анализа основных характеристик общего и специфического человеческого капитала российских рабочих. На данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения» за 2014 г. показано, что в начале 1990-х гг. произошли качественные изменения в получении рабочими общего среднего образования, когда ставшее для них типичным 9-летнее образование исключило возможности формирования впоследствии альтернативность карьерных траекторий. Результаты анализа позволяют говорить и об общей депрофессионализации российских рабочих, поскольку старшее поколение опережает рабочую молодёжь по наличию профессиональной подготовки, а занятость по специальности, полученной в учебном заведении, является довольно редким явлением в данной профессиональной среде. Повышение квалификации через программы дополнительного образования является при этом для рабочих скорее исключением, чем правилом. В условиях повсеместного проникновения интернета и расширяющихся возможностей дистанционного получения знаний, зачастую на бесплатной основе, рабочие оказываются исключены из этих процессов во многом из-за отсутствия у них установок к повышению качества своего человеческого капитала. К тому же знания и квалификация не являются в глазах большинства российских рабочих важными составляющими жизненного успеха, и что даже те из них, кто стремятся к повышению качества своего человеческого капитала, выбирают для этого неэффективные профессиональные траектории. Так же в статье продемонстрировано, что все факторы, связанные с человеческим капиталом, в целом незначительно влияют на уровень зарплат рабочих внутри одной отрасли. В итоге, невысокое качество человеческого капитала у большинства рабочих является их реакцией на поведение работодателей, а не только следствием их установок в отношении своего образования. И если работодатели (и даже государство) не заинтересованы в инвестициях в человеческий капитал рабочих, не стоит ожидать и от них самих стремления расширять свои знания и самостоятельно финансировать своё образование при их сравнительно невысоких доходах.

Ключевые слова: рабочие, ресурсы, человеческий капитал, рабочий класс, рабочая молодёжь, образование, ресурсный подход, инновационная экономика, квалифицированная рабочая сила, дополнительное профессиональное образование, модернизация производства

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-03-00098 «Человеческий капитал российских рабочих: состояние, динамика, факторы».

В условиях, когда природные ресурсы в силу рыночной конъюнктуры уже не могут приносить России высокую прибыль, а финансовые и инвестиционные возможности развития экономики ограничены санкциями для основных участников этого процесса, государство вынуждено искать новые источники выхода из экономического кризиса. Следствием этого стали попытки провести импортозамещение и возродить отечественное производство. Не случайно всё чаще мы слышим от представителей власти о необходимости перехода российской экономики в инновационное русло, причём ещё в 2011 г. были законодательно закреплены приоритетные направления развития науки и техники в стране [Об утверждении... 2011]. Они связаны в первую очередь с высокотехнологичными и наукоёмкими секторами экономики (энергетика, нанотехнологии и пр.) и эффективным использованием ресурсов (энергосбережение, рациональное природопользование и т. д.). Очевидно, что без большого количества квалифицированных работников, мотивированных на непрерывное совершенствование и пополнение своих знаний и навыков, говорить о таком технологическом прорыве нельзя, ведь даже при идеальном стечении обстоятельств, когда инновация, пройдя все финансовые, бюрократические и коррупционные препоны, дойдёт до конкретного предприятия, без специально обученных работников внедрять её будет некому. В итоге повышение качества человеческого капитала работников, основными элементами которого являются знания, умения и личностные характеристики человека, становится актуальной задачей и даже вызовом для власти и бизнеса. Диагностика же качества человеческого капитала российских работников, определение основных проблем в этой области, а также путей их решения является важным и актуальным предметом исследования отечественных учёных.

На микроуровне значение человеческого капитала также довольно велико. Устойчивость социально-экономического положения индивидов во многом зависит от «немонетарных» форм имеющихся у них ресурсов. Высокая квалификация, профессиональный опыт и способности к освоению новых для себя навыков и компетенций помогают человеку в условиях массового сокращения рабочих мест как сохранить работу, так и при необходимости найти новую [Российское общество... 2016]. Другими словами, в кризисных условиях огромную роль приобретают не только уже накопленные знания, навыки и квалификация, но и установки человека в отношении его человеческого капитала, готовность к его наращиванию, способность к быстрому приобретению новых знаний и навыков. Особенно важно в этом контексте проанализировать особенности человеческого капитала российских рабочих, поскольку эта профессиональная группа составляет значительную часть

занятого в экономике населения¹, и именно к ней отечественный бизнес традиционно предъявляет самые серьёзные претензии при разговорах о необходимости модернизации российской промышленности.

Теоретико-методологические предпосылки и эмпирическая база анализа

Трактовка понятия «человеческий капитал» у разных авторов значительно варьируется и зависит от стоящих перед исследователями задач. Например, Г. Беккер [Becker 1993] рассматривает человеческий капитал как совокупность знаний, навыков и умений, накопленных человеком и необходимых для его профессиональной деятельности. Основоположник же ресурсного подхода П. Бурдые [Бурдые 2002] не выделяет отдельно человеческий капитал, включая все накопленные человеком знания и навыки, наряду с другими особенностями его социализации, в его культурный капитал. Однако большинство авторов всё же разделяют эти понятия. Например, В. Радаев называет причиной (по которой человеческий капитал целесообразно рассматривать отдельно) тот факт, что «в отличие от культурного капитала, значительная часть которого воплощена в нерелефлексивном практическом знании и телесных навыках, схватываемых общим понятием хабитуса (габитуса), в случае с человеческим капиталом мы имеем дело с рефлексивным знанием, имеющим логическую структуру» [Радаев 2002: 25].

В своём анализе мы будем придерживаться определения, предложенного Г. Беккером, согласно которому анализ человеческого капитала предполагает, что индивиды выбирают образование, профессиональную подготовку и другие способы улучшения своих знаний, сопоставляя свои выгоды и издержки. Все эти составляющие человеческого капитала являются такими же ресурсами индивида, как и финансы, а значит поведение, установки и стратегии человека в отношении этих видов ресурсов должны быть во многом похожи. При этом общий человеческий капитал свидетельствует об уровне социализации индивида, его «общем развитии», способности к обучению и степени образованности, а выступающие его важнейшими элементами профессиональные знания и образование – об уровне его профессиональной подготовки. В свою очередь специфический человеческий капитал, хотя и полезен только на определённом предприятии или организации,

¹ Рабочие, по данным ФСГС РФ, составляли в 2014 г. 35,5% от всех занятых, а численность этой социальной группы достигала 25,4 млн человек [Рассчитано по: ФСГС РФ 2016].

является важным показателем «ценности» для них работника и наличия у него уникальных знаний и умений, требующихся на конкретном рабочем месте.

Эмпирической базой исследования стали прежде всего данные ежегодного «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ»¹ (RLMS-HSE) за 2014 г. (N=12908 человек, в т. ч. 5664 работающих). Для выделения профессиональных групп в мониторинге использовался классификатор ISCO-88, и в качестве рабочих мы рассматривали работников физического труда – 7, 8, 9 классы этого классификатора, сравнивая их с представителями 1, 2 и 3 классов – руководителями и профессионалами («белыми воротничками»). Для анализа некоторых элементов человеческого капитала рабочих нами были использованы также данные опроса населения, который проводился в рамках исследования Института социологии РАН «Средний класс в современной России: 10 лет спустя»² в феврале 2014 г. (n=1600 человек, в т. ч. 1079 работающих).

Особенности человеческого капитала российских рабочих

Важной составляющей общего человеческого капитала является прежде всего наличие законченного среднего образования, которое есть, по данным обследований, более чем у половины рабочих. Однако если сравнить между собой поколения рабочих, то видно, что с уменьшением их возраста постепенно сокращается доля тех из них, кто закончил не менее 10 классов средней школы³ (см. рис. 1). Так, старшие поколения рабочих (46 лет и старше) в большинстве своём (свыше 55%) имели полное среднее образование, а для представителей возрастных когорт до 35 лет типичным уровнем образования является девятилетка, а не полное среднее образование. Рабочие 36–40 лет занимают в этом плане промежу-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE), проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины и Института социологии РАН (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

² Подробнее с методологией и результатами анализа российского среднего класса в 2003–2014 гг., проведённого под руководством директора Института социологии РАН М. К. Горшкова в феврале 2014 г., можно ознакомиться на сайте Института социологии РАН, URL: http://www.isras.ru/analytical_report_sredny_klass_10_let_spustya.html [Дата посещения: 11.04.2015].

³ Поскольку переход с 10-летнего обучения в школе на 11-летнее произошёл только в 1986 г., а большинство рабочих закончили школу до этого времени, для анализа мы в качестве «порогового» брали показатель в 10 классов, а не 11.

точное положение: среди них высока доля тех, кто не закончил 9 классов, но одновременно доля имеющих полное среднее образование выше, чем закончивших только девятилетку.

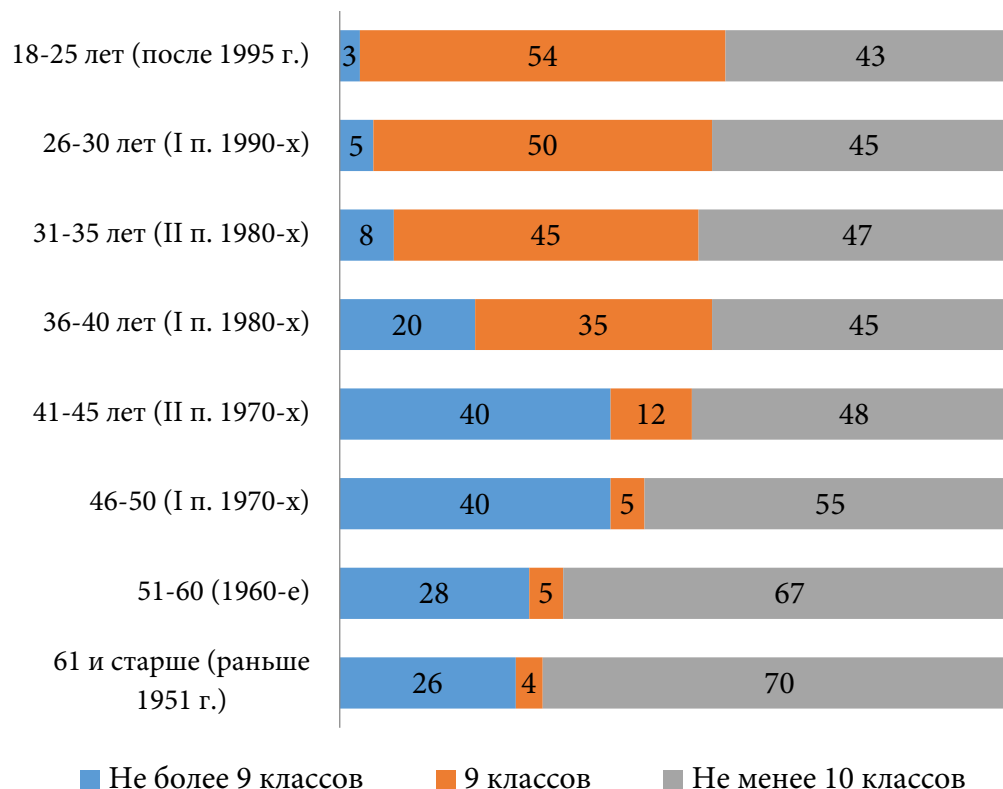

Рис. 1. Количество классов школы, законченных рабочими в разных возрастных когортах*, 2014 г., RLMS-HSE, %

*В скобках указан период поступления в школу (7 лет от года рождения).

Таким образом, в период с начала 80-х до начала 90-х гг. прошлого века произошли качественные изменения в получении рабочими общего среднего образования: до этого времени молодёжь, которая «шла в рабочие», преимущественно состояла из людей с полным общим образованием. С начала 1990-х гг. уже меньше половины молодёжи, решившей пойти «в рабочие», (т. е. тех рабочих, кто пошёл в школу в начале 1980-х и закончил девятилетку в начале 1990-х гг.) имели полное среднее образование. Для остальных даже теоретическая возможность пойти потом в вуз и сделать карьеру была закрыта. Превращение 9-тилетнего образования в типичное для рабочих способствовало формированию представления о «тупиковости» выбора рабочих специальностей, повлиявшее на снижение их престижности.

Однако для оценки качества общего человеческого капитала важно не только количество законченных классов, но и наличие профессиональной подготовки. И в этом плане важно, что характер школьного образования влечёт за собой и разный тип полученного впоследствии профессионального образования. Анализ уровня образования тех, кто закончил разное количество классов в школе, показывает, что рабочие,

Превращение 9-тилетнего образования в типичное для рабочих способствовало формированию представления о «тупиковости» выбора рабочих специальностей, повлиявшее на снижение их престижности.

закончившие не более 9 классов школы, в большинстве своём ограничиваются профессиональным образованием 1 степени. Что же касается тех рабочих, кто закончил не менее 10 классов школы, то их профессиональная подготовка имеет самый разнообразный характер, и среди них больше всего лиц с высшим образованием. В то же время именно среди них выше самая большая доля тех, у кого нет вообще никакого профессионального образования. В целом же большинство рабочих имеет какое-то профессиональное образование (63%, исключая тех, кто окончил профессиональные курсы), но это преимущественно образование 1 степени.

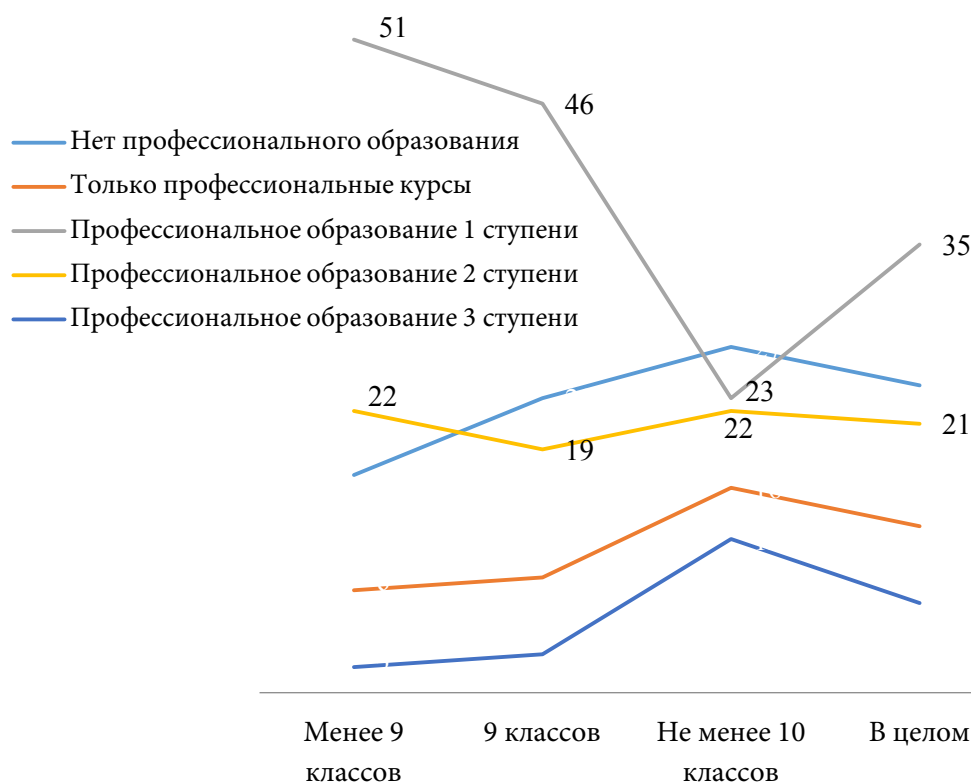

Рис. 2. Высшая степень профессионального образования рабочих в зависимости от количества окончанных классов, 2014 г., RLMS-HSE, %

Картина качества человеческого капитала российских рабочих становится ещё более неоднозначной, если учесть проблему соответствия полученного образования и профессиональной деятельности. Данные RLMS-HSE позволяют проверить совпадение кодов ISCO-88 полученного профессионального образования (любой степени, включая профессиональные курсы) и основной трудовой деятельности. Согласно этим данным, лишь у 10% рабочих (при 31% у руководителей и профессионалов) есть хоть какое-то образование по профилю занятости. Чаще всего рабочие трудятся по специальности, имея «за плечами» лишь профессиональные курсы (17%) либо первую степень профессионального образования. В этом плане нет разницы между выпускниками ПТУ (ФЗО, ФЗУ и пр.) без среднего образования и с ним – в обоих случаях доля работа-

Занятость по специальности, полученной в учебном заведении, является довольно редким явлением среди российских рабочих.

ющих по полученной специальности равна 15%. Что же касается закончивших средние специальные учебные заведения, то только каждый двенадцатый из них занят по соответствующему его образованию профилю. Таким образом, занятость по специальности, полученной в учебном заведении, является довольно редким явлением среди российских рабочих.

Тип полученного образования, также как и число законченных рабочими классов общей школы, зависит прежде всего от возраста (см. таблицу 1), что косвенно отражает изменения в российском обществе в целом и в жизни представителей данной профессиональной группы за последние 30 лет. В возрастной когорте 18–25 лет сравнительно больше тех, кто не имеют вообще никакой профессиональной подготовки (33% против 20–21% в когортах старше 46 лет). Анализ распространённости трудоустроенности по специальности, указанной в дипломе, в разных возрастных когортах показывает, что молодёжь до 35 лет не только вообще реже имеет специальность, но и в случае её наличия сравнительно реже работает по ней: таких насчитывается не более 11%. Наивысший показатель соответствия профилей образования и занятости среди рабочих наблюдается в возрасте 36–45 лет и равен всего 13%.

Таблица 1

Уровень профессионального образования рабочих
в зависимости от возраста, 2014 г., RLMS-HSE, %

Уровень профессионального образования, подтверждённый официальным документом	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет	56 лет и старше	Среди рабочих в целом
Профессиональное образование отсутствует	33	26	24	20	21	24
Только профессиональные курсы	10	10	13	15	15	13
1 ступень	31	33	37	36	33	35
2 ступень	19	20	20	22	23	21
3 ступень	7	11	6	6	8	7

Посмотрим теперь на навык, также являющийся в современном мире важным элементом общего человеческого капитала, поскольку для многих работающих он необходим в их профессиональной деятельности – умение работать на компьютере. Для рабочих он также актуален – без малого 60% из них не только пользовались компьютером в течение предыдущего года, но треть из них делали это во время работы или учёбы. При этом среди рабочей молодёжи до 25 лет компьютером за предыдущий год пользовались 89%, а для работы или учёбы его использовали 43%. С возрастом доля рабочих,

использующих компьютер для работы или учёбы, непрерывно падает: в возрастной когорте 46–55 лет таких насчитывается уже 29%, а в самой старшей – 19%.

Таким образом, покогортная динамика таких ключевых составляющих человеческого капитала, как образование и общие навыки, имеет у российских рабочих разнонаправленный характер. С одной стороны, с возрастом выше доля тех, у кого не только более высокий уровень образования, в том числе профессионального, но также опыт и квалификация в профессии, а с другой – молодёжь в большей степени имеет навык владения компьютером и чаще использует его в своей профессиональной деятельности, хотя компьютерная грамотность всё ещё является для большинства рабочих бесполезным для их основной деятельности навыком. В целом такая ситуация позволяет говорить об ухудшающемся качестве человеческого капитала российских рабочих, если говорить о тех его элементах, которые наиболее важны для их работы.

Большое значение для дифференциации рабочих, в том числе и по качеству их человеческого капитала, имеет не только возраст, но и отрасль, в которой они заняты. Прежде всего отметим в этой связи, что не во всех отраслях экономики рабочие являются доминирующей профессиональной группой. Например, в науке, образовании и здравоохранении их всего 15% от всех занятых, в торговле и бытовом обслуживании – 27%, в силовых структурах – 36%. Зато во всех направлениях промышленности, сельском хозяйстве, ЖКХ, транспортной и строительной отраслях рабочие составляют свыше 60% занятых в них работников.

Как показано на рис. 3, хотя в большинстве отраслей рабочие чаще имеют законченное среднее образование, из этого правила существуют исключения. Причём касаются они тех отраслей, где группы рабочих являются массовыми. Это сельское хозяйство, где только 45% рабочих закончили полную среднюю школу, а также рабочие, занятые в торговле и бытовом обслуживании – здесь таких насчитывается 48%. При этом около 30% тех рабочих, которые трудятся в сельском хозяйстве или ЖКХ, не закончили даже 9 классов средней школы.

Как видно на рис. 4, в большинстве отраслей рабочие имеют профессиональное образование хотя бы первой степени. Исключение составляет лишь сельское хозяйство, где 61% рабочих даже его не имеют. Более того, только половина из этих 61% окончили хотя бы какие-нибудь профессиональные курсы. А вот в нефтегазовой промышленности, наоборот, 73% рабочих получили профессиональное образование 1–3 ступеней. В большинстве случаев это техникум или профучилище. При этом каждый десятый рабочий в этой отрасли имеет даже высшее образование.

С возрастом выше доля тех, у кого не только более высокий уровень образования, в том числе профессионального, но также опыт и квалификация в профессии, тем не менее молодёжь в большей степени имеет навык владения компьютером и чаще использует его в своей профессиональной деятельности.

Рис. 3. Образование рабочих в зависимости от отрасли занятости, 2014 г., RLMS-HSE, %

Рис. 4. Уровень профессионального образования рабочих в зависимости от отрасли их занятости, 2014 г., RLMS-HSE, %

Для всех отраслей, даже самых благополучных с точки зрения качества человеческого капитала занятых в них рабочих, характерен, однако, тот факт, что у большинства имеющих профессиональное образование (включая профессиональные курсы), профиль их подготовки не совпадает с профилем специальности, по которой они работают (см. рис. 5). Сравнительно чаще остальных отраслей специальность «по диплому» у рабочих совпадает с их реальной профессиональной деятельностью в тяжёлой (14%), нефтегазовой и энергетической (24%) промышленности, на транспорте и в связи (19%), а также в строительстве (16%). Во всех остальных отраслях данный показатель составляет не более 10%.

Таким образом, наиболее качественный человеческий капитал наблюдается среди рабочих, занятых в машиностроении (включая ВПК), нефтегазовой отрасли, энергетике и строительстве. Однако даже в этих отраслях доля тех, кто получил соответствующее профессиональное образование, не превышает 25%. При этом среди тех, чей профиль образования совпадает с профилем занятости, большинство (55%) имеют первую степень профессионального образования, почти каждый четвертый (23%) прошёл только через профессиональные курсы, 18% окончили среднее специальное учебное заведение, и 4% получили диплом о высшем образовании.

Рис. 5. Доля рабочих, чье профессиональное образование (включая профессиональные курсы) совпадает с профилем занятости в зависимости от отрасли занятости, 2014 г., RLMS-HSE, % от имеющих профессиональное образование рабочих

Главный вывод из всего вышесказанного заключается в том, что жалобы российского бизнеса на отсутствие необходимых для развития экономики страны квалифицированных рабочих совершенно оправданы. Общий человеческий капитал российских рабочих, включая его профессиональную составляющую, в целом не слишком высок и, к тому же, сильно дифференцирован по возрастным когортам. При этом чем моложе рабочий, тем в среднем ниже основные характеристики его человеческого капитала. Дополнительно осложняет ситуацию то, что, даже среди имеющих профессиональное образование рабочих, большинство (а во многих отраслях и подавляющее большинство) работают не по полученной в учебном заведении специальности.

Жалобы российского бизнеса на отсутствие необходимых для развития экономики страны квалифицированных рабочих совершенно оправданы. Общий человеческий капитал российских рабочих в целом не слишком высок и, к тому же, сильно дифференцирован по возрастным когортам.

Отношение российских рабочих к сохранению и накоплению своего человеческого капитала

Не способствует повышению качества человеческого капитала рабочих и их собственное отношение к этому важному ресурсу. Прежде всего, почти все из них исключены из процессов повышения квалификации через программы дополнительного образования. По данным RLMS-HSE за 2014 г., в течение 12 месяцев, предшествовавших опросу, лишь 2% рабочих прошли через какие-нибудь образовательные программы, причём сюда входили не только формальные профессиональные виды дополнительного образования, но и самостоятельное обучение (например, изучение языков) или обучение на рабочем месте. Этот показатель настолько мал, что не позволяет проанализировать ни отраслевую принадлежность этих рабочих, ни источники финансирования их дополнительного образования. Среди руководителей и профессионалов аналогичный показатель в 5 раз больше (11%), хотя и этого явно недостаточно для развития инновационной экономики.

Даже данные государственной статистики, которые из-за особенностей методологии расчёта являются завышенными (в них не учитываются работники малых и части средних предприятий, которые реже повышают квалификацию), свидетельствуют об имевшем место в 2010-х гг. (даже до начала кризиса) сокращении включённости рабочих в процессы получения дополнительного профессионального образования. Так, если за 2010 г. обучение прошли 13% рабочих, то в 2013 г. их стало 12%. Кроме того, анализ данных Росстата за 2013 г. показывает, что почти треть рабочих, которые были включены в формальные виды¹ дополнительного профессионального образования, прошли просто через программы переподготовки, хотя большинство (68%) рабочих, прошедших дополнительное профессиональное обучение, всё-таки закончили программы повышения квалификации. Однако, учитывая незначительную общую включённость рабочих в процессы получения дополнительного профессионального образования, у работодателей нет реальной заинтересованности в росте числа рабочих с высоким качеством человеческого капитала. А это значит, что ни о какой инновационной экономике в ближайшее время речи быть не может, поскольку такие её потенциальные акторы, как рабочие, на протяжении многих лет не только в массе своей

¹ По терминологии Росстата в 2013 г., под формальным дополнительным образованием имелось в виду обучение работников крупных и средних предприятий в организованной форме (преимущественно в вузах, реже – в образовательных центрах) с получением соответствующего диплома, аттестата, сертификата и т. п.

не получают качественные базовые профессиональные знания, но и в подавляющем большинстве не включены в процесс их получения в дальнейшем.

Что же касается планов повышения качества своего человеческого капитала, то только 7% рабочих собираются пойти учиться в ближайшие три года. Очевидно, что у большинства представителей этой профессиональной группы отсутствуют установки на повышение своей квалификации через дополнительное обучение. С этим отчасти связано и то, что рабочие менее охотно осуществляют инвестиции в своё образование. Только 6% из них, согласно опросу ИС РАН за 2014 г., в течение трёх лет оплачивали образовательные услуги для взрослых, при том, что за тот же срок ими воспользовались 21% руководителей и профессионалов.

Отсутствие желания тратить свои средства на образование можно было бы объяснить сравнительно низкими доходами рабочих, однако и своё время они также не стремятся тратить на пополнение знаний. Согласно данным ИС РАН за 2014 г., практически никто из рабочих (чуть более 1%) не тратил свободное время на самообразование. Между тем, такая форма досуга характерна для 6% россиян, а среди руководителей и профессионалов её практикуют даже 14%. В условиях повсеместного проникновения интернета и расширяющихся возможностей дистанционного получения знаний, зачастую на бесплатной основе, рабочие оказываются исключены из этих процессов во многом из-за отсутствия у них установок к повышению качества своего человеческого капитала. Можно сказать, что у представителей данной профессиональной группы должны быть довольно веские причины, чтобы пойти получать дополнительное образование или потратить время на самообразование.

Такой причиной, как уже было показано российскими социологами [Аникин 2009], у рабочих может стать намерение сменить место работы или даже профессию. Отчасти это подтверждают и наши данные – среди тех рабочих, кто собираются учиться в ближайшие три года, 30% хотели бы сменить место работы. В числе мотивов такой смены, согласно данным ИС РАН за 2014 г., обычно желание найти работу с более высокой оплатой или лучшими условиями труда (см. таблицу 2). При этом рабочих реже волнуют такие аспекты трудовой деятельности, как самореализация в профессии и повышение своей квалификации, нежели руководителей и профессионалов – можно даже сказать, что мотивы смены специальности в этих группах имеют противоположный характер.

В итоге даже те рабочие, которые хоть как-то заботятся о повышении качества своего человеческого капитала, выбирают неэффективные профессиональные траектории, поскольку такой капитал накапливается вместе со стажем

В условиях повсеместного проникновения интернета и расширяющихся возможностей дистанционного получения знаний рабочие оказываются исключены из этих процессов во многом из-за отсутствия у них установок к повышению качества своего человеческого капитала.

работы на схожих профессиональных позициях и, желательно, на одном предприятии. И в этом смысле смена места работы или тем более профессии зачастую становится для них шагом назад – возможно, миграция с сохранением старой специальности была бы для многих из них более эффективна. Многие страны Запада идут именно по этому пути, но в России миграция осложнена целым рядом проблем, что подталкивает наиболее мобильную часть рабочих к смене специальности, а не места жительства.

Таблица 2

Причины смены специальности за последние 10 лет представителями различных профессиональных групп, 2014 г., % от сменивших специальность, ИС РАН*
(допускалось несколько вариантов ответа)

Причины	Рабочие	Руководители и профессионалы	Работающие в целом
Низкая заработная плата	62	37	54
Неудовлетворительные условия труда	32	14	27
Неудовлетворённость содержанием работы	20	13	17
Отсутствие возможности трудоустроиться по имеющейся профессии	13	13	15
Невозможность реализовать себя в профессии	8	23	13
Желание повысить квалификацию	8	22	12
Состояние здоровья	7	3	6
Утрата работой социального престижа	3	4	4
Развитие в компании нового направления бизнеса	2	5	2
Другое	4	2	4
<i>Справочно:</i>			
<i>Сменили специальность в предыдущие 10 лет</i>	44	27	40

*Фоном выделены максимальные показатели в каждой строке.

В то же время, последние качественные социологические исследования показывают, что частая смена специальностей может являться и следствием слабости переговорной позиции рабочих, из-за которых они не могут отстаивать свои интересы перед работодателями [Кремнева, Лукьяненко 2015]. В частности, владелец предприятия может просто перепрофилировать его или отдать весь рабочий коллектив вместе с производственными помещениями в аутсорсинг. Более того, отсутствие интереса к повышению уровня образования рабо-

чих со стороны работодателя вынуждает первых стремиться к самозанятости, для которой официальные «корочки» не так важны, как опыт, приобретённый на различных производствах и видах работ. Другими словами, показанная нами картина состояния человеческого капитала рабочих является не только следствием их отношения к своим ресурсам, но и их реакцией, формой адаптации к тем условиям занятости, которые диктуют им работодатели.

Тем не менее, неопределённость положения многих рабочих не отменяет того факта, что знания и квалификация не являются в глазах большинства из них важными составляющими жизненного успеха. Для них не характерно оценивать своё положение в обществе с точки зрения уровня образования – этот показатель считали важным при оценке своего социального статуса лишь 18% из них (при 38% среди руководителей и профессионалов). Поэтому в условиях, когда работодатели (и даже государство) не заинтересованы в инвестициях в человеческий капитал рабочих, не стоит ожидать и от них самих стремления расширять свои знания и самостоятельно финансировать своё образование при их сравнительно невысоких доходах. Тем не менее, при создании должной мотивации (не обязательно монетарной) возможно изменить данную ситуацию и повысить заинтересованность рабочих в улучшении качества своего человеческого капитала.

Взаимосвязь качества человеческого капитала рабочих с их индивидуальными доходами

Для иллюстрации того, что низкая рента на человеческий капитал рабочих является существенным ограничением для повышения его качества, мы предприняли попытку рассмотреть, какие факторы влияют на индивидуальные доходы российских рабочих, основываясь на данных RLMS-HSE за 2014 г. В качестве показателя уровня доходов мы брали размер среднемесячной заработной платы за последний год. Помня о том, что российская экономика характеризуется сильными «перекосами» в уровне зарплат в зависимости от отрасли, мы постарались нивелировать это влияние¹.

¹ Вычислив медианные среднемесячные зарплаты рабочих в каждой из отраслей (32 шт.), мы посчитали отклонение от медианы для каждого респондента, получив фактически показатель того, насколько отличается уровень среднемесячной заработной платы индивида от медианной (среди рабочих) в соответствующей отрасли. Такая манипуляция позволила нам ответить на вопрос, насколько в одних и тех же отраслях среднемесячная заработная плата одних рабочих отличается от других.

С помощью критерия Хи-квадрат мы проверили практически все доступные в анкете характеристики рабочих на предмет их связи с уровнем отклонения оплаты труда работников от медианной в отрасли, за исключением тех, которые имеют прямое отношение к материальному благосостоянию (являются его признаками). В результате было выявлено около 30 переменных, статистически значимо (уровень значимости не менее 0,01) связанных с внутриотраслевыми уровнями заработной платы рабочих. Их условно можно разделить на 4 типа:

1. Относящиеся к месту проживания (регион, тип и размер населённого пункта и т. п.).

2. Относящиеся к личным свойствам работника (возраст, пол, здоровье и т. п.).

3. Относящиеся к характеристикам его места работы (размер предприятия, условия труда, официальное оформление и т. п.).

4. Относящиеся к его человеческому капиталу (уровень образования, работа по профилю образования, навыки, опыт и стаж работы, и т. п.).

Далее мы проанализировали корреляции полученных факторов и уровня отклонения индивидуальных доходов рабочих от медианных в отрасли. В [таблице 3](#) показано, что в наибольшей степени на размер этого отклонения влияет регион проживания, размер предприятия и пол. Что касается элементов человеческого капитала, то в наибольшей степени из всех индикаторов его качества на уровень зарплаты влияют факторы, связанные с наличием у рабочих навыков использования компьютера, применяемых ими в своей работе. В то же время количество законченных классов школы вообще не имеет статистически значимого влияния на уровень заработной платы рабочих. Уровень же профессионального образования влияет на него очень слабо, хотя и показывает статистически значимую корреляцию с отклонением индивидуальных доходов рабочих от медианных в отрасли.

Как видно из [таблицы](#), все факторы, связанные со специфическим человеческим капиталом, в целом незначительно влияют на уровень зарплат рабочих внутри одной отрасли. Даже преданность своему предприятию не имеет сейчас особой ценности. Более того, возраст (а, как говорилось выше, представители старшего поколения рабочих сравнительно более образованы) и все связанные с ним характеристики (общий стаж работы и т. п.) отрицательно сказываются на уровне заработной платы рабочих. Кроме того, данные свидетельствуют, что и сверхурочные не оплачиваются у рабочих должным образом, поскольку длительность рабочего дня в целом отрицательно сказывается на их доходах.

Таблица 3

Коэффициенты корреляции Спирмена между внутриотраслевым уровнем заработных плат рабочих и различными, влияющими на него, факторами, 2014 г., RLMS-HSE

Фактор	Коэффициент корреляции Спирмена*
Характеристики места жительства	
Регион	0,396
Размер и тип поселения	0,199
Время проживания в данном населённом пункте	-0,128
Характеристики места работы	
Размер предприятия (кол-во работников)	0,217
Опасное производство (позволяет раньше уйти на пенсию)	0,074
Официальное оформление	0,048
Наличие подчинённых	0,048
Длительность рабочего дня	-0,048
Физические характеристики	
Пол (мужской)	0,208
Возраст	-0,141
Оценка своего здоровья (от оценки «хорошее» к оценке «плохое»)	-0,098
Характеристики человеческого капитала	
Общий человеческий капитал	
Навыки работы на компьютере	0,195
Используют ПК для работы или учёбы	0,150
Используют интернет для работы	0,137
Используют интернет для получения справочных материалов	0,122
Совпадение образования и специальности	0,102
Уровень образования	0,053
Специфический человеческий капитал	
Отношение времени работы на последнем предприятии к общему стажу	0,115
Общий стаж работы	-0,101
Время работы на последнем предприятии	0,065

*Указаны значения коэффициента корреляции Спирмена, значимые на уровне не менее 0,1. Курсивом выделены значения свыше 0,150, фоном – свыше 0,2. Показатели ранжированы по убыванию абсолютного значения в каждой из групп. Анализ проводился на подмассиве рабочих.

Очевидно, что в современной российской экономике уровень зарплат рабочих, помимо отрасли, зависит прежде всего от региональных и поселенческих факторов, определяющих специфику локальных рынков труда, а также от возраста рабочих и того, на какие именно предприятия им

удалось устроиться. Отсутствие значимого положительного влияния показателей качества человеческого капитала на уровень оплаты труда рабочих свидетельствует, что повышение его качества не приносит дополнительных рента в данной профессиональной группе, т. е. рабочие не имеют материального стимула к получению профессионального образования и дальнейшему повышению своей квалификации. Получается парадоксальная ситуация: с одной стороны, российский бизнес жалуется на дефицит квалифицированных рабочих кадров, и их действительно не хватает, а с другой – не может или не желает стимулировать повышение качества человеческого капитала рабочих.

Заключение

Результаты проведённого исследования свидетельствуют, что для российских рабочих знания и навыки не являются определяющими их жизненного успеха и прочного положения в обществе. Такие установки закладываются у них ещё со школы. Об этом свидетельствует прежде всего то, что идущая «в рабочие» молодёжь в большинстве своём уже с середины 1990-х гг. заканчивает не более 9 классов средней школы, а значит, её представители не имеют даже теоретической возможности поступить в вуз и выбрать другую карьерную траекторию. Тем не менее, представители этой группы в большинстве своём получают начальное профессиональное образование. В то же время рабочие, закончившие не менее 10 классов средней школы, заметно чаще не имеют вообще никакого профессионального образования.

Покогортный анализ показывает, что, с одной стороны, рабочие старшего возраста имеют более высокое, по сравнению с молодёжью, качество специфического человеческого капитала, что выражается в наличии у них более высокого уровня образования и квалификации, а также большего профессионального опыта. С другой стороны, молодёжь в большей степени владеет навыками работы на компьютере. В общем же сравнение качества человеческого капитала рабочих разных возрастов свидетельствует об отсутствии значимых положительных изменений, которые можно было бы ожидать в связи с быстрым развитием технологий производства, требующим постоянного повышения уровня знаний. Скорее наоборот, оно позволяет говорить о постепенной депрофессионализации российских рабочих, возможно связанной с деиндустриализацией страны в 1990–2000-е гг. и с изменением внутренней структуры этой группы в новых условиях.

Отсутствие значимого положительного влияния показателей качества человеческого капитала на уровень оплаты труда рабочих свидетельствует, что повышение его качества не приносит дополнительных рента в данной профессиональной группе. Парадоксальная ситуация: с одной стороны, российский бизнес жалуется на дефицит квалифицированных рабочих кадров, а с другой – не может или не желает стимулировать повышение качества человеческого капитала рабочих.

Выявленное низкое качество человеческого капитала рабочих наблюдается во всех отраслях, включая те, в которых представители данной профессиональной группы составляют большинство занятых в них работников. У большинства рабочих, имеющих профессиональное образование (включая профессиональные курсы), его профиль не совпадает с профилем специальности, по которой они работают. Кроме того, рабочие сравнительно редко включены в процессы получения дополнительного профессионального образования, и почти никто из них не практикует самообразования. К тому же рабочие гораздо чаще, чем, например, руководители и профессионалы, меняют место работы. При этом обесценивается их специфический человеческий капитал, который делает из рядового работника уникального профессионала и накапливается вместе со стажем работы на схожих по функционалу профессиональных позициях и/или на одном предприятии.

Хотя у рабочих нет установок на наращивание своего человеческого капитала и ощущения его необходимости, однако перспектива обретения лучшего (чаще с точки зрения заработной платы или условий труда) места работы заставляет их получать дополнительное образование. Это свидетельствует о том, что при должной мотивации и представители рабочих готовы к повышению качества своего человеческого капитала.

Результаты корреляционного анализа факторов, влияющих на уровень заработной платы рабочих внутри отрасли, показал, что материального стимула к наращиванию качества своего человеческого капитала рабочие в России сейчас не имеют. Все рассматриваемые нами элементы человеческого капитала показали очень слабую взаимосвязь с уровнем индивидуальных доходов в отрасли. Этот факт, а также то, что официальная статистика и социологические данные свидетельствуют о невысокой заинтересованности работодателей в дополнительном профессиональном обучении рабочих, наталкивает на мысль об отсутствии в российской экономике платёжеспособного спроса на рабочих с высоким качеством человеческого капитала. Другими словами, выявленное нами сравнительно невысокое качество человеческого капитала рабочих является закономерной реакцией, формой их адаптации к тем условиям занятости, которые диктуют им работодатели. Однако это не отменяет и того факта, что знания и квалификация не являются в глазах большинства рабочих важными составляющими жизненного успеха и что внутренних побудительных мотивов к их получению у подавляющего большинства российских рабочих нет.

Библиографический список

Аникин В. А. 2009. Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России в 1994–2006 гг. (по материалам RLMS) // Мир России. Т. 18. № 3. С. 114–131.

Бурдые П. 2002. Формы капитала // Экономическая социология. Т. 3. № 5. С. 60–74.

Кремнева Н., Лукьянова Е. 2015. Рабочая профессия: успех или неудача? Восприятие социального положения рабочего в семейном контексте // Интер. № 10. С. 26–38.

Радаев В. В. 2002. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. Т. 3. № 4. С. 20–32.

Российское общество и вызовы времени. Книга третья / Под ред. Горшкова М. К., Тихоновой Н. Е. М.: Весь Мир, 2016. 424 с.

Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации / Указ Президента Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 899 (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 16.12.2015 г. № 623) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33514> [Дата посещения: 18.03.2016].

Becker G. S. 1993. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior // Journal of Political Economy. № 101 (3). P. 385–409.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.399](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.399)

The Human Capital of the Russian Working Class: Status and Factors

Karavay Anastasia Vadimovna

Researcher, Institute for social analysis and forecasting RANEPА; Junior researcher, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: karavayav@yandex.ru

Abstract. Presented in this article are the results of analyzing the main characteristics of general and specific human capital of the Russian working class. Based upon data from the “Russian Longitudinal Monitoring Survey of the population’s economic welfare and health” for the year 2014, it is shown that qualitative changes took place in the beginning of the 1990’s when it came to workers receiving general secondary education, when a 9-year education cycle, which had become as standard for them, effectively eliminated the possibility for them opening a new career path further down the line. The results of this study also bring us to the conclusion that a general de-professionalization of the Russian working class had occurred, since older generations surpass young workers in terms of professional training, while finding a job based on the specialty received at an educational institution is quite a rare thing in this particular professional environment. Advanced training via additional educational programs among workers is more of an exception than a rule. Given these conditions, where the internet has found its way everywhere, and where we are exposed to ever growing

opportunities for receiving knowledge at a distance – quite often for free – the working class has found itself to not be a part of these processes, due mostly to the fact that they lack the attitude for increasing the quality of their human capital. Furthermore, knowledge and qualification are not considered by the majority of Russian workers to be important components for succeeding in life, and even those who do strive towards increasing their human capital choose professional trajectories which are ineffective for this task. This article also shows that all factors associated with human capital in general do not significantly influence workers' wages in any given field. In the end low quality of human capital among the majority of workers is in fact their own reaction to the behavior of their employers, and not only a consequence of their attitude towards their own education. So if employers and even the state are not interested in investing into the working class' human capital, one should not expect them to aspire towards expanding their own knowledge and independently funding their own education, especially given their relatively low income.

Keywords: workers, resources, human capital, the working class, young workers, education, resource-based approach, innovative economy, qualified workforce, additional professional education, modernizing production.

References

Anikin V. A. Tendencii izmenenija social'no-professional'noy struktury Rossii v 1994–2006 gg. (po materialam RLMS) [Trends in the socio-professional structure of Russia in 1994–2006. (On materials of RLMS)]. Mir Rossii, 2009, Vol. 18, no 3, pp. 114–131.

Becker G. S. Nobel Lecture: The Economic Way of Looking at Behavior. Journal of Political Economy, 1993, no 101 (3), pp. 385–409.

Bourdieu P. Formy kapitala [The Forms of Capital]. Ekonomicheskaja sociologija, 2002, Vol. 3, no 5, pp. 60–74.

Kremniova N., Lukianova E. Rabochaja professija: uspeh ili neudacha? Vosprijatie social'nogo polozhenija rabochego v semejnom kontexte [Profession of a Worker: Success or Failure? Perception of Social Position of Worker in a family context]. Inter, 2015, no 10, pp. 26–38.

Ob utverzhdenii prioritetnykh napravlenij razvitija nauki, tehnologii i tehniki v Rossijskoy Fe-deracii i perechnia kriticheskikh tehnologii Rossijskoy Federacii. Ukaz Prezidenta Rossijskoy Federacii ot 7.07.2011 № 899 [On approval of the priority directions of development of science, technology and engineering in the Russian Federation and the list of critical technologies of the Russian Federation. Russian Federation Presidential Decree of July 7, 2011 № 899]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/33514> [date of visit: 18.03.2016].

Radaev V. V. Poniatie kapitala, formy kapitalov i ih konvertacija [The concept of capital, forms of capital and their conversion]. Ekonomicheskaja sociologija, 2002, Vol. 3, no 4, pp. 20–32.

С о ц и а л ь н ы е с л о и и г р у п п ы : п о т е н ц и а л и н н о в а ц и о н н о й а к т и в н о с т и

Непрерывное профессиональное образование и вопросы адаптации педагогов Якутии в современных условиях

Чоросова Ольга Марковна – директор ИНПО СВФУ, профессор кафедры андрагогики, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, Институт непрерывного профессионального образования, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск

E-mail: chorosovaom@mail.ru

Непрерывное профессиональное образование и вопросы адаптации педагогов Якутии в современных условиях

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.400](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.400)

Аннотация. В статье освещаются вопросы непрерывного профессионального образования педагогов, связанные с его адаптивными свойствами в условиях современных трансформаций, его значением в межкультурном взаимодействии и ролью в профессиональном и личностном развитии учителей Республики Саха (Якутия), а также данные социологического опроса педагогов Якутии – участников проекта по дистанционному интерактивному обучению. В статье рассматривается профессиональное самочувствие педагогов в контексте современных трансформационных процессов в непрерывном педагогическом образовании в Республике Саха (Якутия). В данном аспекте интерес представляет сравнительный подход в исследовании современного состояния системы непрерывного профессионального образования взрослых Северо-Востока РФ, РС(Я) и стран циркумполярного Севера (США – штат Аляска, Канада): образовательных организаций-членов Университета Арктики. Сравнительное исследование профессионального и личностного самочувствия педагогов общеобразовательных школ в Якутии (начального, основного, старшего уровней) и странах циркумполярного Севера для последующей разработки стратегии развития региональной интегративной системы непрерывного педагогического образования как одного из механизмов эффективной организации приспособительного процесса в современных условиях представляются как нельзя более актуальными. Для сравнения результатов использовался и инструментарий социологических опросов 2000-х гг., использовавшийся в исследованиях: «Изучение профессионального и социального самочувствия учителей РС(Я)» (2000 г., О. М. Чоросова, А. С. Постников); «Учитель в изменяющемся обществе» (2005 г., О. М. Чоросова, У. А. Винокурова, Р. Е. Герасимова). Мы можем видеть достаточно большой разброс мнений в ответах на вопросы – от очень высокой оценки до крайне отрицательной. Анонимность ответов не позволяет установить возможные причины этого явления: нам неизвестны возраст, стаж и должность отвечавшего, что позволило бы говорить, например, с точки зрения возраста и стажа, о недостаточной адаптации молодого специалиста в профессии или, напротив, о симптомах эмоционального «выгорания» для педагогов старшей возрастной группы с большим педагогическим стажем. Но, несмотря на это, определённую картину полученные ответы дают, и это объективная картина, так как показывает всю гамму отношений и оценок педагогов, включая и абсолютную индифферентность, эмоциональное равнодушие по отношению к своей профессии.

Ключевые слова: образование взрослых, адаптация, непрерывное профессиональное образование, культура, ценность, развитие, сравнительное исследование, образование как ценность

Актуальные вопросы образования взрослых в современных условиях связаны с осмыслением образования как ценности, с определением его роли и места в межкультурном взаимодействии; его адаптивных свойств в условиях глобализации, информатизации, усиления промышленного освоения территории Северо-Востока страны, в том числе Республики Саха (Якутия). Образование интерпретируется и как компонент культуры, и одновременно как средство трансляции её смыслов, с помощью которых человек не только адаптируется к условиям общества, но и способствует дальнейшему развитию культурного потенциала [Illeris 2007]. Особенностью состояния современного научного познания является то, что образование рассматривается исследователями не только как один из основных способов вхождения человека в мир культуры и средство социализации личности, но и как качественный ускоритель социокультурных перемен в обществе, обеспечивающий баланс между культурной преемственностью и культурной изменчивостью [Кучерук 2011].

Результатом подобного подхода стало исследование проблем современного образования с культурологических позиций, предпринятое Н. Г. Агаповой [Агапова 2008], И. В. Бестужевым-Ладой [Бестужев-Лада 2002], М. С. Каганом [Каган 1996], Ю. М. Лотманом [Лотман 1992; Лотман 1994] и др. В разное время отдельным аспектам вопросов о роли и значении образования в развитии общества, в системе национальных культурных ценностей и др. уделяли внимание как учёные-философы, педагоги, психологи, так и общественные и политические деятели Республики Саха (Якутия): Д. А. Данилов, Е. П. Жирков, В. Д. Михайлов, Е. И. Михайлова, А. П. Оконешникова, О. М. Чоросова и др. (см. работы авторов в Библиографическом списке).

В настоящее время во всём мире протекают процессы изменения традиционной среды жизнедеятельности человека, в свою очередь актуализирующие проблему его адаптации к изменяющимся условиям. Для проблемы социальной адаптации характерна не только теоретическая, но и многоаспектная прикладная актуальность. «XXI век – это столетие, которое, без всякого преувеличения, призвано воплотить глобальную адаптивную парадигму, под которой понимается великое приспособление глобальной цивилизации к жёстким требованиям эпохи «устойчивого развития» и «мультицивилизационного консенсуса» [Совет Европы... 1996: 11].

Образование и образованность на уровне ментальности якутского народа всегда занимали важное место в системе ценностей всех социальных слоёв, воспринимались как необходимое условие повышения качества своей жизни, как с точки зрения профессиональной карьеры (социальный статус), улучшения материального положения, так и личностной самооценки. Несмотря на отсутствие в якутском языке слов,

Образование рассматривается исследователями не только как один из основных способов вхождения человека в мир культуры и средство социализации личности, но и как качественный ускоритель социокультурных перемен в обществе, обеспечивающий баланс между культурной преемственностью и культурной изменчивостью.

Образование и образованность на уровне ментальности якутского народа всегда занимали важное место в системе ценностей всех социальных слоёв, воспринимались как необходимое условие повышения качества своей жизни.

в буквальном переводе означающих «педагог», есть исконно якутские слова *билии* – знание, *үөрэх* – учёба, *үөрэтии* – обучение, учение, *өйү тобулуу* – развитие мышления, *дьоьуру сайыннарыы* – развитие способностей и др. Слово *учуутал* – заимствованное из русского языка, появилось в якутском языке с появлением первых церковно-приходских школ на территории Якутии приблизительно с XVIII в.

На особенности геообразовательной политики Республики Саха (Якутия) как региона России влияют объективные факторы, характерные для российского образовательного пространства: признание образования как императива развития гражданского общества и личности в изменяющемся обществе; признание ведущей роли дополнительного профессионального образования в контексте непрерывного образования в связи с социально-экономическими трансформациями, происходящими во всём мире; расширение разнообразия и доступности образования для всех и др.

Методы исследования

В контексте научной проблемы, решаемой в рамках данного направления, важное значение имеет такой её аспект, как роль и значение образования, в том числе непрерывного профессионального образования взрослых как одного из значимых факторов эффективной адаптации населения Северо-Востока России в современных условиях. Это предполагает рассмотрение образования как ценности в историческом контексте (отношение к образованию в Якутии в дореволюционный период; в советскую эпоху; постсоветский период; трансформация парадигмальных ориентаций образования Республики Саха (Якутия) и отношения к нему в конце XX – начале XXI в.); современное образование как культурный императив развития гражданского общества: роль образования (в том числе непрерывного профессионального образования) в процессах межкультурного взаимодействия, взаимовлияния, межкультурных интегративных процессов, а также в трансформации традиционных ценностей, личности как субъекта продуктивной деятельности. В данном аспекте интерес представляет сравнительный подход в исследовании современного состояния системы непрерывного профессионального образования взрослых Северо-Востока РФ, РС(Я) и стран циркумполярного Севера (США – штат Аляска, Канада): образовательных организаций-членов Университета Арктики. В связи с этим среди основных направлений исследований в контексте современных трансформационных процессов, происходящих в сфере дополнительного профессионального образования, несомненный научный интерес, на наш взгляд, представляют следующие:

- определение, обоснование и аргументирование парадигмальной ориентации современного образования при ориентированности личности, социума на образование на протяжении всей своей жизни (LLL): преимущественная ориентированность на один из основных типов бытия – культуру, общество, человека (как индивида, личность или индивидуальность) или природу (реализацию задатков и так называемых врожденных потребностей и способностей);

- изучение психолого-педагогических особенностей образования взрослых: сравнительный аспект (Республика Саха (Якутия), штат Аляска, США); в перспективе – охват исследованием Канады и, возможно, других стран циркумполярного Севера;

- изучение социально-экономических реалий Северо-Востока России на примере Республики Саха (Якутия) и их влияния на профессиональное и личностное самочувствие взрослого трудоспособного населения: социологический аспект (коренное население Севера, прежде всего проживающее на территории 13 арктических улусов (районов), в том числе Аллаиховского, Анабарского национального (Долгано-Эвенкийского), Булунского улусов, Нижнеколымского района, Усть-Янского улуса и др.

С этой точки зрения, сравнительное исследование профессионального и личностного самочувствия педагогов общеобразовательных школ в Якутии (начального, основного, старшего уровней) и странах циркумполярного Севера (США – штат Аляска, Канада) для последующей разработки стратегии развития региональной интегративной системы непрерывного педагогического образования как одного из механизмов эффективной организации приспособительного процесса в современных условиях представляется как нельзя более актуальным. В основу данного исследования будут положены принципы сравнительного анализа. Подобный социологический опрос проведён Университетом Аляски (Анкоридж), партнёром Северо-Восточного федерального университета в предыдущие годы [Hirshberg, Worl 2010; Hirshberg, Hill, Kasemodel 2014], есть опубликованные данные исследования, проводившегося Stacy Bradley и Martin Drapeau (Квебек, Канада) [Bradley, Drapeau 2013: 153–159]. Анализ данных социологического опроса в Якутии, обобщение результатов сравнительного изучения планируется завершить в конце первого полугодия 2016 г.

Современное состояние учительства: оценка педагогов

Сегодня предметом внимания исследователей становятся разные аспекты профессиональной педагогической деятельности, также необходимы всестороннее осмысление предше-

ствующего опыта реформ, оценка происходящих процессов обновления, что и позволит судить о характере этих изменений. С этой точки зрения, нас интересует профессиональное отношение к этим процессам учительства и педагогической общественности Республики Саха (Якутия), а также выявление эмоционально-личностной оценки педагогами определённых сторон своей профессии.

Результаты проведённого опроса таковы: из более чем 6000 обучившихся за 2013/2014 уч. г. по дополнительным профессиональным программам были опрошены 500 чел., 75,2% из которых отмечают своё позитивное отношение к дополнительному профессиональному образованию.

Для сравнения результатов использовался и инструментарий социологических опросов 2000-х гг., применявшийся в исследованиях: «Изучение профессионального и социального самочувствия учителей РС(Я)» (2000 г., О. М. Чоросова, А. С. Постников); «Учитель в изменяющемся обществе» (2005 г., О. М. Чоросова, У. А. Винокурова, Р. Е. Герасимова). Информация, основанная на полученных результатах, отражала социальное положение учителей, безусловно, с учётом места их жительства (село/город), их эмоционально-психологическое, соматическое состояние и самоощущение. Например: «Учитель не свободен от условий, в которых он живёт и работает, но свободен занять ту или иную позицию по отношению к ним» [Учитель в меняющемся обществе... 2006: 14]. Данное социологическое исследование преследовало цель анализа духовно-нравственных последствий реформ в образовании и обществе в целом, динамики социального положения учителей республики, их социальных установок и ценностей как следствия социальных реформ, а также изучения перспектив и стратегий повышения социального статуса учительской профессии на фоне общей картины в России. Если в начале 1990-х гг. рыночные реформы с их культом чисто денежной составляющей жизненного успеха существенно подорвали престиж образования, который долгое время был достаточно высоким, то уже в середине 1990-х гг. под воздействием разочарований, порождённых негативными результатами реформ, цивилизационная ориентация российского общества стала меняться: успешность начинает устойчиво ассоциироваться со стремлением к интеллектуальному развитию, культуре и определённой духовной фундаментальности, и, таким образом, назрела необходимость образовательных реформ. В 2005 г. в результате исследования, проведённого Институтом повышения квалификации работников образования Республики Саха (Якутия), зафиксирован первый этап становления новой социально-педагогической позиции учительства, для которого характерны осознание социально-политических изменений в обществе, возможностей нового типа поведения в школе на основе принципов свободы, самостоятель-

Уже в середине 1990-х гг. под воздействием разочарований, порождённых негативными результатами реформ, цивилизационная ориентация российского общества стала меняться: успешность начинает устойчиво ассоциироваться со стремлением к интеллектуальному развитию, культуре и определённой духовной фундаментальности.

ности и личной ответственности, изживание прежних запретов и собственного страха наказаний за инновационную деятельность; обретение уверенности в праве на иные социально-профессиональные взгляды и поведение [Учитель в меняющемся обществе.... 2006].

Для определения профессионального и личностного самочувствия учителя в условиях современных трансформационных процессов в образовании был проведён онлайн-опрос 190 педагогов-участников проекта «Дистанционное интерактивное обучение педагогов образовательных организаций Республики Саха (Якутия) английскому языку преподавателями-носителями языка». Целью опроса стало выявление отношения педагогов к качеству и доступности образования Республики Саха (Якутия), а также их профессионально-ценностных ориентаций.

Из 190 педагогов 73 – жители Якутска. 117 педагогов – представители 10 улусов и районов РС(Я). Из общего количества 167 – учителя английского языка, остальные – педагоги дополнительного образования (ДО), воспитатели, специалисты и другие работники системы образования. Мужчин – 12 человек, женщин – 178.

Отвечая на вопросы первого блока, педагоги выразили своё отношение к современному состоянию образования Республики Саха (Якутия). Свою оценку они высказывали, ориентируясь на 2 критерия – качество в соотношении с прошлым и доступность.

Так, из 182 ответов на вопросы «Как вы оцениваете качество образования в РС(Я) на данный момент?» и «Как это соотносится с качеством образования в РС(Я) в прошлом?» сложилась следующая картина (см. рис. 1, 2).

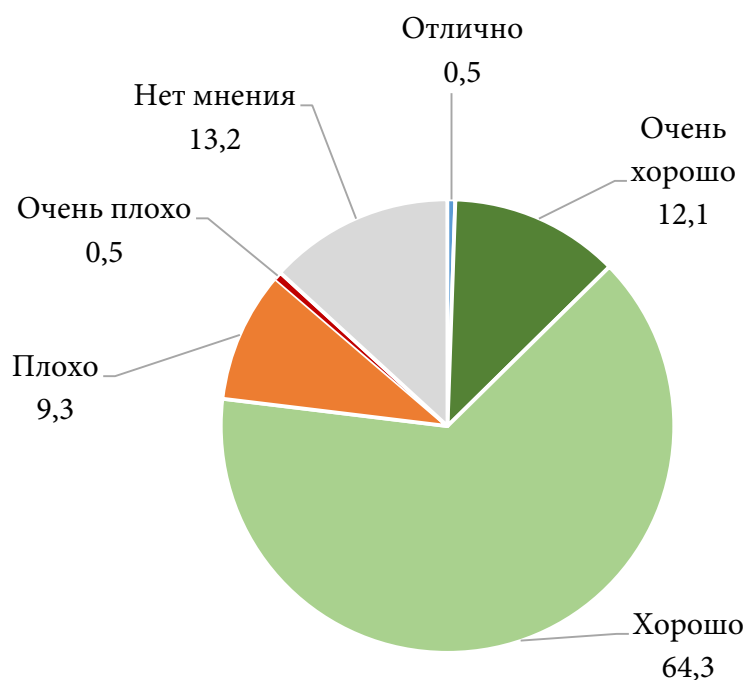

Рис. 1. Отношение педагогов к качеству образования в республике. Распределение ответов на вопрос: «Как вы оцениваете качество образования в РС(Я) на данный момент?», доли в %

Чуть больше половины опрошенных (54,9%) считают, что сегодня качество образования в РС(Я) лучше, чем в прошлом.

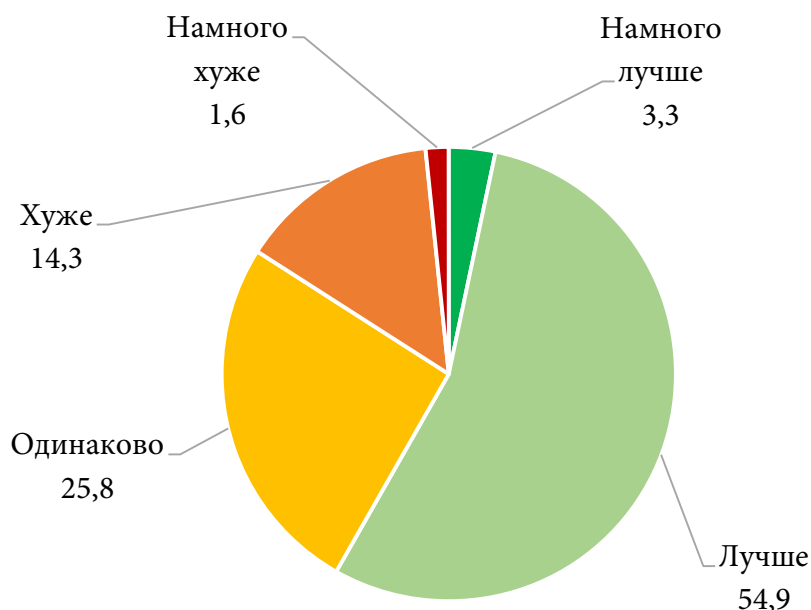

Рис. 2. Оценка педагогами качества современного образования в сравнении с прошлым. Распределение ответов на вопрос: «Как это соотносится с качеством образования в РС(Я) в прошлом?», доли в %

Как видим, среди ответов на первый вопрос есть два прямо противоположных: 1 респондент даёт оценку качеству образования в РС(Я) как «отлично», 1 – как «очень плохо». 140 педагогов высоко оценивают качество образования в республике – «отлично», «очень хорошо», «хорошо» (соответственно, 1, 22 и 117). Настораживает, что у 24 педагогов нет на этот счёт никакого мнения.

Чуть больше половины – 100 педагогов (54,9%) – считают, что сегодня качество образования в РС(Я) лучше, чем в прошлом.

Доступность образования оценили также 182 педагога (см. рис. 3).

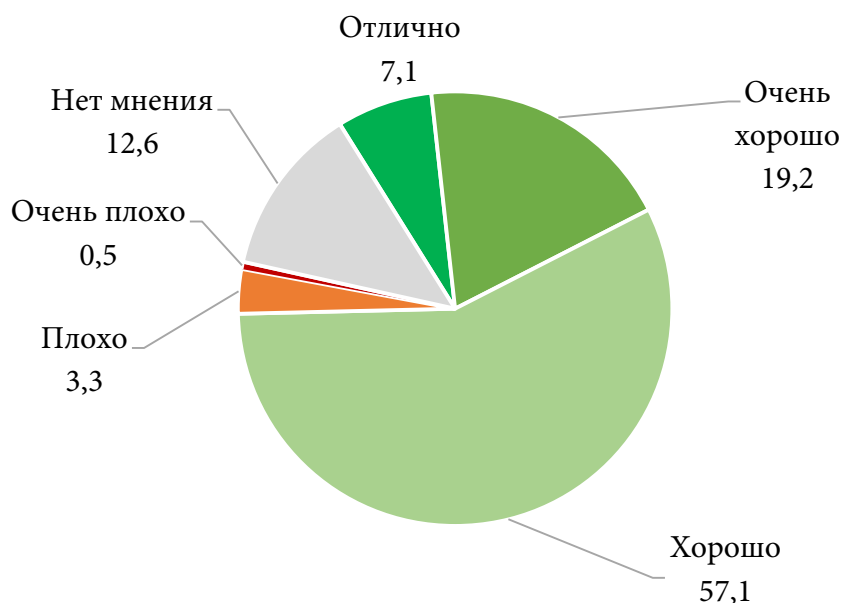

Рис. 3. Оценка педагогами доступности образования в РС(Я), доли в %

К оценке доступности образования также имеет отношение вопрос о том, какие группы населения РС(Я) имеют трудности или преимущества в получении образования (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наличие трудностей или преимуществ
в получении образования группами населения

Группы населения	Действительно имеют преимущества	Нет преимуществ	Имеют некоторые трудности	Имеют значительные трудности	Нет мнения
Городские жители	116	10	17	4	11
Сельские жители	14	29	95	9	11
Люди с ограниченными возможностями	11	3	78	60	6
Кочующие люди	9	11	28	95	15

Если сравнить соотношение отрицательных ответов на предложенные вопросы данного блока, то вырисовывается следующая картина: совершенно не имеют никакого мнения по поводу предложенных вопросов от 6 до 24 педагогов. Негативное отношение к системе образования у 9,8% респондентов (18, 29 и 7 отрицательных ответов на первые три вопроса).

С точки зрения трудностей или, напротив, преимуществ в получении образования, подавляющее большинство педагогов (116) считают, что такими преимуществами, несомненно, обладают городские жители. Некоторые трудности в получении образования, по мнению 95 респондентов, испытывают сельские жители. 138 педагогов считают, что людям с ограниченными возможностями трудно (49,4%) и очень трудно (37,9%) получить желаемое образование. При этом 11 педагогов указали, что данная группа населения, напротив, имеет преимущества. В отношении кочующих людей 9 респондентов указали на наличие преимуществ для них в этой сфере, а 95 (60,1%) отметили значительные трудности.

Большую заинтересованность позволяет выявить анкета, вопросы которой имеют прямое отношение к непосредственной профессиональной деятельности педагогов. В таблице 2 показано распределение ответов (число ответивших респондентов) на предложенные вопросы.

Таблица 2

Педагог о своей профессии

Какие из нижеперечисленных высказываний наиболее близко отвечают Вашим профессионально-ценностным ориентациям. Пожалуйста, отметьте, насколько Вы согласны или не согласны со следующими высказываниями

Суждение	Категорически не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Эффективный/хороший учитель всегда показывает правильный способ разрешения проблемы	10	35	83	54
2. Когда я говорю о неуспеваемости, я прежде всего имею в виду знания и компетенции ученика в сравнении с его/её предыдущими достижениями	2	38	91	51
3. Моя роль как учителя заключается в способствовании познавательной деятельности ученика	2	8	69	103
4. Учителя знают намного больше учеников; они не должны позволять ученикам развивать решения, которые могут быть ошибочными. В такой ситуации учителю лучше объяснить правильное решение напрямую всему классу	60	75	42	5
5. Ученики учатся наиболее эффективно в ходе самостоятельного поиска решения задач	3	10	73	96
6. В основе школьной программы должны лежать темы/проблемы, которые имеют чёткое, правильное решение, и идеи, которые могут быть усвоены большинством учеников быстро и без особых усилий	26	72	68	16
7. Способность учеников к знаниям определяется количеством фактического материала, которым он/она владеет – именно поэтому обучение фактам так необходимо	14	89	73	6

Продолжение таблицы 2

Суждение	Категорически не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Полностью согласен
8. Ученикам должно быть позволено самостоятельно искать решение проблем перед тем, как учитель даст правильный ответ	1	6	64	111
9. Когда я говорю о «хорошей успеваемости», я имею в виду уровень успеваемости ученика в сравнении с его/её предыдущими достижениями	2	28	105	47
10. Абсолютная тишина в классе – залог эффективного обучения	42	99	30	11
11. Умение мыслить и аргументировать более важно, нежели информационное содержание программы	3	16	92	71

Ответы от «категорически не согласен» до «полностью согласен» позволяют выявить в отношении педагога к своей профессии, к ученикам наличие определённых позиций, которые, в свою очередь, дают возможность судить об определённых качествах, таких, как *авторитаризм, субъект-объектные отношения*: ответ № 10 – 41 респондент выразил согласие с данным суждением; № 5 – 13 педагогов не согласились с суждением; предпочтение *субъект-субъектных взаимоотношений*: ответ № 3 – согласны 69 (37,9%) и 103 респондента (56,6%); *реализация в профессиональной деятельности личностного подхода к обучающимся*: ответы № 2 и 9 – 142 и 152 педагога (78,02 и 83,5% соответственно); № 8 – 175 педагогов (96,1%).

Чуть более четверти всех отвечавших педагогов, тем не менее, предпочитают авторитарный стиль в своей педагогической практике фактологическому и понятийному содержанию обучения своему предмету, и подавляющее большинство педагогов высказали согласие с утверждением, что эффективность их работы зависит от необходимости показывать правильное решение проблемы учителем, а не организовывать самостоятельный поиск учащимися её решения.

Об искренности отвечавших можно судить по ответам на вопросы №2 и №9 – соотношение несогласия с суждениями: 40 к 30 из 182 педагогов, т. е. можно полагать об искренности ответов.

Чуть более четверти всех отвечавших педагогов предпочитают авторитарный стиль в своей педагогической практике фактологическому и понятийному содержанию обучения своему предмету.

Заключение

Таким образом, мы видим достаточно большой разброс мнений в ответах на вопросы – от очень высокой оценки до крайне отрицательной. Анонимность ответов не позволяет установить возможные причины этого явления: нам не известны возраст, стаж и должность отвечающего, которые позволили бы говорить, например, с точки зрения возраста и стажа о недостаточной адаптации молодого специалиста в профессии, или, напротив, о симптомах эмоционального «выгорания» для педагогов старшей возрастной группы с большим педагогическим стажем. Но, несмотря на это, определённую картину полученные ответы дают, и это объективная картина, так как показывает всю гамму отношений и оценок педагогов, включая и абсолютную индифферентность, эмоциональное равнодушие по отношению к своей профессии. Это даёт нам основание предполагать наличие довольно высокого процента случайных людей в профессии, которые, возможно, осознали ошибочность своего выбора только на данном этапе своей жизни. Об этом свидетельствует то, что данные респонденты, не пытаясь приукрасить своё отношение к образованию, открыто заявляют свое равнодушие, данный вопрос их никак не волнует, следовательно, вопрос, как сделать образование лучше, для них также не актуален. Это ни в коем случае не говорит о том, что эта группа респондентов – плохие учителя, так как, несмотря на отсутствие призвания, можно быть хорошим профессионалом в любой сфере, и данный опрос никак не ориентирован на выявление «хороших» и «плохих» педагогов.

Таким образом, проведённый анонимный онлайн-опрос среди педагогов-участников проекта позволил составить определённую картину по отношению педагогов к качеству и доступности образования Республики Саха (Якутия), а также по определённым предпочтениям учителей в своей непосредственной профессиональной деятельности. Предстоит большая работа для получения полной картины по оценке педагогами Республики Саха (Якутия) своего профессионального, личного самочувствия, социального статуса, возможностей для саморазвития, в целом качества своей жизни. При этом сравнение с результатами исследования, проводимого в данный момент в Республике Казахстан, а также аналогичного опроса, проведённого среди педагогов в штате Аляска (США), безусловно, прояснит некоторые общие проблемы, характерные для развития образования взрослых в России и за рубежом, выявит общие и специфические черты в тенденциях и перспективах развития непрерывного профессионального образования педагогов.

Исследование дало основание предполагать наличие довольно высокого процента случайных людей в профессии, которые, возможно, осознали ошибочность своего выбора только на данном этапе своей жизни.

Библиографический список

Агапова Н. Г. 2008. Парадигмальные ориентации и модели современного образования (системный анализ в контексте философии культуры): монография. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина. 364 с.

Бестужев-Лада И. В. 2002. Социальное прогнозирование. Курс лекций. М.: Педагогическое общество России. 392 с.

Данилов Д. А. 2003. Региональные проблемы подготовки педагогических кадров: организационно-педагогические основы. Новосибирск. 160 с.

Европейский опыт признания профессиональных квалификаций, полученных в результате неформального и спонтанного обучения / Авт.-сост. О. В. Дехтяренко и др.; под ред. Э. М. Калицкого; пер. с англ. Минск: РИПО, 2011. 140 с.

Жилбаев Ж. О. 2015. Субъект межкультурного взаимодействия: возможные модели формирования // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия Педагогика 2015 № 1 (77). Караганда: Издательство КарГУ. С. 31–33.

Жирков Е. П. 1992. Как возродить национальную школу. Шаги Республики Саха (Якутия): статьи и материалы. М.: Просвещение. 239 с.

Каган М. С. 1996. Философия культуры: учеб. пос. СПб. 416 с.

Качественное дополнительное профессиональное образование взрослых как социальная ответственность федерального университета: монография / Под. ред. Е. И. Михайловой, О. М. Чоросовой и др. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2015. 388 с.

Кучерук И. В. 2011. Трансформация отечественного образования в контексте диалога культур России и США: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Саратов. 44 с.

Лотман Ю. М. 1994. Беседы о русской культуре. СПб.: Искусство. 414 с.

Лотман Ю. М. 1992. Культура и взрыв. М.: Прогресс, Гнозис. 272 с.

Михайлов В. Д. 1996. Социально-философские основания гражданского согласия (общетеоретические подходы и региональная практика): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: специальность 09.00.11 – Социальная философия. Якутск. 44 с.

Михайлова Е. И. 1999. Развитие системы образования в Республике Саха (Якутия). Якутск: Изд-во Департамента НиСПО МО РС (Я). 150 с.

Оконешникова А. П. 1990. Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга. Пермь: ИПК «Звезда». 406 с.

Совет Европы: Симпозиум по теме «Ключевые компетенции для Европы»: Докл. DECS / SC / Sec (96) 43. Берн, 1996.

Современные системы образования: осмысление опыта управления в условиях реформирования / Под. ред. Е. И. Михайловой, С. Мамчак, Ст. Мамчак, О. М. Чоросовой. Якутск, 2013. 656 с.

Субетто А. И., Иманов Г. М. 2007. Образовательное общество как форма реализации стратегии развития образования в XXI веке: научная монография. СПб.: Смольный университет РАО, Изд-во «Астерион». 302 с.

Учитель в изменяющемся обществе / Под ред. О. М. Чоросовой, Р. Е. Герасимовой, Е. С. Никифоровой, Ф. И. Алексеевой; ГОУ ИПКРО им. С. Н. Донского-П. Якутск, 2006. 104 с.

Чоросова О. М., Соломонова Г. С. 2015. Социологическое исследование «Дополнительное профессиональное образование в условиях современных трансформаций и их влияние на качество жизни педагогов (сравнительный аспект: на примере Республики Саха (Якутия) и Республики Казахстан)»: анкеты и тесты. 2-е изд., испр. Якутск: Издательский дом СВФУ. 24 с.

Bradley S., Drapeau M. 2013. Quebec Psychologists and Continuing Education // Canadian Psychology. Psychologie canadienne. Vol. 54. № 3. P. 153–59.

Freire P. 1973. Education for Critical Consciousness. London: Writers and Readers Publishing Cooperative. 164 p.

Hirshberg D., Worl R. 2010. Social Constructions and Education Policy: A Look at the Early Days of Formal Schooling for Indigenous Peoples in Alaska. Paper presented at the Pacific Sociological Association annual meeting, Oakland, CA.

Hirshberg D., Hill L., Kasemodel C. 2014. Will They Stay or Will They Go? Teacher Perceptions of Working Conditions in Rural Alaska. Paper presented at American Educational Research Association annual meeting, Philadelphia, PA.

Illeris K. 2007. How We Learn: Learning and Non-learning in School and Beyond. London: Routledge. 289 p.

Jarvis P. 2010. Adult Education and LifeLong Learning: theory and practice. 4th ed. London: Taylor & Francis Ltd. 352 p.

Kazepides A. C. 2010. Education as Dialogue: it's prerequisites and it's enemies. Canada: McGill-Queen's University Press. 214 p.

Psycho-pedagogical foundations of individual spiritual and moral development in the ethnocultural space / Ed. Zh. O. Zhilbaeva. Astana, 2014. 168 p.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.400](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.400)

Yakutian Teachers' Continuous Professional Education and Adaptation Issues in Current Conditions

Chorosova Olga Markovna

Candidate of psychological sciences in, Doctor of pedagogical sciences, Professor of the Department of Andragogy, Director of Institute of Continuing Professional Education, Institute of Continuing Professional Education, North-Eastern Federal University. Yakutsk, Russia. E-mail: chorosovaom@mail.ru

Abstract. This article sheds light on such issues as teachers' continuous professional education, associated with the latter's adaptation qualities in current conditions of transformation, its significance when it comes to intercultural collaboration, and its role in the professional and personal growth of teachers from the Sakha Republic (Yakutia); also cited is data from a sociological survey conducted

among Yakutian teachers who took part in a remote interactive training program. This article examines such issues as teachers' professional health within the context of current transformational processes associated with continuous teacher training in the Sakha Republic (Yakutia). In this respect, a comparative approach towards examining the current state of continuous professional training for adults from north-east Russia, the Sakha Republic (Yakutia) and northern circumpolar states (the US state Alaska, Canada; educational institutions – members of the University of the Arctic) presents some interest. A comparative study of the professional and personal health of teachers who work at schools in Yakutia (elementary, general and senior levels), as well as in northern circumpolar states, with the aim to subsequently work out a strategy for developing a regional integrative system of continuous pedagogical training as one of the mechanisms for effectively organizing the process of adapting to modern conditions, looks to be relevant indeed. In order to compare the results, a set of tools was used from sociological surveys conducted in the 2000's, specifically – the one used in the following studies: "Examining the professional and personal health of teachers from the Sakha Republic (Yakutia)" (2000, O. M. Chorosova, A. S. Postnikov); "Teachers in an evolving society" (2005, O. M. Chorosova, U. A. Vinokurova, R. E. Gerasimova). We can observe rather drastically differing opinions when examining the answers given to questions – ranging from high appreciation to extremely negative assessments. Since the poll was anonymous, it is impossible to determine the possible reasons for such an effect: we know nothing about the age, work record or position of the respondents, which would have, based on age and experience, allowed us to claim that young specialists have not adapted sufficiently to their profession, or, on the contrary, that older and more experienced teachers have demonstrated symptoms associated with emotional "burnout". Despite this, the answers that were obtained do paint a certain picture, and an objective one at that, since it shows the entire spectrum of teachers' attitudes and opinions, including complete indifference, emotional disregard for their profession.

Keywords: adult education, adaptation, continuous professional education, culture, value, growth, comparative study, education as an asset.

References

Agapova N. G. Paradigmalye orientacii i modeli sovremennogo obrazovaniya (sistemny analiz v kontexte filosofii kul'tury) [Paradigm Orientation and Model of Modern Education (System Analysis in the Context of the Philosophy of Culture): monograph]. Riazan, S. A. Esenin Riazan State Univ., 2008. 364 p.

Bestuzhev-Lada I. V. Social'noe prognozirovaniye. Kurs lekciy [Social Forecasting. Lecture Course]. Moscow, Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii, 2002. 392 p.

Bradley S., Drapeau M. Quebec Psychologists and Continuing Education. Canadian Psychology. Psychologie canadienne, 2013, Vol. 54, no 3, pp. 153–59.

Chorosova O. M. and others. Uchitel' v izmeniajushchemsia obshchestve [Teacher in a Changing Society]. Yakutsk, GOU IPKRO im. S. N. Donskogo-II, 2006. 104 p.

Chorosova O. M., Solomonova G. S. Sociologicheskoe issledovanie «Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviyah sovremennykh transformaciy i ih vliyanie na kachestvo zhizni pedagogov (sravnitel'ny aspekt: na primere Respubliki Sakha (Yakutija) i Respubliki Kazakhstan)»: ankety i testy [Sociological Research "Additional Professional Education in Contemporary Transformations and their Impact on the Quality of Life of Teachers (Comparative Aspect: the Example of the Republic of Sakha (Yakutia) and the Republic of Kazakhstan)" Questionnaires and Tests]. Second Edition. Yakutsk, NWFU, 2015. 24 p.

Danilov D. A. Regional'nye problemy podgotovki pedagogicheskikh kadrov: organizacionno-pedagogicheskie osnovy [Regional Problems of Teachers' Training: Organizational and Pedagogical Bases]. Novosibirsk, 2003. 160 p.

Freire P. Education for Critical Consciousness. London, Writers and Readers Publishing Cooperative, 1973. 164 p.

Hirshberg D., Hill L., Kasemodel C. Will They Stay or Will They Go? Teacher Perceptions of Working Conditions in Rural Alaska. (Paper presented at American Educational Research Association annual meeting, Philadelphia, PA). 2014.

Hirshberg D., Worl R. Social Constructions and Education Policy: A Look at the Early Days of Formal Schooling for Indigenous Peoples in Alaska. (Paper presented at the Pacific Sociological Association annual meeting, Oakland, CA). 2010.

Illeris K. How We Learn: Learning and Non-learning in School and Beyond. London: Routledge, 2007. 289 p.

Jarvis P. Adult Education and LifeLong Learning: theory and practice. 4th edition. New York, 2010. 352 p.

Kachestvennoe dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie vzroslykh kak social'naja otvetstvennost' federal'nogo universiteta [Qualitative Additional Adult Education as a Social Responsibility of the Federal University: Monograph]. Ed. by E. I. Mihailova, O. M. Chorosova. Yakutsk, NWFU, 2015. 388 p.

Kagan M. S. Filosofija kul'tury [Philosophy of Culture]. Saint-Petersburg, 1996. 416 p.

Kazepides A. C. Education as Dialogue: it's prerequisites and it's enemies. Tasos Kazepides. Canada, McGill-Queen's University Press. 2010. 214 p.

Kucheruk I. V. Transformacija otechestvennogo obrazovanija v kontexte dialoga kul'tur Rossii i USA: avtoref. dis. Doct. In Culturology [Transformation of national education in the context of the dialogue between Russia and the US cultures]. Saratov, 2011. 44 p.

Lotman Y. M. Besedy o russkoy kul'ture [Conversations about Russian Culture]. Saint-Petersburg, Iskusstvo, 1994. 414 p.

Lotman Y. M. Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. Moscow, Progress, Gnozis, 1992. 272 p.

Mihailov V. D. Social'no-filosofskie osnovanija grazhdanskogo soglasija (obscheteoreticheskie podhody i regional'naja praktika) [Socio-philosophical Foundation of Civil Harmony (General Theoretical Approaches and Regional Practice)]: avtoref. dis. Philosophy Doctor in 09.00.11. Social Philosophy. Yakutsk, 1996. 44 p.

Mihailova E. I. Razvitie sistemy obrazovanija v Respublike Sakha (Yakutija) [Development of Education in the Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk, NiSPO MO RS (Yak) Publ., 1999. 150 p.

Okoneshnikova A. P. Mezhetnicheskoe vosprijatie i ponimanie liud'mi drug druga [Interethnic Perception and Understanding of other People]. Perm: IPK «Zvezda», 1990. 406 p.

Psycho-pedagogical foundations of individual spiritual and moral development in the ethnocultural space. Ed. by Zh. O. Zhilbaev. Astana (Kazakhstan), 2014. 168 p.

Sovet Evropy: Simpozium po teme «Kliuchevye kompetencii dlja Evropy» [European Council Symposium on "Key Competencies for Europe"]: Report of DECS / SC. Sec. Doc. (96) 43. Bern (Switzerland), 1996.

Sovremennye sistemy obrazovanija: osmyslenie opyta upravlenija v uslovijah reformirovanija [Modern Education System: Understanding of Management Experience in the Conditions of Reforming]. Ed. by E. I. Mihailov, S. Mamchak, St. Mamchak, O. M. Chorosova. Yakutsk, 2013. 656 p.

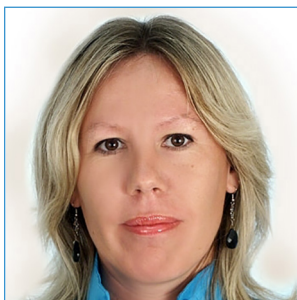
Subetto A. I., Imanov G. M. Obrazovatel'noe obschestvo kak forma realizacii strategii razvitija obrazovanija v XXI veke [Educational Community as a Form of Implementation of the Education Development Strategy in the XXI century: a Scientific Monograph]. Saint-Petersburg, Smol'ny universitet RAO, «Asterion» publ., 2007. 302 p.

Zhilbaev Zh. O. Subjekt mezhkul'turnogo vzaimodeystvija: vozmozhnye modeli formirovanija [Subject of Intercultural Cooperation: Possible Models of Formation]. Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Pedagogika, 2015, no 1 (77), pp. 31–33.

Zhirkov E. P. Kak vozrodit' nacional'nuju shkolu. Shagi Respubliki Sakha (Yakutija): stat'i i materialy [How to Revive a National School. Steps of the Republic of Sakha (Yakutia): Articles and Materials]. Moscow, Prosveschenie, 1992. 239 p.

Т е р р о р и з м в с о ц и о л о г и ч е с к о м и з м е р е н и и

Ж е н щ и н ы и т е р р о р : у ч а с т и е ж е н щ и н в т е р р о р и с т и ч е с к о м д в и ж е н и и

Ильченко Оксана Юрьевна – кандидат
социологических наук, доцент кафедры
социальных наук, Школа гуманитарных наук
Дальневосточного федерального университета,
Владивосток

E-mail: ilchenjo.oyu@dvfu.ru

Женщины и террор: участие женщин в террористическом движении

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.402](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.402)

Аннотация. В статье рассмотрена проблема участия женщин в террористической деятельности. Одной из отличительных черт новой волны терроризма, начавшейся с конца XX века и продолжающейся до сих пор, является активное привлечение женщин к террористической деятельности. В статье приводится анализ социологических исследований, посвящённых участию женщин в терроре, описывается социальный портрет женщины-смертницы. Кроме того в статье раскрываются особенности мотивации женщин, участвующих в террористической деятельности. В научной литературе существуют два прямо противоположных мнения по поводу мотивов поведения женщин-террористок: одни ставят знак равенства между женской и мужской мотивацией терроризма, другие считают, что природа женского терроризма значительно отличается от мужского. При этом многие объяснения используются как штампы, переходящие из одной публикации в другую. На основе данных социологических исследований автором предложены две группы мотивации женщин-террористок. Показано, что в первую группу объединены мотивы самостоятельного решения женщин о присоединении к террористическому движению (особенности психоэмоциональной сферы, желание заработать, развитие феминизма и стремление к самоутверждению). Вторую группу составляют мотивы принудительного вступления женщин в террористические организации (шантаж, прямое принуждение мужа, религиозного лидера, манипуляции желанием отомстить за потерю близкого человека, наркотическое и психотропное опьянение). Автор приходит к выводу, что независимо от особенностей мотивации женщин-террористок, смертницы – это люди, которым уже нечего терять, ничего в этой жизни для них не является ценным. В современном мире использование женщин стало элементом технологии террористической войны, поэтому следует искать пути профилактики вовлечения женщин в терроризм, сосредоточиться на том, чтобы не допустить вербовки новых женщин.

Ключевые слова: терроризм, женская преступность, женщины-террористки, террористы-смертники, гендер

В современном мире угроза терроризма прочно вошла в общественную жизнь и является острой социальной проблемой. Сообщения о подготавливаемых угрозах, о произведённых террористических актах поступают почти ежедневно, всё чаще участниками террора становятся женщины. В январе 2016 г. средства массовой информации сообщили, что правоохранители предотвратили крупный террористический акт. В Ростове-на-Дону по подозрению в подготовке террористического акта задержаны три девушки и молодой человек, готовившие взрывы в общественных местах [В Ростове задержали... 2016]. Соотношение полов «три к одному» – не закономерность, всё же подавляющее число участников террористических формирований составляют лица мужского пола. Однако с самого начала развития террористической деятельности женщины принимали в ней активное участие, которое не ограничивалось только второстепенными ролями, зачастую они становились лидерами организаций и являлись генераторами преступных идей [Ильченко 2015].

После распада Советского Союза и с началом чеченской войны терроризм захлестнул Россию. По мнению учёных, новая волна терроризма, начавшаяся с конца XX века и продолжающаяся до сих пор, имеет несколько отличительных характеристик [Weinberg 2011]. Во-первых, религия является основным фактором в активизации новых террористических групп. Во-вторых, если ранее террористы старались убивать людей выборочно, новые террористы стремятся к публичности, хотят, чтобы «многие люди видели, как немногие погибают» [Weinberg 2011: 38]. Иными словами, современные террористы совершают масштабные убийства, о которых узнаёт огромное количество людей (например, атаки в Нью-Йорке 9/11). В-третьих, террористические кампании почти всегда разработаны так, чтобы привлечь внимание большой аудитории, современный терроризм широко использует новые формы общения, предоставленные в сети Интернет. Так, ролики, которые снимают и транслируют террористы, по качеству и наличию спецэффектов можно сравнить с фильмами, снятыми в Голливуде. В-четвёртых, новые террористы стремятся завладеть оружием массового поражения. Однако особым отличием совершения современных терактов является использование террористов-смертников.

Именно эта особенность стала причиной активного привлечения женщин к террористической деятельности. Как подчёркивает В. Г. Малышев, «на рубеже XX и XXI веков террористические структуры стали всё чаще задействовать женщин-самоубийц» [Малышев 2005: 1].

Привлечение женщин-смертниц к совершению террористических актов, с точки зрения их организаторов, имеет ряд очевидных преимуществ. Они, как правило, носят более

С самого начала развития террористической деятельности женщины принимали в ней активное участие, которое не ограничивалось только второстепенными ролями, зачастую они становились лидерами организаций и являлись генераторами преступных идей.

громоздкую одежду, чем мужчины, которая позволяет им лучше скрыть бомбы. Женщина может быть беременной, что имеет особую, двойную «выгоду»: сотрудники службы безопасности зачастую неохотно идут на задержание беременных женщин, что позволяет потенциальным террористкам-смертницам скрыть оружие. В целом то обстоятельство, что «женщины вызывают меньше подозрений, чем мужчины в одинаковых условиях», не раз использовали представители различных террористических организаций. В результате в среднем террористки-смертницы одним действием убивают больше людей, чем их коллеги-мужчины [O'Rourke 2009].

В России особую активность проявили женщины-террористки на Северном Кавказе. Вайнберг отмечает: «Чеченские националисты начали активно бороться за независимость республики после распада Советского Союза в 1991 г. Попытка отделения частично носила религиозный характер, возглавляемая мусульманскими сепаратистами под влиянием идей воинствующих ваххабитов, почерпнутых из Саудовской Аравии. Под руководством сепаратистов террористические атаки стали совершаться как внутри, так и за пределами Чечни» [Weinberg 2011: 39].

Следует отметить, что научных исследований о современных женщинах-террористках, особенно раскрывающих социологическую составляющую проблемы, немного. В одном из них Анне Спекхард и Харта Ахмедова на основе авторского исследования приводят социальный портрет женщин-смертниц, принимавших участие в чеченском конфликте. Согласно данным авторов, средний возраст террористок-смертниц составляет двадцать пять лет (возрастной диапазон от пятнадцати до сорока пяти лет). Особый интерес, на наш взгляд, представляет семейное положение женщин. Так, по данным А. Спекхард и Х. Ахмедовой, общепринятое стереотипное определение чеченской женщины-террористки как «вдовы» не имеет под собой оснований. Согласно данным, полученным авторами, менее четверти женщин (23%) были вдовами [Female Suicide... 2006]. Далее, сравнив семейное положение женщин и мужчин-террористов, авторы обнаружили, что 12% мужчин и только 3% женщин состояли в браке на момент совершения террористического акта, однако в обоих случаях в их семьях имелись дети, что находится в прямом противоречии с практикой ливанских и палестинских террористических групп, которые предпочитают отправлять на смерть не состоящих в браке бездетных мужчин [Female Suicide... 2006].

Кроме того, согласно данным исследования учёных, террористки имели достаточно высокий уровень образования. Так, большинство женщин-террористок закончили среднюю школу (65%), другие (25,1%) получали или уже имели высшее образование [Female Suicide Bombers 2006]. По нашему

Террористки имели достаточно высокий уровень образования. Так, большинство женщин-террористок закончили среднюю школу (65%), другие (25,1%) получали или уже имели высшее образование.

мнению, данные об образовании наглядно демонстрируют, что представление о террористках как о женщинах с невысокими умственными способностями неверно. Напротив, степень образованности женщин позволяет нам сделать вывод, что интеллектуальное развитие женщин находилось в пределах нормы.

Социально-экономический статус женщин, по мнению А. Спекхард и Х. Ахмедовой, соответствовал среднему уровню жизни в республике (учитывая экономическую ситуацию после двух разрушительных войн). Лишь две женщины были отнесены исследователями к группе с низким экономическим статусом по сравнению с населением региона в целом. Женщины, имеющие собственное дело (около 10%), были в основном заняты в сфере торговли, что помогало им найти приемлемый предлог для длительного отсутствия. Некоторые женщины, участвовавшие в террористических актах в московском театре на Дубровке и в Беслане, сказали своим семьям, что уезжают, чтобы закупить товары для бизнеса [Female Suicide... 2006].

В другом социологическом исследовании М. А. Лактионова выделяет три категории женщин, вовлечённых в экстремистскую и террористическую деятельность [Лактионова 2014]. Так, первую категорию составляют молодые женщины от 18 до 26 лет, состоящие в «мусульманском браке» (часто не первом) с мужчинами, входившими в незаконные вооружённые формирования. М. А. Лактионова поясняет, что «мусульманский брак» заключается с соратниками погибшего мужа или мужа здравствующего, но ведущего аморальный образ жизни. Это малообеспеченные, часто безработные женщины с малолетними детьми, не имеющие высшего образования. Такие женщины вовлекаются в террористическую деятельность путём оказания им небольшой материальной помощи (покупка и доставка продуктов, медикаментов). Характерно, что, согласно исследованию Лактионовой, 1/3 из этих женщин являются русскими по национальности, хотя имеют мусульманское имя. Они стараются не брать в руки оружие, но активно оказывают пособничество членам террористических групп.

Вторую категорию, занимающуюся в основном вербовкой новых членов, составляют женщины 40–55 лет, имеющие педагогическое образование и работающие в публичных местах, что позволяет им контактировать с большим количеством людей. В свою очередь, сами женщины почерпнули идеи терроризма из общения с членами своих семей, друзьями, входящими в незаконные формирования.

Третью категорию составляют женщины, занимающиеся преимущественно экстремизмом, то есть они стремятся к возбуждению межнациональной розни и вражды. Женщины этой категории, как правило, поддерживают и развивают в социальных сетях идеи своих родственников-мужчин. Другой

причиной их экстремистских действий Лактионова называет пережитую обиду, оскорбление со стороны мужчины другой национальности.

И, наконец, четвёртую категорию составляют женщины, напрямую участвующие в совершении террористических актов [Лактионова 2014].

Вопрос о том, какие мотивы движут людьми, совершающими террористические акты, является сложным для изучения. Немногие выжившие террористы-смертники хранят молчание, либо объясняют своё поведение религиозными мотивами и/или личной неприязнью к людям других национальностей. Проведённый нами анализ научной литературы позволяет вычленил два прямо противоположных мнения по поводу мотивов поведения женщин-террористок. Сторонники первого ставят знак равенства между женской и мужской мотивацией терроризма. И. А. Ким считает, что «женщинам, как и мужчинам, свойственны одинаковые мотивы участия в террористических актах: например, защита страны, родины, месть за близких» [Ким 2006: 71]. Другого мнения придерживается В. Г. Малышев, который считает, что в большинстве случаев женщинам неинтересны политические и идеологические идеи, которые ставит перед собой террористическая организация: «...женщины сражаются и гибнут не «во имя», а «против» и «за»: против низкого статуса женщины в их семьях и обществах, против властей, которые нанесли персональное оскорбление или совершили преступление против их родных и близких, за любимого человека» [Малышев 2012: 3].

Данную точку зрения разделяет М. А. Лактионова, констатирующая, что «природа женского терроризма значительно отличается от мужского» [Лактионова 2014: 114].

Немногочисленные научные публикации, посвящённые террористической деятельности женщин, затрагивающие вопросы о причинах и мотивах их поведения, носят фрагментарный и отрывочный характер. Многие объяснения используются как штампы, переходящие из одной публикации в другую и не учитывающие социально-психологические особенности личности террористок, условий жизни, методов вербовки.

Представляется целесообразным рассмотреть две группы мотивов участия женщин в террористической деятельности. К первой группе мы относим объяснения, исходящие из того, что женщины в силу разных причин самостоятельно сделали выбор в пользу террористической деятельности (особенности психоэмоциональной сферы, желание заработать). Вторую группу, по нашему мнению, составляют мотивы принудительного вступления женщин в террористические организации (шантаж, прямое принуждение мужа, религиозного лидера, манипуляции желанием отомстить за смерть близкого).

Первую группу мотивов составляют в основном объяснения, мало чем отличающиеся от объяснений женского террора начала XX в. Удивительно, но по-прежнему широко распространёнными являются идеи, выдвинутые ещё Ч. Ломброзо о том, что женщины – более завистливые, мстительные, нравственно менее полноценные существа, чем мужчины. Если негативные наклонности женщин возбуждаются, то это может приводить к самым тяжёлым последствиям. Кроме того, биологический подход используется для объяснения поведения женщин зоологической целесообразностью. Учёными сравнивается поведение многих женских особей в животном мире, добывающих пищу и убивающих своих жертв, и поведение женщин-террористок, потерявших веру во всё и ненавидящих весь мир [Ким 2006]. Стереотипное утверждение о порочности, повышенной эмоциональности и чрезмерной агрессивности женщин настолько сильно, что И. А. Ким пишет: «В изданной в Великобритании книге «Стреляй сначала в женщин» британская журналистка А. МакДональд утверждает, что название книги позаимствовано ею из руководства Интерпола для анти-террористических спецслужб. Специалисты, по-видимому, считают женщин-террористок опаснее мужчин, потому, согласно международной практике, их надо уничтожать первыми» [Ким 2006: 72]. Далее этот же автор приводит мнение У. Лакера о том, что женщины-члены террористических структур, как правило, более мужественны, более преданны идеалам и целям организации и более фанатичны [Ким 2006]. Средства массовой информации формируют образ террористки, неспособной отвечать за свои поступки: они «ослеплены», лишены рассудка [Романов и др. 2003].

Другим распространённым мотивом террористической активности женщин считается их моральная и психическая патология, неравноценность мужских и женских черт, что приводит к обвинениям в женской несостоятельности [Романов и др. 2003]. При этом в качестве аргумента приводится всё тот же биологический подход, а именно идея о том, что для подавляющего большинства психически здоровых женщин невозможна сама мысль об убийстве невинных людей, в том числе детей, с помощью варварских террористических методов [Ким 2006]. С этой точки зрения женский терроризм выглядит как аномалия, вызванная психическими отклонениями [Ильченко 2013].

Исследователи по-прежнему, как и при объяснении женского терроризма в начале XX в., говорят о том, что к террору как осмысленному выбору женщина может прийти, посчитав достойным данный способ самоутверждения. Так, В. Г. Малышев пишет, что «террор становится для многих из них универсальным способом самоутверждения. Поэтому женщины, как правило, глубоко уверены в необходимости

Удивительно, но по-прежнему широко распространёнными являются идеи, выдвинутые ещё Ч. Ломброзо о том, что женщины – более завистливые, мстительные, нравственно менее полноценные существа, чем мужчины.

К террору как осмысленному выбору женщина может прийти, посчитав достойным данный способ самоутверждения.

и оправданности совершения терактов» [Малышев 2012: 3]. Об этом же говорит И. А. Ким: «Участие женщин в террористических актах обусловлено стремлением к обретению собственной идентичности, когда, заплатив такую цену, женщина способна уравниваться с мужчиной в общественной сфере. Неприятие обычной модели женской судьбы указывает террористке путь к обретению смысла существования. Стать членом организации – значит преодолеть отчуждённость, почувствовать себя частью целого» [Ким 2006: 72].

Вместе с тем, В. Малышев полагает, что нарастание женского терроризма обусловлено подъёмом феминистского движения, способствовавшего пониманию женщинами своей значимости, и возможностью самореализации в различных сферах деятельности, в том числе и в терроризме [Малышев 2012]. Однако данная точка зрения не поддерживается другими учёными. Напротив, М. А. Лактионова отмечает, что в России нарастание женского терроризма происходит на Северном Кавказе, в регионе, «о феминизации которого не может быть и речи, так как всё ещё сильны основы традиционного общества, где женщина – хранительница очага и мира» [Лактионова 2014: 112].

В первую группу (самостоятельный выбор женщин) можно включить мотив стремления к самоубийствам, который получает новую интерпретацию. П. В. Романов на основании анализа СМИ подчёркивает, что по-прежнему распространено мнение о склонности женщин к террористическому суициду [Романов и др. 2003]. И. А. Ким пишет, что, по мнению мусульманских женщин, совершение самоубийства – это и есть мученическая смерть за веру, которая способствует попаданию в рай, куда женщинам дорога ранее была недоступна. Возможно, это некая религиозная практика или религиозный женский опыт. Далее автор отмечает, что на самом деле в традиционном исламе отношение к самоубийцам отрицательное и, кроме того, согласно исламу, женщина имеет возможность войти в рай, не совершая героических поступков [Ким 2006].

Корысть, стремление к материальной выгоде может стать значимым мотивом участия женщин в террористической деятельности. На основании анализов материалов СМИ, исследователи отмечают, что «террористками движут корыстные соображения» [Романов и др. 2003]. Действия, выполняемые террористками, рассматриваются в СМИ не только с точки зрения выплат непосредственно смертнице, но и с помощью материальной компенсации родственникам после совершения ею террористического акта [Explanations of Female... 2009]. Иными словами, часть расчётливых женщин может сознательно участвовать в терроре, действуя ради денег.

Нарастание женского терроризма обусловлено подъёмом феминистского движения, способствовавшего пониманию женщинами своей значимости, и возможностью самореализации в различных сферах деятельности, в том числе и в терроризме.

Корысть, стремление к материальной выгоде может стать значимым мотивом участия женщин в террористической деятельности.

Общим основанием для второй группы мотивов, по нашему мнению, является то, что вовлечение в терроризм – это не осознанный выбор женщины, а результат воздействия на неё. В таком случае женщина-террористка предстаёт жертвой обстоятельств и окружающих её мужчин. Учёными подчёркивается, что во многих публикациях СМИ террористки представлены как «повинующиеся, страдательные объекты действия» [Романов и др. 2003]. И. А. Ким пишет, что «террористам очень выгодно использовать мусульманских женщин, воспитанных в атмосфере покорности и подчинения мужчине, в своих целях. Женщина в этом случае является только исполнительницей идей экстремистских организаций, возглавляемых мужчинами». И далее, что «исполнение воли мужчины – это путь женского духовного совершенства, которое может сделать её равной по добродетельности мужчине и открыть перспективы райской жизни. Мужчина оказывается не только целью женской жизни, но и средством к достижению совершенства» [Ким 2006: 70]. По мнению исследователя, речь идёт об умелом манипулировании мужчинами сознанием и телом женщин, которых «в традиционной культуре использовали в качестве механизмов по воспроизводству населения, а в настоящее время – в качестве живых машин по его уничтожению» [Ким 2006: 68]. А. Спекхард и Х. Ахмедова отмечают, что в чеченском обществе мужчины традиционно играют главные роли, а женщины являются ведомыми, что отражается и в террористической деятельности [Female Suicide Bombers 2006]. Возможно, именно поэтому женщины-террористки не взорвали бомбы в «Норд-Осте», прежде чем газ настиг их. Существует мнение, что женщины ждали указаний для взрыва и не решились привести устройство в действие без приказа [Female Suicide... 2006].

Одним из широко распространённых объяснений, подчёркивающих вынужденное участие женщин в терроре, является воздействие религии, а точнее ислама. По мнению И. А. Ким: «Роль ислама в маргинализации и обесценивании женщин велика, причём дискриминационный характер отношения к женщинам осуществляется не только с помощью религиозных ритуалов, но и посредством создания базовых мифов, догм и концептуальных схем. Женщина, изначально воспитанная в духе покорности мужчине, готова к исполнению мужских указаний, вплоть до отказа от своей жизни и совершения убийств невинных людей. В этой связи религия играет чрезвычайно важную роль в запрещении или участии женщин в террористических действиях» [Ким 2006: 70]. Следует особо отметить, что несмотря на резко отрицательные высказывания представителей ортодоксального ислама против терроризма в целом и женского в частности, всё же в ряде стран руко-

Вовлечение в терроризм – это не осознанный выбор женщины, а результат воздействия на неё. В таком случае женщина-террористка предстаёт жертвой обстоятельств и окружающих её мужчин.

водители экстремистских организаций издали специальные постановления, разрешающие женщинам участвовать в террористических актах [Ким 2006: 70–71].

Согласно исследованию А. Спекхард и Х. Ахмедовой, все террористки-смертницы разделяли взгляды воинствующих ваххабитов на момент совершения террористических действий [Female Suicide... 2006]. В то же время менее половины смертников, как мужчин, так и женщин, были религиозны ранее или воспитывались в семьях с сильной религиозной культурой. Полученные данные позволили прийти к выводу, что религиозные верования служат в качестве психологического буфера и представляют механизмы психологической защиты, когда речь идёт о смерти или других серьёзных травматических событиях. Кроме того, имеющиеся умеренные религиозные взгляды способствуют более лёгкому (менее критичному) восприятию идеологии боевого джихада, пропагандируемых им идей «мученичества» [Female Suicide... 2006].

Другим мотивом женского терроризма может стать желание кровной мести в результате потери близкого человека, мужа или брата. В таком случае вопрос сводится к возможной манипуляции женским отчаянием и беспомощностью со стороны мужчин, стоящих во главе сети террористических организаций [Ким 2006]. По мнению П. В. Романова, речь идёт о «мести чёрных вдов» [Романов и др. 2003]. Мотивом женского терроризма может стать желание кровной мести в результате потери близкого человека, мужа или брата.

Кроме того, возможным методом воздействия является наркотическое и психотропное опьянение женщин-террористок. И. А. Ким пишет, что «именно тогда, когда рассудок потенциальной смертницы затуманен наркотиками, с ней и начинают вести разговоры о том, как хорошо и почётно взорвать «неверных» и прямой дорогой «пойти в рай»» [Ким 2006: 73]. Хотя существует и обратное мнение о том, что если человека продержат несколько недель на наркотиках, то он будет вести себя неестественно и может привлечь внимание спецслужб [Романов и др. 2003].

К принудительным методам вербовки террористок можно отнести и шантаж – угрозу расправиться с родственниками женщины, а также возможно имевшее место публичное изнасилование, приводящее к тому, что обесчещенным женщинам больше нечего терять. П. В. Романов пишет, что СМИ связывают вступление женщин на путь террора с репутацией «распутниц», навлекающих «позор на весь род» [Романов и др. 2003].

Иными словами, мотивация женщин-террористок может быть внутренней и внешней. Однако в любом случае, независимо от того, какие мотивы лежат в основе участия в терроре, смертницы – это люди, которым уже нечего терять,

Согласно исследованиям, все террористки-смертницы разделяли взгляды воинствующих ваххабитов на момент совершения террористических действий.

Мотивом женского терроризма может стать желание кровной мести в результате потери близкого человека, мужа или брата.

Возможным методом воздействия является наркотическое и психотропное опьянение женщин-террористок.

К принудительным методам вербовки террористок можно отнести и шантаж – угрозу расправиться с родственниками женщины, а также возможно имевшее место публичное изнасилование, приводящее к тому, что обесчещенным женщинам больше нечего терять.

ничего в этой жизни для них не является ценным. Как и для любых убийц, им свойственна дегуманизация жертв, которые террористам представляются не людьми, а «неверными», или животными, которых убивать легко. На основании анализа материалов СМИ, единственное, что, возможно, способно остановить смертницу, – пишет П. Романов – это почитание женщин и детей своей национальности» [Романов и др. 2003: 151].

В завершении следует отметить, что неверно думать, будто террористками могут быть только кавказские женщины, одетые в хиджаб. Террористкой может стать любая другая женщина, в том числе европейской внешности. Интернациональную природу явления подтверждает наблюдающееся в настоящее время массовое привлечение женщин из европейских стран к движению «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). СМИ сообщает о сотнях завербованных датчанок, француженок и англичанок. Широкую известность получил случай задержания при попытке перейти турецко-ливийскую границу российской студентки Варвары К., рекрутированной для работы в ИГИЛ [Варваре Карауловой грозит... 2015].

Таким образом, в настоящее время проблема женского терроризма приобретает новые формы и поистине международные масштабы. Для успешной реализации превентивных программ следует переосмыслить понимание проблемы. Следует согласиться с мнением российских учёных о том, что понять мотивы женского участия в террористических действиях «вряд ли помогут стереотипные обвинения в адрес неправильных женщин, которые на самом деле являются обычными солдатами, выполняющими приказы» [Романов и др. 2003: 149]. В современном мире использование женщин (как и детей) стало новым элементом технологии террористической войны, поэтому следует не обвинять женщин в несостоятельности или порочности, а искать пути профилактики вовлечения женщин в терроризм, сосредоточиться на том, чтобы не допустить вербовки новых жертв среди женщин.

Библиографический список

Варваре Карауловой грозит до десяти лет за попытку вступить в ИГИЛ // Веб-сайт «Комсомольская правда». URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26451/3321653/> [Дата посещения: 05.12.2015].

В Ростове задержали девушек, готовивших теракты // Веб-сайт «Росбалт». URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/01/18/1480666.html> [Дата посещения: 19.01.2016].

Ильченко О. Ю. 2013. Биологические теории о преступной активности женщин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. № 4. С. 41–45.

Ильченко О. Ю. 2015. О некоторых особенностях женского терроризма в России // Преступность и социальный контроль. Сборник материалов XXVIII международной Балтийской криминологической конференции в 2 ч. Ч. 1. СПб.: ИД Алеф-Пресс. С. 159–163.

Ким И. А. 2006 Гендерное неравенство в исламе: женский терроризм // Аналитика культурологи. Вып. 2 (6). С. 66–74.

Лактионова М. А. 2014. Особенности женского терроризма: региональный аспект // Вестник АГУ. Вып. 4 (148). С. 108–116.

Малышев В. Г. Социально-психологические аспекты участия женщин-смертниц в террористической деятельности // Веб-сайт «Институт Ближнего Востока». URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-11-05.htm> [Дата посещения: 21.11.2015].

Романов П. В., Щербланова В. В., Ярская-Смирнова Е. Р. 2003. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ (Дискурс-анализ газетных публикаций) // Политические исследования. № 6. С. 144–154.

Explanations of Female Terrorism. Discourses about Chechen Terrorists in the Russian Mass Media: Easy Girls, Coarse Women or Fighters? 2009. / In the book: Gender Dynamics and Post-Conflict Reconstruction / Edited by Christine Eifler and Ruth Seifert. Frankfurt am Main. Frankfurt: Peter Lang, 2009. С. 245–268.

Female Suicide Bombers: Dying for Equality / Ed. By Y. Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University, 2006. 111 p.

O'Rourke L. 2009. What's special about female suicide terrorism? // Security Studies. № 18 (4). P. 681–718.

Weinberg L., Eubank W. 2011. Women's Involvement in Terrorism // Gend. Issue 28. P. 22–49.

DOI: [10.19181/vis.2016.17.2.402](https://doi.org/10.19181/vis.2016.17.2.402)

Women and Terror: Women Participating in Terrorist Movements

Ilchenko Oksana Yurievna

Candidate of sociological sciences, Assistant Professor, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: ilchenjo.oyu@dvfu.ru

Abstract. This article examines the issue of women partaking in terrorist activities. A distinguishing features of the new wave of terrorism, which began at the end of the 20th century and continues to this day, is getting women actively involved in terrorist activities. The article cites analysis of sociological studies dedicated to female participation in terror, while describing the social portrait of female suicide-bombers. Aside from that, this article showcases the peculiar motivations of women who partake in terrorist activities. Academic literature features two contradictory opinions on the motives behind the behavior of female terrorists: some presume that the motivation to partake in terrorism is the same for both men and women,

while others suppose that the nature of female terrorism drastically differs from its male counterpart. In the meantime several explanations are used as “stamps” and transcend from one publication to the next. The author offers two groups of motives for female terrorists, based on data from sociological studies. It is shown that the first group incorporates motives based on a woman’s independent decision to join a terrorist movement (psycho-emotional aspects, a desire to earn some money, development of feminism and aspiring towards self-affirmation). The second group is comprised of motives which imply women joining terrorist organizations by force (blackmail, being directly forced by their husbands or a religious leader, being manipulated by their desire to avenge the loss of someone close, narcotic or psychotropic intoxication). The author comes to the conclusion that, whatever the motives may be for female suicide bombers, these are people who have nothing to lose, and for who nothing is of any value in this life. Using women in our modern world has become a technological element utilized by terrorists to wage war, therefore it is necessary to find a way to prevent women’s involvement in terrorism, and to concentrate on averting the recruitment of new women.

Keywords: terrorism, women terrorism, women suicide bombers, gender.

References

Explanations of Female Terrorism. Discourses about Chechen Terrorists in the Russian Mass Media: Easy Girls, Coarse Women or Fighters? Gender Dynamics and Post-Conflict Reconstruction. Ed. by C. Eifler, R. Seifert. Frankfurt: Peter Lang, 2009, pp. 245–268.

Female Suicide Bombers: Dying for Equality. Ed. by Y. Schweitzer. Tel Aviv: Jaffee Center for Strategic Studies, Tel Aviv University, 2006. 111 p.

Il’chenko O. Y. Biologicheskie teorii o prestupnoy aktivnosti zhenschin [Biological Theories about Criminal Activity of Women]. *Kriminologija: vchera, segodnja, zavtra*, 2013, no 4, pp. 41–45.

Il’chenko O. Y. O nekotoryh osobennostyah zhenskogo terrorizma v Rossii [Some Features of the Female Terrorist in Russia]. *Prestupnost’ i social’ny kontrol’*. Sbornik materialov XXVIII mezhdunarodnoy Baltiyskoy kriminologicheskoy konferencii. Vol. 1. Saint-Petersburg, Alef-Press, 2015, pp. 159–163.

Kim I. A. Gendernoe neravenstvo v islame: zhenskij terrorizm [Gender Inequality in Islam: Women’s Terrorism]. *Analitika kul’turologi*, 2006, Vol. 2 (6), pp. 66–74.

Laktionova M. A. Osobennosti zhenskogo terrorizma: regional’ny aspect [Peculiarities of Female Terrorism: Regional Aspect]. *Vestnik AGU*, 2014, Vol. 4 (148), pp. 108–116.

Malyshev V. G. Social’no-psihologicheskie aspekty uchastija zhenschin-smertnic v terroristicheskoy deyatelnosti [Socio-psychological Aspects of Female Suicide Bombers to Participate in Terrorist Activities]. Institut Blizhnego Vostoka. Official website. 24.11.2005. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/24-11-05.htm> [date of visit: 21.11.2015].

O’Rourke L. What’s special about female suicide terrorism? *Security Studies*, 2009, no 18 (4), pp. 681–718.

Romanov P. V., Scheblanova V. V., Jarskaja-Smirnova E. R. Zhenschiny-terroristki v interpretativnykh modeliah rossiyskikh SMI (Diskurs-analiz gazetnykh publikacij) [Women-Terrorists in the Interpretative Models of the Russian Mass Media (Discourse Analysis of Newspaper Publications)]. *Politicheskie issledovaniya*, 2003, no 6, pp. 144–154.

V Rostove zaderzhali devushek, gotovivshih terakty [Women who were Preparing Terrorist Attacks were Detained in Rostov]. *Rosbalt*. Official website. 18.01.2016. URL: <http://www.rosbalt.ru/federal/2016/01/18/1480666.html> [date of visit: 19.01.2016].

Varvare Karaulovoy grozit do desiati let za popytku vstupit’ v IGIL [Barbara Karaulova Faces up to Ten Years in Prison for Attempt to Join the Islamic State]. «Komsomol’skaja pravda» journal. Official website. 28.10.2015. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26451/3321653> [date of visit: 05.12.2015].

Weinberg L., Eubank W. Women’s Involvement in Terrorism. *Gender Issue*, 2011, no 28, pp. 22–49.

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук
Издатель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социологии Российской академии наук

Председатель международного редакционного совета:
Кравченко Сергей Александрович

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Зинаида Тихоновна Голенкова,
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <http://www.vestnik.isras.ru>